

ROBERT TWIGGER

ANGRY WHITE
PYJAMAS

A SCRAWNY OXFORD POET TAKES
LESSONS FROM THE TOKYO RIOT POLICE

1. Настоящий мужчина в эпоху Nintendo

"Вообще, в нашей цивилизации само слово "поэзия" вызывает враждебные смешки."

Джордж Орвелл

"Лучше испытать немного несчастий, пока вы еще молоды, потому что если человек не испытает немного горечи он не утомонится."

Хагакурэ

Я шел на работу, когда заметил сверкающий металлический шарик в грязи. Это был шарик пачинко, который использовался в своеобразном японском игровом автомате как приз. В конце игры в пачинко вы получали наличные за стальные шарики, которых можно было собрать до тысячи, чтобы сорвать джек-пот, получив как приз домашнюю технику или деньги. Обычно шарики пачинко остаются в залах с автоматами пачинко, поэтому я был удивлен, увидев еще один и далее на небольшом удалении еще один и еще. Следуя по этому ценному следу, я собирал шарики, оттирал их от грязи, улыбаясь самому себе в теплом солнечном свете. Солнце мерцало на стали и я звенел собранными шариками, словно маленький мальчик, собирающий гальку на пляже.

След вел до главной дороги, которую мне предстояло пересечь, чтобы добраться до вокзала. Я наклонился чтобы поднять еще один шарик, когда я услышал визг скользящих от резкого торможения шин и увидел рассыпающиеся по дороге пиломатериалы с кузова маленького грузовика. Красный спортивный автомобиль Mazda стоял перед грузовиком, тогда как другие автомобили устремились в противоположный переулок во избежание инцидента. Я был не совсем уверен в том, что случилось, и я остановился посмотреть, звеня шариками пачинко в своей руке.

Водитель грузовика был молодым человеком с "уложенной агрессивной" прической, стиль, предпочитаемый японскими мужчинами с насильственными наклонностями, берушими вдохновение от причесок якудза, организованной преступности, главным образом втянутой в рэкет азартных игр. Он подобрал один из упавших брусков позади его грузовика и бросился на водителя спортивного автомобиля. На гортанном мужественном японском он вопил: "Что ты делаешь? Кем ты себя возомнил?", с перемежающимися угрозами, "Я убью тебя!"

Водитель автомобиля, как я видел, был очень испуган. Он также был молодым человеком и был одет в костюм. Водитель грузовика ударил своим куском древесины по ветровому стеклу автомобиля, стараясь тем самым разбить его. Водитель Mazda закрыл лицо ожидая, что полетят осколки. Это выражение страха усугубило ситуацию. Водитель грузовика в ярости ударил по стеклу еще несколько раз и водитель Mazda не переставал извиняться: "Сумимасэн. Гомэн насаи. Гомэн. Гомэн насаи." Затем водитель грузовика дотянулся и схватил человека в Mazda за его галстук. Вот он, я думал, момент насилия. Я должен вмешаться, но как? Там, как казалось, не было никакой паузы, никакого момента задумчивости, позволяющего мне воскликнуть с подходящим замечанием, сдерживающую руку. Я неподвижен, напуган.

Наматывая галстук на кулак и таща на этой импровизированной узде водитель грузовика гнал человека из Mazda, Вынуждая его двигаться в сторону от дороги. Потом водитель грузовика ударил колпак колеса Mazda и затем водителя, который все еще приносил извинения, убегая. Он поклонился водителю грузовика, полным извинения поклоном в пояс. Водитель грузовика разглагольствовал еще некоторое время, рыча "Букурроссу" ("Я убью тебя") и бил бампер и колпак колеса, подчеркивая его неудовлетворенность.

Потом это случилось. Что-то столь странное и неуместное в современном Токио, чего я никогда не предугадал бы. Пока автомобили проносились мимо по шоссе, водитель грузовика толкнул водителя Mazda на колени у края газона. Угнетенный служащий выглядел патетично, стоя на коленях в траве перед яростным водителем грузовика с куском древесины в руках. Я думал, что он возможно мог бы заплакать. Вместо этого он мастерски выполнил полный императорский поклон, с вытянутыми руками распростершись лицом в пыльную траву. Его корпоративная голова поднялась и обрушилась несколько раз

пока он говорил на самом вежливом японском, который я когда либо слышал, буквально прося прощения от водителя грузовика.

Извинение сработало. Водитель грузовика перезагрузил свой груз и служащий поспешил удалиться прочь на работу. Так или иначе, искренняя невинность поиска шариков пачинко была потеряна. Я бросил их назад в водосток. Возможно ли, что я вмешался бы, если бы ситуация приняла непристойный оборот? Я мог бы швырнуть шарики пачинко, если бы ситуация стала бы действительно тяжелой. Но я никогда не был достаточно хорош в бросках. Я спокойно отметил свои реакции: опасение, любопытство и ощущение исключенности, по ту сторону. Я видел определенные четкие нормы насилия работавшие в месте, где я едва ожидал увидеть насилие вообще.

Насилие не было моей стезей. Именно поэтому проживание в Токио удовлетворяло меня – это была, вероятно, самая безопасная столица в мире. Но все больше и больше я задавался вопросом, что бы я сделал, если бы меня пытались ограбить, напали на меня, выбравшие меня как цель вооруженные ножами мутанты в темном сыром переулке; темные сырые переулки, воняющие мочой и старыми обертками от булочек с начинкой, кошмар городского комфорта последнее пристанище – одиночка, беззащитный, сжавшийся словно эмбрион, защищая свою собственность промокшими газетами. Откровенно говоря, это доставило мне неудобство. Я убедился, что беспокойство, которое не покидало меня, было связано с моей основной нехваткой физической подготовки. Дряхлость медленно одолевала меня, а мне было только тридцать. Некоторая врожденная жизнестойкость поддерживала мое существование все время пока мне было за двадцать, но в минуту когда мне исполнилось тридцать я начал быстро угасать. Я начал подозревать, что у меня был какой то недуг, какая то таинственная истощающая болезнь. Этому упадку по общему признанию не способствовали курение, распитие большого количества кофе и жизнь за счет пакетированного риса карри. Мои соседи по комнате пострадали вместе со мной. У Криса появились прыщи на спине. Толстого Фрэнка, иранца, окружал постоянный ужасный запах.

Крис был пухлым коротышкой, лысым и в очках. Под его внушительной яркой лысиной скрывался мозг огромной силы и сложности. В старые времена он, возможно, был бы генералом, профессором университета, советником судов и королей. В тетчеровской Великобритании он был налоговым консультантом. Невероятное сознание Криса изобрело схемы ухода от налогового обложения такой сложности, что для их описания потребовались бы 3-D диаграммы размером с массивный стол для переговоров. Крис был изначально одаренным ребенком, сторевшим в двадцать семь после получения гонораров в сотни тысяч, за советы богатым людям, как экономить деньги. Как пострадавший от бешенных денег в восьмидесятые он отвернулся от обычной жизни, чтобы преследовать свои многочисленные интересы. Но, что наиболее важно, он всегда ставил своих друзей на первое место, помогая им, даже когда это было опасным для него. Он пошел дальше, пройдя путь от налогового специалиста до многоцелевого специалиста, и всякий раз, когда у меня были проблемы, то первым делом я спрашивал мнение Криса. Он знал все, был повсюду, занимался почти всем либо если чего он не делал, то, близкая к фотографичной, его память изрыгала список литературы, абсолютно существенных книг по рассматриваемому предмету.

Как специалист с полной занятостью и преподаватель английского с частичной занятостью, Крис полагал, что современный мир был болезненно поглощен чистотой. Он любил, чтобы кухонные полотенца были хорошо грязными, что позволило бы нам не избежать ежедневной дозы микроорганизмов, необходимых для поддержки наших иммунных систем в первоклассном состоянии. Вместо того, чтобы истреблять полезных бактерий в его рубашках с душком, он предпочитал обрабатывать их специфично пахнущим мужским парфюмом называемом Mandom, который был всегда доступен во всех японских круглосуточных магазинах 7-Элэвен.

Крис объединился с приветливым Толстым Фрэнком на злополучной ковровой спекуляции в Дубаи. Они приехали в Японию, чтобы попробовать продать персидские шедевры японцам, что было успешным пока их экономика "мыльного пузыря" не лопнула. Они остались, заманенные легкими деньгами за обучение английскому языку, переписывая и дублируя деловое видео.

Перед приездом в Японию Толстый Фрэнк был, в разное время, иранским борцом любителем, профессиональным исполнителем танца живота и студентом медицины. Он был иранцем, хотя получил образование в Великобритании, он любил составлять загадочные и бессмысленные предложения только для того, чтобы применить новое слово. "Будет то, как может", была одна из его любимых фраз.

Толстый Фрэнк имел большой живот и спину покрытую полностью волосами. "Когда река суха, я отдыхаю", сказал он как то. "А когда река полна, я плыву". Он лежал на спине, просматривая учебник японского в это время. Он сделал паузу и повернул страницу. "Прямо сейчас река суха." Когда ситуация становилась угнетающей, Толстый Фрэнк

начинал хрустеть своими пальцами, петь и танцевать танец живота будучи в одних трусах. У него был специальный иранский способ хрустеть пальцами, используя обе руки, что было невероятно шумным. Все его песни начинались со слова *guftam*. В конце я его спросил как то, что означало *guftam*. Толстый Фрэнк улынулся. "Я сказал", ответил он. Крис ненавидел стенающие иранские песни, но мне они нравились.

Наша квартира находилась в обветшалом блоке под названием Фуджи Хайтс, месте специфических ароматов, плохих звонков, китайских и корейских иммигрантов, квартала сектантов Сока Гаккай, которые приставали с разговорами к вновь прибывшим и разглагольствовали об обращении в их особенную и государственную Буддистскую веру. Так же там был маленький мальчик, который носил прозрачные наполненные воздухом в подошве сандалии со встроенной пищалкой – писклявые игрушки на каждой ноге, он топал не прекращая по балконному проходу, который располагался над нашей входной дверью, не осознавая, возможно, что он обладал самым раздражающим изобретением, известным человечеству. Фуджи Хайтс было не высоким строением, и не в виде горы Фудзи, это были тридцатилетние бараки для утомленных рабочих, работающих муравьев чудесной японской экономики, которые все съехали отсюда в совершенно новые многоквартирные дома с подземной стоянкой, оставив прежние квартиры нищим и иностранцам, которые не возражали против стиральной машины с вертикальной загрузкой стоящей за передней дверью. Интерьер был темен, окна загораживали огромные многоэтажки с обеих сторон. У нас было две комнаты, каждая десять на двенадцать футов (3x3,6 м), или, на японский манер измерять помещения, они были обе размером в шесть циновок.

Циновка – традиционная мера для помещений в Японии, приблизительно в один метр шириной и в два длиной. Большинство комнат были выложенными циновками, сотканными из татами, немного эластичного покрытия из рисовой соломы. Одна из наших комнат была выложена шестью циновками татами, в другой был износившийся линолеум. По сравнению с Тэссю, самураем поэтом девятнадцатого столетия, которым я восхищался, мы были богаты. Ему принадлежало помещение всего лишь в три циновки – Одна циновка предназначалась для размышления, другая для гостей и третья для его жены и него самого.

Комната с татами была спальней и местом скопления книг. У нас была почти тысяча книг, сложенных у стен аккуратными стопками Крисом, который был заядлым книжным покупателем. Толстый Фрэнк предпочитал заимствовать или "находить" свои книги. Все мы воспринимали чтение как необходимое занятие, как прием пищи; Фрэнк потратил много времени на оба способа поиска книг, таким образом стопки книг становились все выше и выше. Мы должны были соблюдать осторожность, когда ложились спать, в случае если стопки книг обрушились бы на нас. Каждую ночь мы разворачивали футоны и спали на полу. Каждое утро мы сворачивали их и хранили в углу.

Другая комната была кухней и столовой. Доступ к модульной оранжевой пластмассовой ванне был из кухни. Вот такая была температура уборная у нас. У нас было много электронных приборов, которые Толстый Фрэнк выбрал из барахла, выброшенного другими людьми. В Японии подбор мусора очень хорош, потому что люди не имеют достаточно свободного места для хранения старых магнитофонов и телевизоров, когда они заменяют их на новые. Таким образом они часто выбрасывают вещи, которые все еще работоспособны. Толстый Фрэнк негодовал, видя, что хорошие товары длительного пользования пропадают впустую, поэтому он приносил их домой и хранил в своей части комнаты. Спустя несколько дней хранения, мягко акклиматизируя нас к новому уменьшению пространства, он пускал их в общественное пользование. Мы располагали двумя факсами, оба были немного поврежденные, один был пригоден для отправления факса, другой для приема. Два видеоманитофона – один плохо перематывал вперед, другой плохо мотал назад. Два или три кассетных магнитофона. Два компьютера. Два автоответчика. Наши мнения разделились, когда у нас появилась возможность заполучить микроволновку. Крис чувствовал, что это только больше подтолкнет нас к потреблению японской суррогатной пищи – одноминутной лапши, дружеских моментальных гёза (начиненных чесноком печений) и повторно разогретого якитори (цыпленка на вертеле), от немого человека-якитори, магазин которого располагался на один блок дальше нашего.

Нашей единственной раскачкой в физических упражнениях была стрельба по медлительным тараканам монстрам, которые кишели в Фуджи Хайтс, из точных копий пистолетов Luger ВВ. Крис вообще не одобрял этого: "Это даст отрицательный результат – умирающий таракан выделяет гормон, который предупреждает остальных, чтобы они скрывались."

Я чувствовал, что теряю контроль над своей жизнью, что я быстро увядаю, становясь пассивным пятном с ценностью существования стремящимся к нулю. Другие мои заботы были достаточно унылы: тот факт, например, что мне было тридцать и я был никуда негоден и еще, к тому же, жил с двумя другими парнями, которым так же было по тридцать и они так же были никуда негодны. Факт, что у меня не было постоянной работы, постоянной подруги или даже хотя бы твердой руки, из за всего того кофеина и никотина, бегущего по моим венам. Факт, что кто-то недавно украл крышку от нашей стиральной машинки, которая, будучи расположенной за пределами квартиры, была особенно уязвима для

преступления. Стиральная машинка, из которой убегала холодная вода, была не в состоянии отстирать до чиста воротники моих рубашек, вынуждая меня бросать тень на эту чувствительную к грязи нацию, японская промышленность производила скверные стиральные машинки для домашнего пользования.

Единственным возможным образом жизни в таких тесных условиях была общечитие. Мы ели вместе, мы спали в одной комнате, мы выходили дружно из дома. Если когда либо случалось, редкий раз, что к кому-то должна была придти подруга, то мы договаривались "отсутствовать", чтобы несколько часов уединения были возможными. В конце концов мы знали мысли друг друга, заканчивали предложения друг за другом и читали почту друг друга. Это было так, словно тесные условия вынудили три личности сплотиться в одну, что было единственным средством выживания.

Наше самонавязанное страдание было логичным. Частично это было из-за высокого прожиточного минимума в Токио, частично потому, что Толстый Фрэнк был нетрудоспособен. Была обратная реакция против иранцев в Японии, и было невозможно, с его изворотливым статусом визы, найти ему работу. Ранее, великодушное визовое соглашение с Ираном дало возможность заполнить Японию более чем миллионом иранцев. Они были необходимы первоначально, чтобы снизить статус низкооплачиваемых работ. Теперь здесь было слишком много иранцев и японцы считали их проблемой. Проводились периодические компании "зачистки", когда полиция налетала на определенную станцию и арестовывала для высылки любого иранца без действующей регистрационной карты иранца.

У Криса, также был трудный период в жизни. К нему обратился издатель с предложением написать рискованное руководство по изучению японского языка, озаглавленное как "Секспертиза японского языка за семь дней". С подлинным усердием ученого Крис налег на предмет столь плотно, что даже японский порнорежиссер, которого он усердно расспрашивал, был смущен непоколебимой непристойностью словаря. Крис любил напоминать ханжески, что первая изданная работа Артура Коэстлера была сексуальной энциклопедией. Как ведущий специалист Крис раскрывал примеры диалогов и удобных фраз для всего, от торговли садо-мазохистскими резиновыми фетишами до пятнадцати синонимов на японском женских наружных половых органов. В разнообразии вкусов от А до Z, Секспертиза была на Z. Издатель в конечном счете отступил, и не поменял решения даже после того, как Крис согласился выкинуть статью о скотоложстве. Крис потратил много часов, что не было оплачено, исследуя Секспертизу, и наши средства пришли в полный упадок.

Несмотря на фиаско с Секспертизой Крис сохранял свою роль лидера в Фуджи Хайтс, показывая виртуозную компетентность, которая проявлялась регулярно при нас, что не позволяло нам никогда не терять веру в него. Во время одного продолжительного спора после того как свет уже был выключен, между Толстым Фрэнком и мной о невозможности отжиманий на одном пальце, Крис вздохнул, включил боковое освещение и отжался пять раз, что ошеломило нас и ввергло в молчание.

Мой путь в Японию начался с мечты о победе. В то время, в Оксфорде я получил престижную награду в области поэзии - Ньюдигейт. Список обладателей награды включал Оскара Уайльда, Джона Рёскина и Мэтью Арнольда, это убедило меня в том, что я либо ПОЭТ, либо ПИСАТЕЛЬ. Эта призрачная амбиция протащила меня через ряд тупиковых работ. Различные бизнес-схемы бальзаковской путанности все глубже загоняли меня в финансовую дыру, из которой сложно было вернуться в мир кредитных рейтингов и высокооплачиваемых договоров. Все написанное мной я либо публиковал сам, либо было журнально-поверхностным, деньги шли к моим более успешным собратьям.

Единственным моим достижением в тот жизненный период был поход в одиночку по Пиренеям, от Средиземного моря до Атлантического океана, на расстояние семисот километров. Некоторые участки я шел днями в разряженном воздухе, не встречая ни единой живой души; и там, вдали от города, у меня мелькнула мысль бросить все. Но питаться воздухом я не мог, мне нужно было как-то зарабатывать на жизнь.

После двух лет колебаний я купил билет в Японию, соблазнившись большими заработками, новыми местами, о которых можно было бы писать, экзотическими девушками и Тессю. Ямаока Тессю был моим лучшим открытием. Эрудированный английский поэт Питер Леви, который был практически моим наставником в Оксфорде, посоветовал мне почитать Басё, японского мастера хайку. В комментариях к Басё я натолкнулся на информацию о Тессю, самурае-поэте XIX-го века, который тоже писал хайку. Но Тессю был не только поэтом, он был еще и воином, адептом дзен, художником, создавшим более миллиона образцов каллиграфии; он выпивал полгаллона сакэ каждый вечер, был телохранителем императора и открыл собственную школу по искусству владения мечом.

Тессю не мелочился в своих делах. Когда он решил переписать целиком буддийский канон, его спросили, не будет ли это слишком сложно. "Вовсе нет, - ответил Тессю, - я же делаю копию только одной страницы за раз".

Была определенная назойливость связанная с жизнью в Японии. Проживание было дорогим и стрессовым. Токио объединяло чувство искусственного покоя с дешевым, звенящим

металлом безумием. Поезда шли по расписанию, унося вас прочь из столицы в окрестности и обратно, что выглядело однообразным. Повсюду на каждой станции было скопление залов пачинко, вход в которые указывали освещенные неонем забавные двери, и где было полно автоматов. Невероятный грохот миллионов металлических шариков, изрыгаемых в пластиковые подносы, которые после будут обналичивать в призы, вот что для меня было шумом современной Японии.

В год пребывания в Токио я заработал и потратил, больше денег, чем за предыдущие 4 года в Лондоне. Я почувствовал первый укол зарождающейся язвы. Я потерял работу преподавателя, занял денег на жизнь, наблюдал за взрывом "экономики мыльного пузыря", нашел самое дешевое кафе и поселился в квартирке с Крисом и Толстым Фрэнком. Я нашел работу на полставки и начал снова писать.

Я собрал новую коллекцию стихов, и размышлял над примером Тессю. Он был поэт и воин. Он был невероятно продуктивен в деле и еще умудрялся находить время на махание мечом, часовые медитации и поглощение огромных количеств сакэ. Что останавливало меня? Телевиденье? Работа? Необходимость ездить на электричке? Что было у Тессю, чего не доставало мне? Дисциплина. Он просыпался рано, ложился спать поздно и тренировался каждый день. Дисциплины у меня просто не было.

В принципе дисциплины мне всегда не хватало. Всплески энтузиазма частично компенсировали отсутствие привязанностей к чему-либо, но меня удручала четко прослеживающаяся система отличных начал и унылых концов. Я хорошо помню тот момент, когда понял, что все должно измениться. Я ехал вверх по эскалатору торгового центра. Было так много людей, что я должен был стоять без движения среди толпы других офисных служащих, всех как один одетых в пиджаки, с безразличными выражениями лиц, сдерживающих внутреннее раздражение на невозможность двигаться быстрее к пункту назначения, или им было просто все равно. А эскалатор, движущийся вниз, был так же заполнен. Он медленно проезжал мимо меня; это напоминало эпизод фантастического фильма, не фильма ужаса, а из тех нигилистически-футуристических фильмов, где у людей стирают сознание и все они сразу успокаиваются. Я смотрел на пустые лица и понимал: вот это - та жизнь, что у тебя есть, и другой не будет. Что за жизнь - я был физически неразвитый, нездоровый интеллектuala, книжный червяк, поэт, чувствительный парень. Пришло время это изменить.

Возможно, Крис ощущал неизбежный крах Фуджи Хайтс. Именно он постоянно советовал нам, чтобы мы вновь подтянули свою физическую форму. Но именно я предложил в ответ заняться боевыми искусствами, хотя я никогда не умел драться и едва различал мой кулак от своего же локтя. С тех пор, как школьный хулиган ударил меня по лицу кулаком в резиновой рифленой перчатке для крикета, я хотел практиковать боевые искусства, но ангел-хранитель, причудливый боец кунг-фу, оберегал меня от этого. В течении двадцати лет.

Так как Крис создавал впечатление, что он знал абсолютно все, я расспросил его больше о пути воина. Я знал, что он изучал кунг-фу, чтобы противостоять одиночному хулигану в его школе, и "детское каратэ", которое вошло в моду после полноконтактных турниров. Это было одной из главных привлекательностей к Крису, так же как он мог быть высокоинтеллектуальным, он так же мог нанести разрушительный короткий удар. "После того как меня отправили в нокаут я, обычно, был слишком больным и не мог есть в течении трех дней," вспоминал он. Меня никогда не отправляли в нокаут. Я не придерживался таких вещей, размышляя много до сих пор, но все же это казалось чрезвычайно неприятным.

"Необходимо быть отправленным в нокаут, чтобы хорошо драться?" спросил я.

"Если ты не можешь принимать удары, ты не будешь слишком хорош в драке. Но риск того, что тебя вырубят это опасность, а не необходимость."

У Криса были свои собственные представления относительно боевых искусств. Кунг-фу преподавалось ужасно, дзюдо ныне стало спортом, Шотокан каратэ действовало разрушительно на колени, а тай цзи было для домохозяек, если вы не нашли подлинного преподавателя, тогда это становилось самым смертельным искусством. Сёриндзи кэмпо, японское кунг-фу, было культом, ниндзюцу слишком сверхъестественным, кэндо было слишком дорогим и кёкушинкай слишком уж походило на кикбоксинг.

Джейсон, белокурый австралиец, который так же как и я обучал английскому языку, как раз таки занимался кёкушинкай каратэ. Он имел черный пояс и занимался в кёкушинкай додзё, или иначе тренировочном зале, в западном Токио. В первую нашу встречу сбоку на его лице я увидел пятно запекшейся крови. "Кик (пинок)," объяснил он. В следующий раз я увидел его с подбитым глазом. "Локоть," сказал он.

Получение избиений на постоянной основе наверняка не было тем, что я имел в виду, но я был готов попробовать что-нибудь, что привело бы меня в хорошую форму. Крис был определенно против кёкушинкай: "Это зверское занятие, что не означает, однако, что его адепты обязательно более жестки, чем кто либо еще, но это означает действительно лишь одно, что они более глупы."

Я встретил Джейсона однажды на неделе, поскольку мы преподавали в одной и той же средней школе. Он рассказал мне о своих последних достижениях в додзё. Затем, спустя неделю он появился черен лицом, потрясенный, полностью ошеломленный. Его брата, также эксперта боевых искусств, смертельно ранили в ссоре снаружи гостиницы, которой он управлял. Он был убит членом банды Ангелы Ада трехдюймовым (7,5 см) ножом, которым он проколол ему печень. Спустя полчаса он был мертв.

Я пробовал утешить Джейсона. Мы заговорили о мести, но Джейсон был истинным христианином и полагал, что месть бессмысленна. Он показал мне фотографию своего брата, который выглядел жестче и старше в свои двадцать один. Он был чемпионом Северного Квинсленда по кикбоксингу.

В некоторой степени это сделало меня еще более решительным. Я хотел найти некоторое искусство, которое не только бы раздавало удары на право и налево, но также и обучило бы вас противостоять атаке с ножом.

Жизнь книжных червей среди наших груд книг, которые теперь начали включать в себя журналы по боевым искусствам и книги с такими названиями как "Тайна Прикосновения Дракона", "Стать жестче - руководство американских моряков" или моя любимая, полностью эксцентричная "Тюремное Кровавое Железо", которая была написана и издана двумя чудаковатыми бывшими преступниками из тюрьмы Terre Haute в Америке. Мне нравилось эта причудливая смесь эрудиции и опыта тюремного двора, давая вам иллюзию, что вы теперь были экспертом ножевого боя, изучив такие понятие как "зачочка" или "движение с захватом ледоруба".

Но вы не можете научиться драться по книгам. Мы сошлись во мнении, или скорее принял решение Крис, а мы согласились, что наша отвратительная физическая форма и нехватка дисциплины могли быть вылечены только серьезным изучением какого-либо боевого искусства или чего то подобного.

Я узнал о школе меча Тессю. Школа все еще существовала и называлась Муто рю. К сожалению в ней было всего тринадцать практикующих учеников. Во времена Тессю их было более чем четыреста. Мне показалось, что Муто рю терпела крах, с тех пор как ее великий основатель умер.

Я задался вопросом, что Тессю изучал бы теперь, если бы он был жив. "Айкидо, без сомнения," сказал Крис. "В айкидо есть элемент Дзэн, который был утерян многими стилями меча." Было верным, к тому же, что один из главных толкователей Тессю, профессор Джон Стивенс из университета Тохоку, изучал айкидо. Сам Тессю мог никогда не изучать айкидо, поскольку эти техники были чрезвычайно секретными в его дни.

"Айкидо, как и дзюдо, происходит от дзю-дзюцу. В некоторых стилях оно мягко и текуче, в других оно жестко и быстро, более похоже на каратэ. Все формы айкидо включают использование контролей суставов, чтобы вывести из равновесия и бросить человека." Я понял, что Крис уже был подкован в этом предмете.

Крис прочел всевозможные брошюры и журналы и объявил айкидо Ёшинкан "лучшим". Это был один из жестких стилей и он имел соответствующую репутацию. Каждое утро в 8:30 утра они проводили специальное занятие для иностранцев. Занятие проходило на английском языке. Так или иначе это было удобно. Когда я изучу несколько искусных движений и ударов я смогу пойти дальше, посещая занятия только для японцев. Но английский язык на занятиях был прекрасным стартом для такого неопытного новичка как я.

Крис показал мне журнал, изданный организацией Ёшинкан. В нем была статья о "Курсе Гражданской Полиции". Статья повествовала о том, что это был самый тяжелый курс боевых искусств в мире. Курс, который проводился для Кидотай, японской гражданской полиции, был организован в той же самой организации, которую мы хотели посетить.

Я должен был мужественно принять тот факт, что я не был крепким парнем, и вряд ли когда бы мог стать им. Возможно, другие мужчины противостояли этому когда им было двенадцать, но, так или иначе, я был в состоянии отложить на потом столкновение с фактами. Как пример физической стойкости я всегда рассматривал моего деда, полковника Х. Твиггера. Даже в свои восемьдесят семь он был гораздо менее бесхарактерный, чем я. Он боксировал и был стрелком в армии. У него были выступающие наросты на надбровных дугах, выше глаз, которые, казалось, предназначались для того, чтобы бодаться с кем-то.

Перед отъездом в Японию я отправился к нему, чтобы повидаться, и он продемонстрировал мне в замедленном темпе, как использовать кулак и локоть для неотразимой двойной атаки. Он рассказал мне о Нагас, охотниках за головами на бирманско-индийской границе, он присоединился к войскам во время переломного сражения под Кохима в 1944.

Он не доверял ремням безопасности, полагая, что они предназначались для инвалидов. "И опасны к тому же!" Он когда-то слетел с утеса на джипе со своим любимым лабрадором, привязанным поводком к приборной панели. Он конечно же не был пристегнут.

"Меня свободно выкинуло. Собака была убита. Это доказывает, что ремни безопасности чертовски не хороши."

После Индии, а затем и Малайзии, полковник Х. Твиггер жил в холодном особняке в глубине округа Оксфордшир. На главной лестнице стояла огромная японская гильза от снаряда, заполненная копиями Нага. Ребенком посещая своего деда, я обычно волновался, чувствуя человеческие волосы, украшающие рукояти копий.

Когда у полковника Х. Твиггера болели зубы, он вырывал зуб сам парой ржавых плоскогубцев.

Когда ему было сорок он все еще мог делать колесо на лужайке, несмотря на то, что он перед этим выпил половину бутылки виски и выкуривал по шестьдесят сигарет в день.

Когда ему исполнилось восемьдесят, будучи уже трезвенником и некурящим, он перестал садиться - "Органы располагаются не на своих местах" - и он выбросил все свои стулья, дабы следовать этому новому курсу терапии.

В одном из его шкафов-витрин был алюминиевый портсигар, подаренный ему его другом и приятелем офицером армии, который пережил четырехлетнее заключение в тюрьме Чанги во время войны. Он был искусно сделан из алюминиевого котелка, с запорным клипсом, сделанным из перьевой ручки.

Мне, потому как я никогда по настоящему не знал его, полковник Х. Твиггер символизировал предыдущую эру, тяжелые времена, когда болезнь означала либо смерть либо чудесное выздоровление, где боль игнорировалась, аспирин высмеивался, всех докторов считали шарлатанами, а всех психиатров считали мошенниками. Это было время когда люди страдали и не жаловались. Теперь люди принимали препарат Прозак, но не переставали жаловаться. Я не был исключением. Я выпивал две таблетки Парацетамола в тот момент, когда чувствовал малейшую головную боль. Крис предпочитал Ибупрофен. Полковник весьма сильно высмеял бы все это.

2. Взгляд новичка

"Каждый хочет попасть в Рай, но никто не хочет умирать."

Из фильма Стивена Сигала "Отмеченный смертью"

"Старшие считают, что Самурай прежде всего должен быть настойчив."

Хагакурэ

"Меня уволили" - объявил Крис, - "за то, что я лысый". Он только что вернулся с самой высокооплачиваемой работы, которую можно себе представить на полставки. Крис уже несколько месяцев работал преподавателем в специализированной языковой школе, начальство в которой составляли японки пятидесятилетнего возраста. Дела шли не так гладко, как хотелось бы начальству. Рассказывая, Крис пытался выдержать невозмутимое выражение лица, но мне было очевидно, что он раздражен, скорее даже оскорблен, так как с некоторыми студентами отношения складывались действительно хорошо. Начальница же считала, что лучшим способом для увеличения дохода было нанять свеженьких и сексапильных учителей-англичан, чтобы привлечь прибыльный сегмент рынка - учениц колледжей и офисных дам. Крис со своей лысиной должен был уйти первым. "Зам начальницы предложила мне найти парик, дескать, даже Шон Коннери носит парик. Я сказал, что если они готовы оплатить парик, то я его надену... Тогда в самой деликатной форме меня уволили."

Крису нужно было взбодриться. Мы взяли на видео "Выход Дракона", один из любимых фильмов Криса, который я почему-то раньше не видел. Пока мы смотрели, Крис с удовольствием цитировал реплики Брюса Ли до того, как тот их произносил. Но мне запомнились не слова, а в начале фильма, вид с вертолета на остров, где ряды мужчин в белых пижамах выполняли базовую ката из карате. Они слаженно делали удары - раз-два, раз-два - их рукава разбивали воздух, создавая чудесный хлопающий звук. Это была пехота боевых искусств - и мне хотелось стать ее частью.

Однажды вечером Крис воспроизвел технику из недавно приобретенного пособия по айкидо. Фрэнк и я стояли друг напротив друга - Фрэнк держал меня за запястье. Такая

атака нам казалась странной, но Крис пояснил, что захват за запястье был весьма распространен в феодальной Японии – его целью было остановить противника в попытке дотянуться до меча (прим. пер. – висящего на бедре). Под руководством Криса с помощью сложных манипуляций рукой и нескольких шагов я заломил руку Фрэнка ему за плечо. "Так?", – спросил я Криса. "Да, – он сверился с пособием, – А теперь ты должен либо сделать бросок, либо прижать его к полу".

"Давайте опустим эту часть, – сказал Фрэнк, по собственной воле свалившись на кипу матрасов, – вам не кажется, что это довольно сложно?"

Пришло время нам найти учителя. Проснувшись намного раньше обычного, Крис, Толстый Фрэнк и я притащились на станцию, чтобы отправиться в знаменитое додзё Ёшинкан. Крис посоветовал нам до поры до времени "держаться головы пониже", потому что этикет очень важен в боевых искусствах и особенно в Японии. Додзё располагалось на 3-м этаже офисного здания. Мы вошли в лифт.

Двойная деревянная дверь, ведущая в додзё, была окружена табличками из кедрового дерева с вырезанными на них иероглифами, что напомнило дорогой японский ресторан. Внутри все было серо-функциональным, пыльный запах придавал ощущение официальности и безразличия. В тусклом свете можно было разглядеть везде развешанные портреты основателя (прим. пер. – стиля Ёшинкан) Годзо Шиода, которому сейчас было 77, вместе с фотографиями знаменитостей, посетивших додзё. Молодой японский учи-деши (внутренний ученик) сидел за стеклом квадратного стеклянного отсека приемной. В офисе додзё за его спиной учителя глядели в окна, курили или рассматривали экраны японских "текстовых редакторов". Из тренировочного зала, который и был непосредственным додзё, доносились крики и грохот падающих тел.

Я уставился на фотографии знаменитостей. Роберт Кеннеди посетил додзё незадолго до его убийства в 1968. Майк Тайсон побывал здесь незадолго до убийства в двенадцатом раунде Бастера Дугласа в 1989. Король Норвегии тоже заглядывал сюда, но тогда король Норвегии посещал и бар моего колледжа в 1978, как это делали знаменитости, король Норвегии был чересчур доступен, чтобы иметь какое-либо серьезное значение.

Мы тихонько сняли обувь и вошли в основной зал. Он был большим, с высокими потолками, пахло потом и соломой, которой было набито татами на полу. Обивка была деревянной и безвкусной. Я заметил висящие на стене мечи.

Все ученики уважительно сидели на коленях перед учителем, японцем среднего возраста с важным видом и мягким голосом. Крис, Фрэнк и я сели сбоку на места для зрителей.

Два ученика вскочили – один держал нож, а другой меч. По команде оба как одержимые рванули атаковать учителя. Учителя выглядел скучающим и пассивным. Мне казалось, что не происходит ничего необычного, как вдруг тот, что был с ножом, оказался в воздухе, а учитель уже прижимал второго парня мечом к полу. Погодите, а в чем фокус-то? Я придвинулся поближе, чтобы присмотреться получше. Теперь учитель показывал бросок на невооруженном атакующем. Это было похоже на борцовский бросок, за исключением того, что когда атакующего бросали, он словно нырял в воздух, делая кувырок вперед.

Теперь учащиеся разбились в пары и начали друг друга бросать. Меня словно загипнотизировали их грациозные движения и кувырки. Мне казалось, я никогда не смогу сделать ничего подобного.

Сама техника броска казалась проще. Как только становилось понятно какой сустав повернуть и в какой момент, атакующий просто переворачивался.

Внезапно айкидо мне представилось возможностью узнать человеческое тело через призму его слабых точек. Это был живой университет, безмерная, сложная, целая система мысли и действия, о которой я раньше и не догадывался. По сравнению с этим просто бить руками и ногами казалось пошлым.

Теперь ученики тренировались по одному, скользя ногами по полу и двигая свои руки вверх и вниз перед собой. Это выглядело странно. С другой стороны я точно знал, что я бы смог болтаться кругами по залу, как обколотый балерун. Это простое упражнение дало мне надежду, хотя я и не смог увязать его ни с чем увиденным.

Впервые в жизни я наблюдал за чем-то, что я не понимал и, тем не менее, частью чего хотел стать. Мне надоело быть аутсайдером в Японии. Я хотел стать частью какой-то группы. Сам факт, что нужно потратить годы на то, что бы стать мастером, меня совершенно не смущал. Более того, он меня успокаивал. Это значило, что айкидо должно быть действительно сложным и серьезным, а значит действительно стоящим моего внимания. Это не был просто кикбоксинг с приятелями, а нечто близкое к религии.

Дух религиозности сохранялся и пока студенты кланялись друг другу. Лучи утреннего солнца освещали через окна потолок додзё и подсвечивали белые пижамы учеников сияющей полосой света. Затем они встали и выполнили последнее упражнение в парах, кружась и держа руки как в шотландском танце. Атмосфера полной самоотдачи и пьянящей серьезности одновременно с необъяснимой природой движений все это время держала меня в состоянии транса.

На полусогнутых ногах мы вышли из додзё, давая возможность глазам привыкнуть к темноте коридора.

- Что ты думаешь? - спросил я у Криса.

- Этот учитель, мне кажется его зовут Чидза-сэнсэй, один из тройки лучших в мире. Очевидно, что он очень хорош, - Крис у нас знал все.

- Это немного похоже на дзюдо", - сказал Толстый Фрэнк.

- Ничего подобного, - ответил Крис, - совершенно не похоже.

- Ну что, мы присоединимся или как? - спросил я.

- Не знаю, как вы вдвоем, а я точно записываюсь, - ответил Крис, показывая ученику за стеклом приемной, что ему нужна ручка.

- Мне кажется, это все инсценировано, сказал Фрэнк, - Но похоже на хороший способ похудения. Вы видели как высоко они летают, если их кинуть?

Все было решено. Мы все собрались начать заниматься айкидо.

Из ниоткуда появился Пол, английский агент лондонской полиции, пребывавший в отпуске. Он был жизнерадостным и высоким и входил в состав международного обучающего персонала додзё. Пол сказал нам, что год назад окончил жесткий курс гражданских полицейских. Втолкнув нас в маленькую комнатку с автоматами газировки, он раздал формы для заполнения.

- То, что здесь предлагается - это тренировка, - сказал Пол. - Ничего броского, ничего мгновенного, но если вы задержитесь, то увидите, что оно работает.

Он описал предлагаемую систему обучения. Были обычные занятия, занятия специального назначения и занятия "сэншусей". Мы подписались на обычные занятия, которые были самыми дешевыми и единственными, куда нас могли взять по уровню подготовки.

- А что за курсы "сэншусей"? - спросил я.

- Гражданская полиция, - ответил Пол.

Повисла пауза.

- А вы когда-нибудь встречались с Майком Тайсоном? - это был единственный вопрос, который пришел мне в голову (на стене среди фотографий знаменитостей посетивших додзё была фотография Тайсона), а работа Пола включала в себя ответы на вопросы.

- Нет. Но как вы видите, он приезжал сюда посмотреть на Канчо-сэнсэй.

Пол сказал, что в додзё все так с уважением называют основателя Годзо Шиода "Канчо-сэнсэй". Я сделал в уме пометку выучить правильное произношение обращения к основателю.

Пол с вниманием изучил каждую закорючку в заполненных нами формами. "Значит, ты учился в Оксфорде?" Я заметил намек на издевку в его голосе и тут же пожалел о раскрытии этой информации. Хотя он и выглядел как адепт боевых искусств, но в душе был любопытным английским "бобби".

Мы купили униформы, которые были выданы прямо со склада, завернутые в полиэтилен. Я свою держал в руках с большой любовью. Внезапно пришло ощущение реальности. Мы решили начать со следующего же занятия для иностранцев, которое должно было начаться в то же утро через полчаса.

После распаковывания униформы мы переоделись в тишине в раздевалке, заполненной серыми пыльными ящиками. Толстый Фрэнк и Крис направились в сторону основного додзё. Я же решил оглядеть раздевалки. Несколько переодевавшихся иностранцев выглядели внушительно мускулистыми и физически развитыми. Я не был толстым, но и не был особо мускулистым. Моя грудь была практически лишена рельефа, и на ней также было не много волос. К счастью нам не нужно было тренироваться голыми.

Тренировочный зал додзё представлял собой большое помещение, устланное традиционными матами "татами" в количестве более 200 штук, под прорезиненным покрытием, что упрощало очистку от пота и крови. На стороне, где занимались новички было огромное зеркало, 10 метров в длину и 5 метров в высоту. Каждый день оно было отполировано газетами и спецраствором для стекла до идеальнейшего состояния.

Я вошел в основной зал, пытаюсь придать себе расслабленный вид в моей новой униформе "доги". "Доги" представляла собой белый верх и низ, пижаму, которую носили все занимающиеся японскими боевыми искусствами. Я был немного разочарован, что моя была почти желтой по цвету, в то время как все остальные носили чудесно-белые пижамы. Крис сказал, что стирка исправит эту проблему. Я планировал стирать свою настолько часто, насколько это будет возможным, чтобы не выглядеть абсолютным новичком.

Японский преподаватель кэндо в университете, где я работал, сказал мне что никто из японцев не одевает нижнего белья под доги, когда занимаются боевыми искусствами. Я все же решил свое не снимать, так я себя ощущал поуверенней.

Крис и Фрэнк разминались в углу. Во всем додзё было около десяти неапонцев, которые тоже разминались. Двое или трое японцев тренировали ныряющие кувьрки в другом углу, они посетили более раннее занятие, проходившее в 7 утра на японском языке, и все еще оставались в зале. Мне оказалось довольно сложно отличить Фрэнка и Криса от остальных (несмотря на то, что оба были с серьезным перевесом, определенно два самых толстых

парня во всем додзё), потому что я был без очков. На расстоянии более пяти метров все уже расплывалось перед глазами. Крис тоже был без очков, но его зрение было не таким плохим.

Я сощурился и распознал Криса и Толстого Фрэнка. Я начал копировать разминку Криса, которую он видимо припомнил со времен своих тренировок кунг-фу подростком. Я не был уверен, разрешалось ли разговаривать в зале, но рискнул. "Крис", - прошептал я, - "почему все постоянно говорят оос! друг другу?". С момента входа в додзё я слышал как сказали, проорали и прошипели "оос!" на входе и выходе по крайней мере пятьдесят раз. Мне показалось, что это какое-то много-функциональное приветствие, как, например, "кокни" (прим. пер. - уроженцы бедного района Ист-Энд в Лондоне) используют "оурайт?". "Знак уважения", - рявкнул он и наклонился к носкам. Крис не одобрял разговоров в додзё.

Кто-то прокричал "сейдза" и мы все покорно присели на коленях в линейку лицом к святыне. Священным местом в додзё была деревянная полка содержащая объекты религиозного значения в синтоизме, в том числе вазы, подставки для благовоний, цветы, зеленые ростки сасаки и даже фрукты. Мы сидели в сейдза (японская поза сидя на коленях) в течение пяти минут. До этого я никогда не сидел на коленях так долго.

После пяти мучительных минут высокий, практически лысый мужчина со светлой бородой энергично прошагал к священному месту. Его звали Роберт Мастард и он был лучшим иностранным учителем в Японии и вероятно одним из лучших иностранных айкидока в мире. Ба том этапе, когда айкидо еще казалось очаровательным и далеким, он поразил меня своей силой и чрезмерной прямоотой; даже показался человеком которого стоит бояться. Старшие ученики выкрикнули команду поклониться и все поклонились.

Мы все распределились по залу и минут десять делали растяжку. Все делалось под счет на японском: "Ичи - ни", - кричал учитель. "Сан - ши", - отзывались мы. "Го - року", - продолжал он кричать. "Шичи - хачи", - мы орали в ответ. Позже я узнал, что программа этой разминки была разработана более пятидесяти лет назад и использовалась вооруженными силами до войны.

После разминки учитель громко позвал всех начинающих подойти к зеркалу. Он взял остальных, у кого были черные или коричневые пояса и отвел в противоположный конец зала.

Я шел к зеркалу и Пол, который тоже был высоким и светловолосым, но не лысым, проорал, чтобы я бежал. Меня это немного шокировало, но по какой-то причине одновременно и порадовало. Было приятно оказаться в месте, где люди не осторожничали и не боялись давать приказы.

Начинающие, в количестве шести или семи выстроились перед зеркалом и тренировались под руководством Пола. Он выглядел крепким и жестким с его коротко-остриженными волосами и сильными, простыми движениями. Мы, новички, напротив, двигались неуклюже и пыхтели над элементарными движениями, что нам давались для механического запоминания.

Пол был одним из четырех иностранцев, которые прошли курс гражданской полиции предыдущего года. Роберт Мастард, тоже прошел этот курс в 1986 году. Полицейский курс уже преподавался более тридцати лет. Традиционное додзё до сих пор считалось лучшим местом для тренировки "Кидотай", японской гражданской полиции, элитарного подразделения национальной японской полиции. Их обязанности включали от дипломатического полицейского контроля и воздушно-морских спасательных работ до ношения самурайской экипировки во время уличных шествий в Японии.

Из нашего угла я мог видеть, как черные пояса кружились, ныряли и кидали друг друга во все стороны. Были слышны громкие шлепки во время их удара об мат, чтобы прекратить падение. Все выглядело слишком сложным и акробатическим для нормального человека. Я пытался сконцентрироваться на текущем здании, которое заключалось в стоянии основной боевой позиции под названием камаэ.

Роберт Мастард оставил черных поясов на какой-то момент, подошел и в два быстрых движения выгнул меня в правильную позицию - согнувшись вперед, словно держа меч, но с вытянутыми руками и растопыренными пальцами. От него пахло сигаретным дымом и чувствовалась сила его запястий; это сочетание мне напомнило отца, когда я был маленьким. "Все начинается с камаэ", - сказал Мастард, - "и все возвращается в камаэ". Он несколько раз принял боевую стойку. Его голубые глаза буравили меня. Я был неспособен оценить знает ли Роберт Мастард айкидо или нет, но он выглядел достаточно устрашающе в его белой пижаме.

Мы тренировали и другие основные движения, в том числе скольжение ногами вдоль матов вместо простых шагов - это был способ плавного перемещения веса тела; мы тренировали вращение на одной ноге, подтягивая другую позади по кругу - это учило нас передвижению всего тела как единого целого, что гораздо мощнее, чем двигать тело по частям или барабара на японском.

Движения были преувеличены, чтобы важные принципы (такие как использование полного веса бедер для усиления удара, который мог бы затеряться в естественном движении)

были бы подчеркнуты, натренированы и развиты. Этот основополагающий момент в системе Ёшинкан позволяет достаточно быстро довести учеников до высокого уровня айкидо. Тем, кто тренирует только естественные движения, приходится тратить годы прежде, чем они смогут постичь некоторые базовые принципы, которые лежат в основе техники.

Когда занятие закончилось, мы снова сели на колени в линию, поклонились учителю, священному месту и помощникам учителя. После этого все поклонились всем, с кем работали, бормоча торопливое "Домо аригато гозаймашита" (спасибо большое), прежде чем двигаться дальше. Для меня поклонов было слишком много. Толстый Фрэнк получал особое удовольствие, произнося нараспев "харригата гуззимашита"м что если говорить быстро звучало нормально, но на самом деле было двойным ругательством, так как извращало японский язык и подчеркивало специфические характеристики "мужского полового органа" на иранском "член, испускающий наружу вонючие газы".

После занятия один из учеников рассказал историю визита Тайсона. Для всех нас, новичков, было важно, что Тайсон, лучший "боец" в мире посетил додзё, так же как и мы. Это означало, что с тем, чему мы начинали учиться, считались в мире крутых кулаков и нокаутов.

Дон Кинг и Тайсон хотели увидеть "реальную вещь", настоящего мага боевых искусств, такого как в американских комиксах и боевиках, маленького старичка, который мог разобраться с тремя или четырьмя громилами габаритов Тайсона.

Канчо представил свою как всегда потрясающую демонстрацию. Он бросал людей на расстояние в половину додзё без малейших усилий. Когда пять преподавателей возникали перед ним, размахивая ножами и мечами, он уклонялся от их атаки, ныряя и рубя по шее атакующих, так что они валялись вокруг него как кегли.

Кинг согласился, что это и вправду была реальная вещь. Тайсон заметил: "а ведь все дело в коленях, да?" Что было невероятно пронизательным для первого наблюдения за техникой айкидо.

Канчо был не меньшим шоуменом, чем Дон Кинг, и предложил выполнить замок никакдо на Тайсоне. Маленький старичок предложил выполнить болевой на запястье величайшего в мире боксера в тяжелом весе, но Тайсон отказался: "Вот это [он показал на свои руки] застраховано на тридцать миллионов долларов. Я не могу подпустить вас к ним."

Ученик объяснил, что в этом-то и заключается разница между спортом и будо, боевыми искусствами. В будо себя никогда не жалеешь.

Мы вернулись домой на Фуджи Хайтс, переполненные новыми знаниями айкидо. Доги были загружены в стиральную машинку, а потом развешаны на веревке перед входной дверью в квартиру. Соседи, которые раньше предпочитали избегать шумных соседей вежливо спрашивали "дзюдо дес ка?". "Нет, айкидо", - мы позволяли себе отвечать с гордостью. Наши белые пояса мы не стирали и не выставляли на показ. Не то, чтобы мы стыдились, что мы новички, просто было приятнее дать людям возможность предположить, что мы уже эксперты. Я убедил себя в верности приметы, что пояс является вместилищем ки или жизненной энергии и что его стирка ведет к расточению этой энергии. Отсюда же шло объяснение происхождения черного пояса - после долгого обучения и тренировок белый пояс естественным путем окрашивался в черный цвет. С введением же экзаменов на черный пояс, стали выдавать готовые черные пояса. Весьма забавный парадокс - в том, что у долго занимающихся айкидо мастеров из черного пояс со временем превращается в белый. Естественно и то, что нетерпеливые пытаются стереть верхний слой своих черных поясов как можно быстрее.

Мы все еще имели проблемы с тараканами. Когда мы рано вставали и включали свет орды тараканов разбегались далеко. Они были новой суперпородой таракана, генетическими мутантами, которые перемещались со скоростью молнии и жили электроприборах длительного пользования. Они были чрезвычайно маленькими и весьма хитрыми. Как вы сможете разместить отраву или ловушку для тараканов в автоответчике, компьютерном принтере или проигрывателе компакт-дисков? Истребление тараканов монстров нарушило кухонную экосистему и дало начало новому наплыву паразитов. Это выглядело так, словно мы должны были принять их как постоянных сожителей.

По вечерам, когда было ничего особенно захватывающего типа игрового шоу по телевизору, мы повторяли техники, пройденные утром. Мы не могли тренировать броски, но нам как раз хватало места, чтобы один уложил другого на пол. В то время как Крис предоставлял нам свой критический взгляд, Толстый Фрэнк делал стандартную форму атаки предплечьем в лицо или захват моего запястья своей мясистой рукой. Тогда я обходил атаку и применял замок на запястье или руке, выводя Фрэнка из баланса. В этот момент он должен был быть плавно уложен на землю, что получалось не всегда. Обычно он сопротивлялся и отказывался лететь головой в стопку книг. Мы не были достаточно продвинутыми, чтобы заставить технику работать при реальном сопротивлении, поэтому практическое занятие разваливалось в условиях взаимных упреков и обвинений в отсутствии спортивного духа.

Похоже Крису и Фрэнку айкидо нравилось больше, чем мне. Мне нравился процесс тренировок и посиделки в кафе после, но когда я думал об айкидо, то это было редко связано с предвкушением предстоящего занятия. Тем не менее если я пропускал тренировку, то переживал, а этого для начала было вполне достаточно, чтобы не бросать тренировки.

Что касалось идеи айкидо, то это было совсем другое дело. Это меня действительно интересовало. Я хотел освоить секретные техники, оги, которые делали преподавателей айкидо такими внушительными. Конечно, я должен был прежде всего освоить базовые техники, но непосвященным даже в них виделось что-то магическое. Крису больше всего нравилась техника надавливания на болевую точку на запястье повыше большого пальца. Он наслаждался, мучая Фрэнка и меня, нажимая на точку и через боль контролируя наши движения. Мы, конечно, должны были притворяться, что совсем ничего не чувствуем.

Я быстро дошел до мысли, что изучение боевых искусств, или хотя бы айкидо, было связано с болью и унижением. Когда мы учились броскам в додзё, мы выстраивались в ряд в углу и один ученик бросал всех по очереди. Я никогда не любил быть бросающим, потому что в это время все глаза были направлены на меня. Каждая ошибка была всем очевидна. В некоторые дни я попадал в гущу унижения и тогда все "бросаемые" выходили из своего ровненького ряда и толпились вокруг меня, давая противоречивые советы.

Однажды у меня почти получилось. Толстый Фрэнк, сделал выпад, чтобы схватить меня за запястье и, удачно подгадав время, я повернулся, почувствовав как его огромная туша набирает скорость, все еще пытаюсь удержать равновесие. Ощущение напоминало раскручивание над головой пакета с покупками. Когда я отпустил, бросок не был чем-то замечательным, но это не имело значения. Я почувствовал абсолютную красоту кругового движения и контроля. Красота и сила. Теперь я понял по поводу чего была вся возня.

Со своим нюхом на информацию, Крис вскоре стал кладезем местных сплетен. У нас появились новые друзья в додзё - Уилл, косой американец, и Пол, полицейский, который открыл себя в лечении Нового Века и современной поэзии. Он также проболтался, что когда-то был бойскаутом.

Я начал ходить на тренировки в додзё по утрам 3 раза в неделю. Толстый Фрэнк и Крис, имея больше свободного времени - каждый день. Довольно скоро они начали опережать меня, несмотря на их физические недостатки в весе и размере. Фуджи Хайтс превратился из болтающегося без управления суденышка с безразличной командой в подтянутый корабль с ранней побудкой и разумной продолжительностью сна.

Гордость заставляла меня стремиться не отстать от Криса и Толстого Фрэнка, которые теперь изучали все больше и больше техник. Я старался нагнать их, посещая занятия по вечерам, которые проходили на японском языке. Они были более организованными, чем занятия для иностранцев и обстоятельнее по подаче материала.

Именно там я заработал себе врага или мне так показалось. Я тренировался в паре с нервным молодым человеком, который был еще более неуверенным и неловким, чем я. Нас прервал старший учитель, который вел класс, Оямада - он прибрел в нашу часть зала посмотреть как работают новички. У Оямада были редкие волосы, а также невероятно длинное тело и короткие ноги, что представляло собой идеальное телосложение для айкидо. Он подал мне знак, чтобы я захватил его запястье, что я и сделал. Он двинулся в сторону и поднял мою руку, разорвав хват и захватив мое запястье своими лапищами. После этого, на болевом контроле, Оямада резко рванул запястье вниз так, что я почувствовал вес всего его тела. Я обрушился на колени, боль мгновенно разнеслась вверх по руке. Я даже решил, что что-то сломалось и невероятно разозлился.

Я стяхнул его с себя - что, как мне уже было известно, плохо вписывалось в этикет додзё. Оямада просто посмотрел на меня пустыми глазами и ушел. Я не мог понять, что произошло. Это казалось актом бессмысленной жестокости. Боль ушла, серьезных повреждений не было. Но причина мне была неясна - он придрался ко мне, потому что я был иностранцем? или его стиль был реальным айкидо, а то, чем мы занимались, девчачьей имитацией? Ничего, что я испытывал при работе с другими учителями, не могло по силе и боли сравниться с этим.

Я пошел домой и пожаловался Крису и Толстому Фрэнку. Крис уже знал все о Оямада. Он пытался установить свою репутацию в додзё и не "разбавлял водой" свою технику ни для кого, особенно иностранцев. То, что я почувствовал, была боль, которую можно было ожидать от айкидо "по максимуму". Именно тогда я понял, что надо менять отношение к боли. Я должен был признать, что существовали люди, которые хотели тренироваться как Тессю: по пути принимая боль и также по пути раздавая боль.

Когда я посещал утренние занятия, я все чаще обращал внимание на небольшую группу иностранцев, которые тренировались на дальней части додзё. Ученики в группе внимательно наблюдали за демонстрацией, когда сами не выполняли технику; все до одного они носили белые пояса и насквозь пропитанные потом и забрызганные кровью пиджамы. Я обратил внимание на одного молодого мужчину, высокого и атлетически

сложенного, у которого было по шестидюймовому (прим. пер. – приблизительно 15 см) красному разводу на каждом из колен. Казалось, он не обращал внимания на тот факт, что истекал кровью во время выполнения движений, которые требовали от него двигаться на этих самых кровотокащих коленях. Из того конца додзё доносились громкие крики. Учителя словесно и физически оскорбляли учеников. Когда учитель заходил слишком далеко, это даже напрягало.

Крис сказал мне в чайной комнате после занятия, что это были записавшиеся на "Курс". Они были иностранцами, которые учились на курсе подготовки японской гражданской полиции (сэншусей). "Настоящие безумцы", – бормотал Крис. Я сразу же захотел стать одним из них, одновременно осознавая, что это вероятно было физически невозможно. Они казались пришельцами с другой планеты, в них было что-то совершенно профессиональное, что делало наши попытки "беззубыми" и неэффективными. На иррациональном уровне закрепилась идея: если хочешь научиться реальным вещам, иди на курс сэншусей.

3. Общение с людоедами

"Нужно всегда носить с собой румяна и пудру. Может случиться, что после отдыха или сна человек выглядит бледным. В таком случае следует наругать себе лицо."

Хагакурэ

Мистер Вада предложил мне сигарету Виржиния Слим. Для человека, который любил отбрасывать жестокий образ, это было довольно слабой принадлежностью. Хемингуэй, к примеру, и близко не подходил к Виржиния Слим. Я взял одну.

"Ки очень важна," сказал он, смачивая свои губы тонким слоем слюны. "Я думаю что ки – это душа вселенной."

"Ммм, да," сказал я. Я хотел бы согласиться, но я не мог согласиться слишком решительно, из страха быть вовлеченным в личное мнение мистера Вада. Мы оба были весьма осторожны, чтобы не наступать друг другу на ноги. И хотя я всегда, казалось, был на грани того, чтобы стать другом мистера Вада, этого все таки так и не случилось.

Мистер Вада был руководителем английского отдела средней школы для девочек, в которой я преподавал по понедельникам. Мне повезло найти работу, где я мог быть лишь раз в неделю. Если я когда-либо поступил бы на полицейский курс, то я смог бы содержать себя, работая целый день по понедельникам, ведь именно по понедельникам додзё было закрыто. В настоящее время это было единственным рабочим местом учителя с неполной занятостью за которое можно было зацепиться, поддерживая Фуджи Хайтс на плаву.

Мистер Вада обладал четвертым уровнем черного пояса по кэндо, японскому искусству фехтования, и преподавал английский и кэндо в школе. Он хорошо выглядел и очень нравился девочкам. С девочками он всегда шутил, но со мной он всегда оставался чрезвычайно серьезным. Вы и не могли подумать, что он в действительности любил своих учеников и чувствовал себя непринужденно с ними.

Но у него всегда увлажнены губы. Вероятно, это было его нервной привычкой.

Мы сидели в учительской, пили зеленый чай и говорили о ки.

В Японии учительские не уютны, как, к примеру, на Западе. В Японии они больше походят на офисы открытого типа – ряды серых металлических столов, по одному на каждого преподавателя, и доступны школьникам, которые могут беспокоить вас.

Поскольку мистер Вада был настолько популярен, наша беседа часто прерывалась влюбленными до безумства пятнадцатилетними девочками, которые просили перевести его непечатную лирику американских рэп групп. Иногда, из великодушия, он передавал такие просьбы мне, и я должен был горбиться над магнитофоном, задаваясь вопросом, как перевести "motherfucker" ("еб@нутый") и "socksucker" ("ху@sос").

– Ки находится в наших телах, – говорил М-р Вада. – И во вселенной. Это очень сложная вещь.

– А можно увеличить свое ки? – спросил я.

– Мы, японцы, – начал М-р Вада, – это была одна из его любимых фраз в начале речи и была прямым переводом с японского. Я стиснул зубы. – Мы, японцы, верим, что ки – это переменная величина. У человека с плохим здоровьем низкое ки.

– Может ли ки быть другим словом для физического здоровья?

- Я думаю, что ки связано со здоровьем, но ки очень сложно понять.

- Да, - сказал я, хотя мне ки не казалось чем-то особенно сложным для понимания. Я предполагал, что Вада имел ввиду некую разновидность витализма, представляя ки в качестве основной энергии во вселенной. Ки давало людям энергию и также оживляло вселенную. Когда течение ки было заблокировано, энергия растрачивалась или рассеивалась - именно это происходило во время болезни. Айкидо стремилось способствовать совершенному течению энергии ки, хотя когда спрашивали Чидо-сэнсэй о ки, он брал ключ от шкафчика и говорил "Вот это ки! На, возьми немножко ки!" (прим. пер. - "ки" по-английски значит "ключ")

- А как ваше ки? - я спросил М-ра Вада.

- Мое ки очень хорошо, спасибо, - отвечал он.

Мы погрузились в молчание и он предложил мне другую сигарету с ментолом.

- Американцы не понимают ки, - сказал он через некоторое время.

- Нет, не понимают, - я всегда абсолютно соглашался с осуждением американской культуры. Мне и казалось, что он хотел критиковать весь Запад, но из политической корректности останавливался на Америке.

- Если бы они правильно понимали ки, у них не было бы такой проблемы с наркотиками и преступностью.

- Гм, да.

- Они не видят, что ки требует дисциплины. У Соединенных Штатов нет дисциплины.

- Вы правы, - сказал я.

- А как у вашей страны? - сказал он.

- Да и у нас ее нет, - сказал я жизнерадостно. По какой-то причине М-р Вада вызвал во мне желание пошутить.

- Но в айкидо вы учитесь дисциплине, - сказал он.

- Да, в айкидо мы учимся дисциплине.

Затем я вспомнил, что Вада сказал одному из учителей, что мои рубашки не всегда были безусловно чистыми. Как-то это не вписывалось в мои притязания насчет дисциплины.

- Но это больше, чем просто дисциплина, - сказал я, - Это больше.

Канчо-сэнсэй, основатель, редко говорил о ки. Вместо этого он говорил о силе коку - дыхательной силе.

Однажды на пути домой из додзё Пол, полицейский, предложил показать мне местную достопримечательность, которая имела какое-то отношение к силе коку Канчо.

"Вот это - фонарный столб", - сказал Пол. Мы стояли перед фонарным столбом на спуске с холма, где было додзё. "Тот самый, в который Канчо-сэнсэй врезался на своем велосипеде."

Я посмотрел на столб с повышенным интересом. На нем не было ни вмятин, ни царапин, которые подтвердили возможность столкновения с величайшим живущим практикующим айкидока. Хотя он выглядел так, словно недавно был перекрашен в светло-зеленый цвет, столь любимый токийским департаментом общественных работ. "Это было давно, где-то в начале семидесятых", - добавил он.

У Пола появилась ироничная искорка в глазу - сочетание немного приподнятой брови и едва уловимой улыбки, которую принимали все уроженцы Запада, когда пересказывали чудесные истории о Канчо-сэнсэй. Не то чтобы в аварии было что-то чудесное.

"Вообще-то, - сказал Пол, - у Канчо была настолько замечательная сила бедер, что в тот самый момент, когда он въехал в столб, он вложил полный вес тела через велосипед в обратном направлении и отскочил абсолютно без каких-либо повреждений.

Я был готов признать теоретическую возможность такого действия. В конце концов, я видел как от Чидо-сэнсэй "отскакивали" люди в результате приложения концентрированного напряжения силы бедер через плечи и спину - почему, в таком случае, это не могло произойти через седло мотоцикла и руль? Хотя, насколько я представлял, большинство японских велосипедов должно было развалиться от подобного обращения.

- Но почему он вообще въехал в столб? Уж конечно это не свидетельствует о хваленном шестом-чувстве постоянной боеготовности? - спросил я Пола.

- Ну, это произошло после того как он пил со своими друзьями. Он вероятно был пьян в стельку в тот момент.

Все признавали, что Канчо был алкоголиком. Это было частью мифа, как, например, тот факт, что он выкуривал сотни сигарет в день и все еще мог выполнять удивительные трюки физической выносливости. Он был больше всего похож на Тессю из всех людей, что я когда-либо встречал; он разделял пристрастие Тессю к алкоголю, хотя и не был поэтом.

Но сейчас ему исполнилось семьдесят восемь, он часто бывал в больнице и весьма вероятно умирал от рака легких.

Из уважения к нему, как к основателю школы Ёшинкан, его прижизненной связи с мастером Уесиба, к его десятому дану и как к величайшему из ныне практикующих боевые искусства, уж не говоря о том факте, что, обладая скверным характером, он вполне мог убивать людей голыми руками - никто не говорил открыто о его болезни. Иногда люди перешептывались на кухне додзё о его здоровье, но не более того.

То, о чем говорили, было его собрание часов. У Канчо было только два интереса в жизни - айкидо и часы. В его доме было полно их, тиканье слышалось в каждой комнате, от бесчисленных настенных часов, от дедушкиных часов, от вагонных часов и часов с кукушкой, устанавливая прекрасный ритм, отмеряющий его жизнь. Он проводил время, двигаясь от часов к часам, подводя время на них, заводя их, слушая их различные перезвоны, наблюдая раскачивание маятников туда-сюда, ничего не ожидая, кроме смерти - умирающий человек одержим ходом времени.

Я видел Канчо только один раз, и то со спины - меня оттеснили кланяющиеся учителя, когда он пришел в последний раз посетить додзё. Он был очень слаб и его официальный темный костюм был крошечным, словно сшитым на ребенка.

Один из ведущих иностранных учителей, Роберт Мастард, любил задавать один вопрос, чтобы сбить с толку доверчивых новичков: "Какая самая важная вещь в Ёшинкан-айкидо?" Был только один ответ: "Дух". Мастард обладал огромным духом. Если новичок показывал дух, было неважно, если его техника была плоха. Черные пояса третьего-четвертого уровня в отсутствии духа были бы просто проигнорированы Мастардом. Он просто отказался бы их учить. Я переживал, что Мастард мог отказаться учить меня, если бы я был по неосторожности непочтителен, поэтому пошел другим путем, вставая когда он входил в чайную комнату и возился у автомата, чтобы получить свой минеральный безалкогольный Pocari Sweat. Будучи почтительным от проведенной беседы проявил небольшое расположение.

"Ты знаешь, однажды я бросил айкидо?" - сказал он мне, предлагая мне Hi-Lite чрезвычайно резкие японские сигареты, единственные которые он курил.

Мой голос не всегда звучал как мой собственный, когда я разговаривал с Мастардом. Он звучал фальшиво, даже для меня самого. "Почему вы бросили?" - настойчиво спросил голос.

"Политика. Я застрял в политике додзё, поэтому почти год не тренировался. Может раз в месяц или реже. Я перестал пытаться заниматься айкидо. Я просто приходил и валял дурака. А потом произошло что-то странное. Внезапно я стал швырять людей без малейшего усилия. В конце концов я понял, о чем шла речь."

Голос определенно подбирал тупейшие вопросы: "И о чем шла речь?"

Он улыбнулся, и шлепнул конец изношенного черного пояса на стол. Это был мастардовский способ отвечать на глупые вопросы. Жест означал "тренируйся усердней".

- В тот год я преподавал в младшей высшей школе. Я накопил кучу денег. Я приобрел симпатичную пятикомнатную квартиру. Знаешь, с моим уровнем, если бы я был боксером, я бы уже был миллионером.

- Конечно-конечно, - я кивнул.

- Если бы у меня был сын, я бы не отпустил его в боевые искусства. Я бы отправил его бросать бейсбольные мячи, как только бы он начал ходить.

- Чтобы он заработал миллион!

- Точно. В айкидо нет денег, во всяком случае, если ты честный и хочешь учить людей реальной вещи.

- Понятно, - Реальная вещь - опять эта фраза. Именно этого хотел голос. Быть признанным как реальный.

- И я ведь не молодею. Мне тридцать восемь и все становится сложнее и сложнее. Но с другой стороны - я становлюсь сильнее. По меркам айкидо я сильнее сейчас, чем когда-либо раньше. В этом месте только один человек сильнее меня.

Я задумался, почему он меня пытался убедить. Я уже был "истинно-верующим", о чем и хотел сказать, но голос мне не позволил.

"Точно," я закивал искренне. Повисла неудобная тишина и мы оба отвели взгляд. Когда я вернулся, Мастард засовывал свои сигареты Hi-Lites обратно в куртку доги. Потом, на мгновение он посмотрел так, словно говоря: ты представления не имеешь о чем, черт возьми, я с тобой говорил, не так ли?

Настрой Мастарда был таким же как и у Тессю: "Если нет однозначной решимости, то человек не преуспеет, даже если будет тренироваться годами".

Чида-сэнсэй теперь был ведущим учителем, с тех пор как Канчо перестал учить, но Мастард был искусным шоуменом. Он знал как вдохновить новичков дав им намек на силу, даруемую айкидо. После занятий он оставался на татами, пока кто-нибудь не задавал ему вопрос. Тогда он звал уке, желающего атаковать, и шоу начиналось.

Уке пытался ударить его и Мастард незначительно сдвигаясь в сторону, поворачивался и швырял атакующего на расстояние двух-трех матов. Это был вертолетный бросок. Или еще

Мастард мог мгновенно двинуться навстречу атаке, уклониться от нее и снести уке прямым входом ладонью в его челюсть, передавая достаточно силы, чтобы после при падении тело атакующего отпружинило от земли.

У Мастарда была "магия", способность бросать людей довольно сильно и практически без усилия. Канчо-сэнсэй сказал: "Если айкидо не кажется немного поддельным, то это не реальное айкидо". Эта способность изображать подделку была магией айкидо, способностью использовать всю силу тела, чтобы произвести впечатление потрясающих масштабов. Никаких больших рук, никакой раскачанной груди, просто чувство времени и координация веса тела настолько совершенны, что атакующий будет лежать в потрясении на полу еще до того, как поймет, что его ударили. Это было другим определением "магии" - чувство "а что меня стукнуло", ощущение, что приложенная сила чрезвычайно несоразмерна эффекту, оказанному на атакующего.

Объяснение Тессю волшебных способностей проще: "Пустой разум отражает искажения и "тени", присутствующие в разумах других. В искусстве меча "пустой разум" позволяет нам видеть совершенное место для удара; в повседневной жизни это позволяет нам смотреть в чужие сердца."

Как только вы чувствовали технику, то вы обычно становились "верующим", кем-то кто получил некоторую веру в идею о магических способностях. В конце концов, вы видели и чувствовали как уке, столь много случаев волшебства, что это стало обычным. Когда вы исполняли волшебство впервые самолично, тогда, как говорил Мастард, не было пути назад. Я спросил его, сколько времени прошло перед тем, как он "получил силу". "Спустя два года, после того как я закончил полицейский курс, спустя десять лет, после того как я пришел в айкидо."

Десять лет были долгим обучением волшебству.

Он казался много старше и более мудрым в свои тридцать восемь. Было что-то героическое в нем, он казался старым норвежским богом на земле язычников, анахроничным Торингом Оакэншилдом. Его, как казалось, не пугало ничего, кроме его учителя Такэно и гнева Кэрл, его крошечной подруги. Она запретила ему курить, и теперь он делал это в тайне, потягивая сигареты с высоким содержанием смолы в чайной комнате перед занятиями.

Иногда Мастард предоставлял свое тело для ритуального осмотра:

"Ну-ка, пощупай это."

Он помещал своё толстое костистое запястье в мои руки и крутил им. Чувствовалось словно гравий хрустел вокруг сустава. Тогда он закатывал рукав.

"Проверь локоть."

Его руки не были прямыми, они имели обратный изгиб в локтях. Правый локоть имел еще более пугающий изгиб, чем левый. Это буквально означало, что Мастард принимал более жесткие броски справа. Он сломал, ушиб, надломил и растянул фактически каждую часть своего тела. Он считал это достойной платой.

Каждый год, на Всеяпонской Демонстрации Айкидо, Мастарда выбирал в уке конкурент Чиды сэнсэй, чудовищно мощный Такэно, в которого некоторые верили, как в самого сильного айкидока в мире. Оба, и Такэно и Чиды, были учениками Канчо, хотя Такэно несколько лет назад ушел, чтобы открыть своё собственное додзё, занимаясь более быстрой и захватывающей формой айкидо, чем Чиды в главном додзё. Такэно, как известно, был зверски жесток. "Несколько нокаутов полезны, это очищает мозг," обычно говорил он. Учи-деши, которые часто уходили последними, однажды уходили с Такэно, который вышел из запертого додзё ночью, и никогда больше не вернулся.

Уке получает айкидо мастера. Короче говоря, уке нападает и проигрывает. Никого не били больше, чем Мастарда. И он выбрал этот путь потому как целеустремленно верил, что единственно хороший способ обучения состоял в том, чтобы "чувствовать" технику мастера и пробовать скопировать ее: "Канчо был уке Уэсиба. Такэно был уке Канчо. Я был уке Такэно. Это прямая линия. Это единственный способ получить реальную силу."

Это было одной из его любимых фраз: "реальная сила". И хотя это было напыщенным, он втягивал вас в свой мир, мир боли и оскорбления в руках великого мастера, что было единственным способом научиться, в чем он так хотел убедить вас.

Мастард перенял скрытый расизм японских боевых искусств. Он принял его, но это ожесточило его. Его сдерживали на уровне пятого дана, хотя его уровень превышал седьмой дан японцев. Это ожесточало. В конце концов, именно его Такэно предпочитал в уке, не японцев.

Во время его экзамена на пятый дан Канчо сказал, "Хорошее лицо". На том уровне айкидо, где простое техническое великолепие было доказанным, это было самой высокой похвалой. "Хорошее лицо" означало больше, чем просто свирепое выражение лица. На полукодированном языке мастера боевых искусств это означало, что Канчо воспринимал Мастарда серьезно как бойца. Это означало, что несмотря на искусственность испытания, Мастард не выглядел глупым, скорее он сохранил внутреннее достоинство, необходимое для воина, человека готового умереть в любой момент.

Когда мне было шесть, я хотел иметь старшего брата, и мой кузен, которому было десять, исполнил его роль. Как и все старшие братья повсюду он испытывал удовольствие в досаждении своему преданному приятелю. Он заставил меня похоронить моего Экшн Мэна в куче компоста, называя это "операцией маскировки". Он поджег модель самолета Эйрфикс, которую кропотливо собирали, и бросил его из окна второго этажа. "Он был подбит," объяснил он. На каникулах, в Корнуолле, он вынудил меня ходить босиком по горячему гравию через автостоянку. Я сделал это, потому что хотел быть похожим на него, хотя время от времени я не перестаю думать, почему я сделал это?

Эта потребность подражать старшим продолжилась, когда я начал писать стихи. Я следовал довольно обыденным путем, копируя Китса потом Хардли, Элиота, Паунда, Йетса и Аудена. Сейчас я копировал Мастарда, кроме единственной вещи в нем, я мог действительно подражать его походке. Я тянул свои плечи вниз и старался стать основательно устойчиво с каждым шагом, как это делал Мастард. У него это создавало впечатление непринужденной силы, но я понял, что не добился такого же эффекта когда Фрэнк прокричал сзади: "Мне кажется, что у тебя перенапряжен таз."

Мы сидели в ресторане Кена, когда Мастард вытянул свои ноги под малюсеньким столиком и заполнил собой пространство. Кен был гавайским японцем, и его жена управляла рестораном. Они подавали отличную ставриду с ароматным рисом и этот ресторан был единственным в округе, не приправлявшим все аджиномото, японским глутаминатом натрия. Мастард держал палочку для еды в одной руке, сжимая ее пальцами, так что средний палец находился под палочкой, а все остальные сверху.

"Люди говорят о ки - но что такое ки? В тренировках ведь центральным является не ки, а то, что нужно уметь отдавать все и то, что нужно быть готовым умереть. Когда ты приходишь в додзё, ты должен развивать такую систему мышления."

Соответствующие крики одобрения и поддержки послышались от собравшихся обедающих людей.

"Если я вижу кого-то, кто не имеет уважения к учителю я просто уйду. Я не стану учить такого человека. Такено-сэнсэй ударил бы его, но я просто отойду. Без уважения нет обучения."

Я вспомнил как Фрэнк изобразил легкое недоверие, когда Мастард демонстрировал на нем технику как-то после занятия. Инстинктивно Мастард выполнил технику на Фрэнке в полную несдерживаемую силу. Фрэнк поднял себя с пола, ухмыляясь извинительно и потирая плечо. Прошло около месяца, прежде чем плечо зажило.

Мастард держал свою палочку. "Смотрите"

Он легко ее сломал.

Я попробовал повторить трюк, но в результате только посадил серьезный синяк на среднем пальце. Палочку легко разломить или разбить, но сломать ее используя только ограниченную силу пальца, а не руки сложно.

"Для этого нет правильной техники, - рассмеялся Мастард, - только годы тренировок." Затем он сломал две палочки сразу. Потом три. Он ухмыльнулся нашим удивленным лицам и сказал, "Я знаю только одного японского учителя, который мог бы сломать четыре."

В моем понимании Мастард имел героическую черту, которой я давно хотел обладать: эдаким достоинством истинного мачо, которому, мне кажется, он научился у своих японских учителей. Кроме того он был мазохистом, жестким человеком, пьяницей и сентиментальным человеком. Он часто нес ерунду и я знал, что это ерунда - все, что касалось воинского духа и готовности умереть в любой момент - но тогда и там эти слова имели смысл, они заполняли пустоту во мне, сентиментальную бесполезную пустоту созданную годами здравого смысла и предупреждений одевать защитный шлем, когда садишься на велосипед. Это были дикие вещи и их говорил взрослый человек. Он также был "мастером" - он мог претворить слова в действие. Такие люди обладали серьезной силой и я позже смог оценить всю глубину решения сделать подобного человека своим героем.

Однажды Мастард спросил меня невзначай, не собираюсь ли я пойти на полицейский курс. Я был слишком удивлен, чтобы ответить. В итоге я промямлил "может быть". До тех пор я был уверен, что обязательным требованием для зачисления на курс было обладание черным поясом, если не в айкидо, то по крайней мере в другом боевом искусстве. Мастард имел уже черный пояс третьего уровня, когда восемь лет назад пошел на курс сэнсусей.

Начав заниматься айкидо в Японии в штаб-квартире в Токио, я мог проскользнуть через заднюю дверь. Если бы я подал просьбу о зачислении на курс извне Японии, требования были бы более строгими. Но если я продолжу тренироваться усердно (т.е. каждый день в течение следующих шести месяцев), они могут позволить мне попасть на курс гражданской полиции.

Но был ли я достаточно хорош, чтобы выдержать одиннадцать месяцев сложных тренировок, пять часов в день, пять дней в неделю? Я не знал. Я действительно не знал. Я спросил Даррена, бывшего прыгуна из Австралии, который закончил полицейский курс в тот же год, что и Пол. Даррен был таким же крутым, как и все остальные в

додзё, но он был открытым и скромным, что упрощало общение с ним по сравнению с Полом. Даррен был одним из шидоин (ассистирующих учителей) для следующего курса сэншусей. "Если захочешь, то сможешь, - сказал он, - Все именно так. Просто надо захотеть. Имей ввиду, когда я закончил курс, думал, что никогда не смогу бегать, мои колени были в плохом состоянии..."

Студенты курса гражданской полиции были известны как "сэншусей", проходящие обучение специалисты, и в конце года он получали разрешение на преподавание. Но в течение года к ним относились как к низшим членам додзё. Они лишались статуса обладателей черного пояса и должны были носить белые пояса во время курса как символ смирения. Они должны были чистить туалеты и душевые и чтить учителей как богов.

Метод обучения мало изменился со времен Японской Имперской Армии, духовным приемником которой являлась современная полиция; японская армия или силы самообороны были подвержены наибольшему вниманию американских оккупационных войск и прошли более тщательную чистку от японского милитаризма.

Учитель лишен беспокойства о привлечении студентов и даже их удержании. Он может быть настолько тверд и жесток, насколько пожелает, и все равно продолжит получать зарплату от попечителей додзё. В число попечителей додзё Ёшинкан входила корпорация Сасакава, которая была известна своими традиционными, если не ультра-националистскими, симпатиями. Сам Сасакава был заключен в тюрьму под категорией А военных преступников с 1945 по 1948 гг.

И Канчо и его отец были членами ультра-националистского общества Черный Дракон, секретной довоенной группировки, к которой также принадлежал Сасакава. Настойчивость на "Духе" в Ёшинкан айкидо произошло из того же философского обоснования, что и ультра-националисты, хотя указанием, со времен войны, стало сделать "Дух" личным стремлением, а не националистическим идеалом. Канчо, я уверен, был не очень заинтересован в политике, но его мышление больше склонялось вправо, чем влево. Если полиции требовался кто-то для наполнения ее офицеров "Духом", айкидо Ёшинкан - было совершенным орудием, с его довоенной националистической репутацией и послевоенным успехом в качестве жесткого и методичного боевого искусства.

"Дух" тогда был довольно недавним культурным приобретением в изучении айкидо. В отличие от разнообразных школ искусства боя на мечях, айкидо, до конца девятнадцатого века, было в основном секретной формой джиу-джитсу. Оно передавалось по наследству в знатных семьях, преподавалось только верным слугам и сыновьям аристократов. Ямато Дамашу, Дух Японии, был широко распространенной культурной идеей на протяжении всей истории существования Японии, но была введена в айкидо в националистическую эпоху 1920-30х. Даже тогда это было только айкидо Ёшинкан, которое поддерживало эту связь, другие формы айкидо отражали философские верования их ведущих мастеров. Уэсиба, отец-основатель современного айкидо, в большей мере объединил его айкидо с эксцентричным религиозным культом Омото. Томики, который учредил "спортивное" айкидо, был более подвержен влиянию педагогической системы департамента образования Университета Васэда. Только Канчо придерживался истинному довоенному представлению "Духа". Обучению "Духу" и был посвящен курс сэншусей.

Моя физическая форма улучшилась за последнее время занятий айкидо Я дополнил это, став членом дорогого спортклуба, заполненного женщинами в эротично обтягивающих спортивных брючках и беговыми дорожками. Хотя раскачивание тела и считается большинством серьезных айкидока пустой тратой времени, тем не менее я чувствовал себя лучше с чуть большим количеством мышц. Я тренировал падения на пористых гимнастических покрытиях. Падения, как я полагал, будут представлять проблему. Я мог делать кувырок вперед, но падение, вроде кувырка вперед в воздухе, было для меня сложно освоить. Все говорили, что если ты не можешь падать до начала курса, у тебя будут серьезные трудности, потому что тренировка требует выполнения большого количества падений. И если ты не сможешь падать из броска, то получишь конкретную взбучку.

Я начал бегать, выбегая из Фуджи Хайтс рано вечером, пробегая мимо железнодорожных путей до ближайшего парка Шакуджикоэн. Я оббегал вокруг озера в парке несколько раз, высматривая каймана, которого там заметило местное телевиденье. Я так его и не увидел. Как и не увидел утку с арбалетной стрелой, застрявшей в шее, еще одного недавнего беженца по данным прессы.

Этот парк был одним из немногих моих мест контакта с природой. По краям он был почти диким, что дало возможность началу истории с кайманом. Там была маленькая святыня, построенная на сваях в озере. Осенью, перед тем как стемнеет, туман опускался на озеро и кружился вокруг основания святыни. Человек, который играл на тенор-саксафоне, часто на скамье рядом с озером, играя Моцарта. Музыка и туман нависали над озером, пока я тяжело тащился вблизи слегка лесистых склонов.

Я оценивал других, тех кто записался на курс с подозрением – действительно ли они были более жесткими чем я? Там был маленький Агэстино, китайско-португальский австралиец, который говорил каждому, что он был инструктором рукопашного боя в австралийских спецподразделениях. У Агэстино, или Ага, как ему нравилось, чтобы его называли, были шрамы по всему его телу, даже на его яичках, однако я не чувствовал, что достаточно хорошо знал его на данном этапе, чтобы расспрашивать его о них. Ага хорошо относился к продуктам для здоровья Nuskin. Он агитировал бедных глупцов, чтобы помочь продать их спортивные пищевые продукты по завышенным ценам. Правда об Ага была более банальна: он фактически был бухгалтером, который был на тренировках австралийских спецподразделений, как член местных войск связи. У Ага были тонкие запястья, маленькие кости, но очень большие грудные мышцы. Он много говорил к тому же, ерунду главным образом. Я узнал это от Дэнни, его напарника, который был в той же группе и так же проходил курс. У Дэнни была широкая улыбка, неизменно зубастая улыбка. У него был вид парня, который отправится в Галлиполи и не вернется. Но у Дэнни было жилистое супергибкое тело, с которым он не имел никаких проблем с выносливостью. Я не думал, что Ага был жестким, он лишь разговаривал жестко, но Дэнни, несмотря на его мальчишеский интерес к дельфинам и опасным паукам, выглядел по деловому.

Уильям Хауэлл, мой американский друг, также склонился к прохождению курса. Перед приездом в Японию он был матросом на траулере и охотником он оленей в своем родном штате Вашингтон. Уилл был манерен и выглядел отлично, но он также уважал книжное обучение. Он всегда просил Криса порекомендовать ему хороший текст и, иногда, он читал их. Женщины любили Уилла, но он отшивал их машинально и непринужденно. Он был взволнован мистичностью курса. "Это наш Вьетнам," говорил он обычно. В другие времена он был более прозаичным: "Это сможет каждый, это все равно что юридическая школа". Выживет ли Уилл? Я думал да, он вложил всю свою гордость в то, чтобы завершить курс.

Друг Уилла Адам, также записался на айкидо и на курс. Толстый, но гимнастичный, тяжелый, но гибкий, Адам выглядел как парень, всегда избиваемый людьми, которым не нравилось его лицо и его скороговорки в стиле Робина Вильямса. По прошествии некоторого времени в его компании я начал понимать почему так было. Он чередовал немощную пассивность со склонностью измываться, когда была возможность выйти сухим из воды. Он женился на японской девушке когда ему было восемнадцать и она забеременела. Теперь ему было двадцать два и его жена отправилась с их маленькой девочкой в Америку. Адам рассматривал курс как некоторую терапию: если бы он смог закончить его, это доказало бы, что он не был полным неудачником. Я был убежден, что Адам бросит через неделю. Он был никуда не годным, несмотря на то, что был профессиональным скейтбордером, у него была старая травма колена, которая все еще давала о себе знать. Толстый Фрэнк хотел пройти курс, но его ситуация с визой не позволяла ему сделать этого. Он похудел, его руки до плеч и его бычья шея без труда стали достаточно крепкими. Я пробовал убедить его сжульничать, чтобы поступить на курс, но мы знали, что Пол, усердный английский полицейский, разнюхает все. Крис поддерживал, но был гномичен: "У меня есть весома оговорка относительно способа обучения Гражданской Полиции. Но ты не будешь сожалеть, если закончишь этот курс." Он был также честен по отношению к себе: "Я не уверен, что сам лично мог бы закончить его. Я тоже склонен к несчастным случаям. И, по тому, что я мог наблюдать, основная часть курса это умение справляться с травмами."

Было сложно сравнивать себя с теми иностранцами, которые сейчас проходили курс сэншусей. Я не знал как они выглядели до начала курса. Сейчас, в середине, они все казались очень сильными и физически развитыми. Только Ник, англичанин, которого, как я видел, запугивал Мастерд, был настолько неловким, что все еще делал странные ошибки в базовых движениях.

Студенты сэншусей избегали говорить с обычными учениками и сидели, мрачные и не улыбочивые, в раздевалке между занятиями. Я видел их только после занятий. Они все выглядели молодо с тонкими жилистыми телами. У одного из них была челку как у попугая Какаду, что казалось весьма скандальным для гражданского копа, но возможно конечно большую часть времени она была бы скрыта под шлемом.

Я знал, что если бы я начал курс, то уже не смог бы бросить. Слишком большой был бы удар по моей гордости. И если быть достаточно искренним, то я не сильно отличался от Адама, используя невероятно трудные тренировки, как способ доказать, я так рассчитывал, что я действительно существую.

Я задумался об остальной моей жизни. Что мне было терять? В конце концов это было всего лишь на год. Если сравнение возможно, то эквивалент начальной подготовки в школе Тессю занимал три года. С течением месяцев я развил в себе ощущение неизбежности. Я говорил об этом так много, медитировал над вероятными травмами, промывал себе мозги идеей, что курс был единственным способом моего реального прогресса в боевых искусствах. Большое решение постепенно растворилось в месяцах

агонии подсознательного процесса самоубеждения в собственных способностях. Когда я заплатил деньги и отдал все формы, включая одну, где взял на себя всю ответственность за возможные повреждения и летальный исход, это вовсе не казалось таким уж большим делом.

Когда бы меня не видел Мастард, он начинал смеяться надо мной и приговаривать: "Ты - мой! Ты- мой!", что очевидно должно было послужить мне предупреждением.

За три месяца до начала курса сэншусей была устроена "интернациональная вечеринка". Все иностранцы, которые занимались айкидо в додзё и японский состав участвовали в ней.

Я разговаривал с Ником, который решил бросить курс за два месяца до окончания. У него было печальное лицо и он нервно тушил сигареты о кусок дыни. Под стрессом у Ника развилась астма. Во время занятия в режиме "хаджиме" (постоянная тренировка без отдыха) с японским учителем, который обладал репутацией безжалостного, у Ника началась гипервентиляция. Учитель заметил, что Ника перестал тренироваться, подошел и начал орать на него. А потом ударил его по лицу.

Ник сказал мне: "Я действительно испугался. Я говорю о том, что это Япония. Я совершенно не знал, что он собирался сделать. Он мог сделать что угодно..." После того как учитель ударил его, он заставил Ника сделать несколько серий вездесущих "кроличьих прыжков" (усаги тоби - стандартное наказание в Японии, упражнения, которые типично по-японски выглядят мило и глупо, но на самом деле требуют большой силы). Сейчас усаги тоби запрещены в японских высших школах в качестве наказаний из-за летальных исходов. Вероятно, они также не являются и лучшим лекарством от гипервентиляции. Это привело Ника в крайне напряженное состояние. Беременность его девушки стала последней каплей, он оставил курс и уехал из Японии.

Другой учитель, Шиода-младший, сын основателя славился особой жесткостью в отношении к неапонцам. Поговаривали, что это был результат его вынужденного трехлетнего проживания в Англии в 1980-е, куда отправил его отец, в то время закладывавший фундамент для своих международных связей. В те годы молодому Шиода Англия показалась жалким местом. Молодые женщины, вероятно, смеялись над его чудным и исковерканным английским и как его литературный предшественник Натсуме Сосеки, он тосковал в холодном и мокром английском климате.

Говорили, что из-за неприятных английских воспоминаний, его вендетта против гайдзин, была особенно заметна в отношении англичан.

Все это казалось слишком нелепым, чтобы быть правдой, но когда он подошел ко мне на зимней вечеринке в додзё, его манера общения была необоснованно агрессивной, хотя английский очень хорошим. Со своим монотонным, но почти истеричным допросом, Шиода-младший в свои 43 года, показался мне исключительным воплощением садистского офицера японской армии 1941 года.

- Почему ты решил учиться на курсе сэншусей? - спросил он.

- Я очень интересуюсь японской культурой и верю, что айкидо хорошо воспитывает Дух, - был дан стандартный ответ.

- Ага, Японский Дух. Это очень важно. - Он уставился на меня с вызовом, - Японский Дух - самая важная вещь!

- Японский Дух - очень интересен, - сказал я.

Он коротко кивнул и ушел.

- Ты ему понравился, - сказала мускулистая израильская девушка, сидевшая рядом. Как и многие из бывших израильских военных, она перекочевала в боевые искусства и столь же умело использовала ругательства, как и остальные мужчины.

- С чего ты взяла?

- Потому что он улыбнулся.

- Он не улыбался.

- Если не считать садистский смех, то самое близкое к улыбке - это когда он кивает. Кивок - это улыбка. Поверь мне, если ты ему не понравишься, то ты это действительно поймешь.

Адам, другой будущий сэншусей, тоже на той вечеринке прошел через допрос Шиода.

- Какой неприятный парень, - сказал он, слегка показав головой в сторону Шиода-младшего, который в тот момент сидел. - Он сказал мне, что я слишком полный для занятия айкидо.

- Ты немного полноват.

- Я знаю, но я о том как он это сказал; так словно он думал освежать меня и зажарить на обед. В нем есть что-то людоедское.

После сидячей части вечеринки мы переместились в ночной клуб в Шинджуку сан-Чоме, квартал красных фонарей в Токио. По пути к станции Оямада-сэнсэй, схватив Майка "Толстяка" Стумпела за голову и выполнив движение айкидо, засунул его в живую изгородь. Толстяк был сэншусей и со своими 6,2 футами (прим. пер. - 189 см) серьезно возвышался над Оямадой. Но Оямада был учителем, поэтому Толстяк мог только кротко

улыбаться. Я обратил внимание, что весь остаток вечера он вынимал из ушей ошметки кустарника.

В ночном клубе, дискотеки в стиле регги, под названием "MC 1000", я впервые познакомился с Роландом "Терминатором" Томсоном, австралийцем шотландского и ирландского происхождения с примесью китайской и аборигенной крови для ровного счета. Он был известен как единственный человек, который смог противостоять болевому контролю никаджо, выполненному Канчо. Его звали "Терминатором" потом, что после одного занятия с ним ты, как нам сказали, чувствовал, что тебе пришел конец и не хотел уже продолжать. Я, по простоте душевной, спросил есть ли у него совет для новичка. Роланд рассмеялся с издевательской иронией, что меня совершенно смутило. Он был моим ровесником, но с его рыжими волосами и изрытым оспой лицом в форме картофелины, покатыми плечами, большими запястьями и шестифутовым телосложением, он казался старше, безобразнее и бесконечно круче. У него было тихое и очаровательно рассеянное поведение в трезвом состоянии. После нескольких стаканов он становился жестче, грубее и более опасным.

Нынешние студенты курса сэншусей поделились своими советами. Майк "Шип" Кимеда, наполовину канадец, наполовину японец, отец которого был известным учителем айкидо в Торонто, сказал: "Обеспечь, что всегда есть кто-то, кто хуже тебя. Это твоя страховка. Если кто и сломается, то это будет парень снизу, а не ты."

"Толстяк" Стумпел, другой канадец, сказал мне: "Ты не можешь подготовиться к курсу. Он задуман так, чтобы подтолкнуть тебя дальше, чтобы ты мог двигаться сам по себе. Ты не можешь подготовиться так, чтобы делать шестьсот подъемов корпуса или час дзю-вадза, практике против любой возможной атаки, которая истощает после нескольких минут."

Оба, Толстяк и Шип должны были стать ассистентами (севанин) на моем будущем курсе. На самом вершине был учитель, затем шел шидоин, затем севанин и в самом низу студенты сэншусей. Все издевались над уровнем ниже их, а над студентами сэншусей издевались все.

Джон Коффей, американец и еще один крепкий парень (он был третьим даном и закончил курс три года назад - его брат был ведущим хоккейным игроком Пол Коффей), говорил мягче и имел более философский подход. Он посмотрел на меня взглядом Марлона Брандо в фильме Апокалипсис сегодня. "Я помню, что после окончания курса я пошел в горы к так называемым отшельникам. Это были Дзэн-буддисты, вся атмосфера была очень сдержанной и даже суровой. Нам давали очень мало еды и лишали сна. Мы стояли под ледяными водопадами - и все в том же духе. Через несколько дней я стоял в этой ледяной воде и вдруг меня накрыло осознание. Внезапно я понял, что мое тело было дерьмом. Это не было моим мнением - я просто это знал. Всего лишь дерьмом, мусором, а вовсе ни чем особенным. И знай я это до начала курса, многие вещи были бы... проще." Он улыбнулся и я заметил разные маленькие шрамы на его лице.

Я решил уйти от запахов и шума ночного клуба. Мне нужен был свежий воздух. Много свежего воздуха. Как только я торопливо попрощался, Роланд зафиксировал на мне взгляд своих серых водянистых глаз. "Опасная вещь это айкидо. С айкидо ты можешь убивать людей." Он не улыбался. "Спасибо, Роланд, - сказал я и поспешил к выходу, раздумывая почему собственно мне хотелось стать таким же как они.

4. С пеной у рта

"Привязывай даже жареного цыпленка."

Хагакурэ

Апрель

Впервые в своей жизни я собирался преднамеренно причинить вред самому себе.

Тому школьному хулигану, который побил меня перчаткой для крикета, так же нравилось причинять вред себе. У него был необычайно уродливый большой палец, обрубок в шрамах, который заканчивался в первом суставе. Иногда, во время уроков, он колот себя в обрубок острием циркуля.

Я так же помню других друзей, преднамеренно колющих самих себя макетами ножей. Самое варварское безумство совершили непослушные мальчишки на задних партах, которые делали себе татуировки синими чернилами из авторучек при помощи вездесущих циркулей.

Мои родители, при каждой возможности, окутывали меня доброжелательностью. Я думаю, что если бы я попробовал бы стать более жестким причиняя себе увечья, то они бы отвели меня к детскому психиатру. В Великобритании, в 70-ых, только бритоголовые и психи одобряли избиение, чтобы у них была возможность строить своё сопротивление и продолжать агонию.

Первый день курса гражданских полицейских был как тому и полагалось 1 апреля. Церемония открытия проходила в додзё под огромным флагом с восходящим солнцем на стене.

Полиция начинала на месяц позже. Опоздание тянулось с королевской свадьбы, что была предыдущей весной.

Ито, старший ученик, отдающий команды таким же голосом, что и Чида (его наставник), построил международный состав к открытию и посадил нас на колени на те десять минут, пока бывший министр иностранных дел держал длинную речь. Я заметил, что все высокопоставленные лица сидели на стульях. Так же здесь был, помимо огромного японского флага, висящего над святыней, и флаг с фиолетовым орлом Ёшинкан, который висел на треноге в углу. Когда называлось имя студента курса сеншусей, он должен был вскочить на ноги как можно быстрее и проорать свое имя и национальность. Считалось хорошим тоном орать как можно громче. Нам объяснили, что гражданские полицейские не мямлят. Канчо был слишком болен, чтобы присутствовать. Это была первая за 30 лет полицейская церемония, которую он пропустил.

После церемонии бы шатались всюду как неприкаянные. На курсе было двое канадцев, обоих звали Ник. Меньший и более молодой из двоих был армянским канадцем, он сказал нам, что его настоящее имя было не Ник, но мы должны были называть его Ником, потому что все остальные так делали. Позже он сказал мне своё настоящее имя, но я забыл его. Малыш Ник имел проблемы с письмом, несмотря на то что был послан в дорогую частную школу. У него были шрамы на руках из-за драк на ножах. Было что-то хищническое и холодное в его черных глазах.

Более старший и большой Ник сильно и весело пожимал руку каждому. Он был на несколько месяцев моложе меня, таким образом я был самым старым на курсе. Он был действующий походный инструктор в Канаде, который изучил "Досуг на природе" в университете. "Бог мой," съязвил Уилл, "парень имеет диплом по подъему палаток и разжиганию походных костров."

Оба, Бэн и Крэйг, были австралийцами. Бэн был свыше шести футов ростом (182 см) и без труда сказал каждому, что изучал балет в Мельбурне. Бэн выглядел гибким и расслабленным, применяя существование свободное от боли. Я предположил, что его хватит только на месяц. Крэйг был осторожен и тих. У него было большое тело и бледная кожа, он практиковался в каратэ и иайдо, искусстве выхватывания меча. У него была стрижка в стиле Яна Босама, короткая по бокам с длинным хвостом сзади. Практически все брили головы либо стригли их ежиком, что было ожидаемой прической сеншусэй.

Рэм, израильтянин, должен был стать моим партнером по тренировкам в течении первых трех месяцев. Присутствовала некоторая кровожадность рядом с ним, хвастливость которая притягивала. У него была копна вьющихся волос и круглые очки, которые он никогда не снимал, даже во время кулачных боев, как он говорил. Он продавал серебряные кольца, чтобы прожить, и говорил мне, что имеет двух подруг, одну японку и одну израильтянку. "Ведь я йемено-израильтянин, а в Йемене позволяют двух жен!" сказал он, подмигивая мне. Его английский, как и японский, оба были плохи, но он редко когда переставал усмехаться. Толстый Фрэнк не понимал шуток Рэма: "Он пытается показать, что у нас такие же грязные мысли, как и у него. Мне не нравится это." Перед тем как приехать в Японию (на мотоцикле проехав через всю Индию), он служил капитаном в парашютно-десантных войсках Израиля. Он был тонким и жилистым. Он говорил мне, что всегда любил драться.

Я осознал, что мы были своеобразным иностранным классом на курсе сеншусей. Иностранцы, которые искали очищения и были жизненно неустроены, можно сказать даже отщепенцами, которые искали спасения через наказание в виде жизни в додзё в повышенных условиях дисциплины. Было слишком поздно беспокоиться, что возможно я бегу от жизни, слишком поздно думать о всем разнообразии свободы, от которого я должен был отказаться. На ближайший год все мы переходили в собственность айкидо Ёшинкан.

Курс сеншусей начинается с нуля. Он не предполагает наличия знания айкидо кроме нескольких элементарных вещей. Для тех, кто уже имеет черные пояса, смысл заключается в том, чтобы избавиться от плохих привычек посредством возвращения к основам. Темп курса очень высокий. В течение года у нас должно быть больше тренировок, чем у человека, который тренируется по часу в день четыре раза в неделю на протяжении пяти

лет. Тем не менее в додзё требовали определенный уровень способностей прежде чем начать курс, чтобы поддерживалась высокая скорость обучения.

На протяжении курса предполагались четыре экзамена. Третий экзамен – на черный пояс, а последний – на обладание инструкторской лицензией и сертификатом о завершении полицейского курса.

Нам раздали руководство, переведенное с японского, в котором были содержалось приблизительное расписание на год, там же были прописаны наши обязанности. Каждом семи- или восьми-часовой день, проведенный в додзё, мы должны были потратить два часа на уборку, посещение собраний, занесение заметок в дневники и быстрое поедание еды. Вне додзё мы посещали тренировочные лагеря, а так же экскурсии и демонстрации.

Дважды в неделю мы начинали в 7.15, тогда перед первой тренировкой айкидо проходило получасовое занятие японского языка.

Все тренировки длились по часу или полтора, хотя могли быть растянуты и до двух часов, если учитель хотел нас наказать. Было три таких занятия каждый день. Включая время на разминку и сидение в ожидании в сейдза, болезненной "самурайской" позиции на коленях, мы должны были проводить пять с половиной часов в день, пять дней в неделю, в течение года, в тяжелых физических тренировках в одной и той же комнате размером 30x15 метров с твердыми матами на полу.

В каждом конце комнаты, додзё, весели часы. Они должны были проверяться каждый день и иногда подводиться несколько раз в течение дня, так как постоянно то спешили, то отставали. Эти часы управляли нашими жизнями.

Первое занятие было широко разрекламировано как самое сложное. В предыдущие годы люди бросали курс сеншусей после первого занятия, а некоторые из них также совсем бросали айкидо. Я гадал, кто на нашем курсе сломается первым.

Первый месяц использовался для исключения тех, кто не мог адаптироваться к стилю тренировок курса. В течение года количество иностранных студентов упало с шестнадцати в начале до четырех в конце. В предыдущем году было потеряно семь учеников в течение всего курса. Японцы редко сдавались, за исключением травм. Иностранцы не всегда были столь же крепкими. Но они не занимались этим профессионально, как полицейские.

Один двадцати-трехлетний канадец ушел с курса через три дня. Это было в предыдущий год. Он сказал мне, что просто не любит, когда на него кричат. Но вместо того, чтобы чувствовать вину, он остался и тренировался два раза в день на обычных занятиях. И хотя обладатель черного пояса, закончивший курс сеншусей, ценится выше, чем обладатель обычного черного пояса, он сдал экзамен в то же время, что и другие, проходившие курс, с которого он ушел. Это как раз и было планом, которым собирались следовать Крис и Толстый Фрэнк. При удачном стечении обстоятельств, мы все должны были сдать на черный пояс в одно время, хотя я должен был еще пройти три дополнительных месяца тренировок на инструкторский уровень.

Мы сидели в одну линию на коленях и ждали прихода нашего первого учителя. Это было раннее занятие, поэтому все знали, что он будет иностранцем. За минуту до начала тренировки, пять или шесть других западных учителей присели на колени в одну линию с нами. Они должны были участвовать в качестве свидетелей или ассистентов в том беспределе, которого мы ждали.

В тот момент, когда часы ударили половину, Роланд Терминатор зашел в зал. Мы выполнили процедуру поклона и подпрыгнули в ожидании приказа.

Задание было очень простым. Каждому было показано место куда бежать и когда отдавался приказ, каждый должен был добежать до своего места как можно быстрее. И тогда мы должны были бежать обратно и выстраиваться в линию. И обратно на места. И потом снова в линию. И потом снова на места. КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ.

Вскоре голос Роланда становился пугающим и истеричным по мере совершения людьми неизбежных ошибок. Каждая ошибка наказывалась серией усаги тоби (кроличьих прыжков, которые сначала казались довольно забавными, но после пятнадцати или шестнадцати серий новизна начинала стираться).

Когда мы научились как вставать на наши места, мы начали практиковаться камаэ, базовой боевой стойке в айкидо. Сначала мы встали в правостороннюю камаэ, а потом в левостороннюю камаэ.

Крики Роланда и его пяти ассистирующих ему мучителей были несравнимы ни с чем испытываемым мной до этого. Это был чистейший лагерь для новобранцев. Я слышал оскорбления людей со всех сторон. "Еще одна ошибка и ты вылетишь", – Роланд орал на Адама, который был еще менее опытным в айкидо, чем я. Снова и снова мы скакали кроликами вокруг додзё. Это было абсурдно и тем не менее возбуждающе. Роланд подошел и стал рычать мне в ухо. "Опусти свой центр. Опустить. ОПУСТИ!" Я запутался и он почувствовал во мне жертву. Он подошел ближе и заорал громче. Каким-то образом я осознал, что должен собраться или его наезды никогда не закончатся. Я фактически вернулся на школьный двор. Я неистово сконцентрировался и отразил вызов. Как если бы все сработало, он инстинктивно попятился и начал придирается к другим.

К этому моменту кроличьи прыжки начали немного затухать. Нас накрыло новой волной оскорбительных криков и ругательств, чтобы мы зашевелились. У всех легкие практически разрывались от нехватки воздуха. Люди начали падать во время прыжков.

Тут вступили "ассистенты". Они собрали вместе тех, кто выглядели на грани обморока и забросали их ругательствами и оскорблениями. Было ощущение, что по всему залу разрываются бомбы и что действие разворачивается в кошмаре первой мировой и что я мог бежать, но не мог избежать минометных атак ревущих "инструкций".

Только в один момент я неожиданно подумал: Что я здесь делаю? Почему бы тебе просто не уйти? Я быстро избавился от этой мысли. Я знал, что не мог себе позволить роскоши этой мысли, если хотел продержаться год.

По сравнению с остальными, мне казалось, я справлялся нормально. У Адама было больше всего проблем, но потом казалось его посетило второе дыхание и он стал бешено скакать как заводной кролик-самоубийца.

И потом с криком я-мэ (стоп) все закончилось. Мы стояли во внимании сопя и истекая потом как старики. Роланд едва ли взглянул на нас перед тем, как распустить группу.

Полчаса на подготовку к следующему занятию. Я выпил литр воды и свалился на пол в раздевалке. Стефан Отто, один из ассистентов Роланда и бывший чемпион-тяжеловес из Баварии, подошел и похлопал меня по спине. "Ты работал хорошо. Я был удивлен. Но это было хорошо, хорошо."

Следующее занятие вел Чида-сэнсэй. Мы все ожидали худшего. Вместо этого Чида прочел нам лекцию. Он выстроил нас в шеренгу и стал смеяться над нашим ростом. "Слишком высокие для айкидо, - сказал он, - все лучшие люди, как Уесиба и Канчо-сэнсэй, были маленького роста." Он сказал нам, что мы опережаем команды, а не следуем им. "Это психологическая негибкость. Человек, который предупреждает собственные действия до их выполнения, не может устоять на месте. Не умеет ждать. Его время вечно на исходе. Он сигнализирует о каждом ударе и его оппонент легко и точно читает его мысли. Вы не можете планировать бой."

Мы стояли пристыженные. На нашем первом занятии нам сказали, что мы слишком медленные. Теперь мы были слишком быстрыми. То, чему нам следовало научиться - корректная манера работы.

Мы слишком старались. Либо старались не так. Проблема заключалась в том, как стараться без "старания". Потому что в конце концов усердия недостаточно, еще должны быть и результаты. вы должны выиграть бой, потому что поражение может означать смерть. Как победить, не заботясь особенно о том, кто станет победителем?

Мы все ответили неправильно на этот вопрос и Чида сказал: "Это не обычное занятие. На обычных занятиях мы говорим что-то и люди забывают, поэтому мы повторяем снова. На тренировках курса сеншусей мы говорим только один раз. На тренировках курса сеншусей вы не можете забывать. Вас учат один раз и вы учитесь сразу."

Он сказал это без намека на иронию в голосе. И тут же замолчал - на какой-то момент предупреждение повисло в воздухе как угроза. Он продолжил мягким голосом: "Когда я пришел в додзё и стал учеником, я написал завещание. Я знал, что в любое время могу быть убит Канчо-сэнсэй. Я написал завещание, потому что хотел быть готовым к смерти". В конце последнего высказывания возникла еще одна длинная пауза.

Чида закончил серией упражнений на наращивание жизненной силы. В одном из упражнений мы просто сидели на полу с поднятыми ногами, вытянув их вперед. Через пять минут мы все тряслись и дрожали от усталости. Чида-сэнсэй было сорок пять лет и через десять минут он сохранял невозмутимый вид, продолжая вытягивать ноги вверх. В действительности, он создавал впечатление, что он мог продолжать это упражнение вечно.

Я позже узнал, что есть фокус, позволяющий проявить такого рода чудеса ловкости. Фокус заключался в том, что когда вы напрягаете мышцы пресса, вы также невольно напрягаете соседние мышцы. Некоторые из них тянут в противоположном направлении от поднятия ног, таким образом вы фактически работаете против себя. Это ведет к быстрой усталости мышц пресса в независимости от вашей силы. В действительности даже чем сильнее вы, тем сильнее произвольная работа мышц тянущих в противоположную сторону. Вместо этого надо расслабить пресс и сконцентрироваться на мышцах, напрягающих бедро и соединяющих бедренную кость с тазом. Для этого необходимо поддерживать спину прямой. Айкидо учит высокому телесному осознанию и требует способность изолировать и расслаблять конкретные мышцы, и потому облегчает осуществление таких "чудес".

Первые недели курса были призваны оценить конджо, или выдержку. Это был традиционный японский метод обучения. Если тебя просили сделать двести отжиманий, то это больше относилось к психической выдержке, чем по причинам физического развития. Японские учителя не были заинтересованы в мягкой работе. Конджо требовало, чтобы они нас напрягли до невозможности.

Первое занятие прошло в субботу. Тренировки возобновились в 7.15 утра во вторник. У меня было два дня до начала реального натиска. Фрэнк наблюдал мои попытки остаться

неподвижным в спальном мешке с развлечением. Крис имел более сильные убеждения. Когда он предложил при обсуждении рис карри братьев Мураками на ближайшем перекрестке, он был раздражен тем, что я поехал на своем велосипеде приблизительно за сто метров в ресторан. Так как братья Мураками, радушные похожие как две капли близнецы шестидесяти лет, поставляли неизменно одинаковые шарики карри, политые сверху красным рассоле, Крис высказал требование не пользоваться курсом как оправданием эпической лени всякий раз, когда я не тренировался. "Но это единственный способ мне выжить," возразил я. "Значит, ты не будешь учиться этому," резко ввернул он. Фрэнк был примирителен. "Он только начал. Дай ему шанс." "Да," присоединился я, "дай мне шанс." Крис ударил по рису карри не чистой ложкой Мураками и ничего не сказал.

Я лежал в квартире со своими больными конечностями и писал свой "дневник сеншусэй". Мы должны были сдавать дневники каждый месяц. В них содержалось детализированное объяснение каждой техники и оценки нашего чувства к обучению. В данный момент я не испытывал никаких чувств, поэтому сделал запись в сухом техническом жаргоне.

К утру вторника я был все еще настолько одеревеневший, что с трудом мог забраться по ступенькам додзё. Сеншусэй запрещалось использовать лифт.

Однажды мы делали уборку додзё. Адаму и мне были поручены туалеты "как минимум на три следующих месяца". Это определено была худшая работа, но она имела свое преимущество, позволяя хорошо разогреться перед тренировкой, посредством энергично драить писсуары и полировать трубы. Держатели туалетной бумаги должны были как минимум иметь зеркальный вид, как собственно и крышки электро-розеток. Адам мыл пол шваброй. Пол сказал нам, что уборка была составной частью курса. "Это хорошая тренировка" - сказал он. "Я хочу тебе сказать, - заявил Адам, выглядывая из-за туалетного бачка, - мы станем гнуснейшими гребанными уборщиками во всем мире, когда это все закончится!"

Ко второму занятию Адам был слева от меня и трясся от напряжения. Все его тело непроизвольно содрогалось, когда он склонялся над передним коленом, руки вытянуты вперед, словно в трогательном преклонении перед божествами. Мы выполняли базовые повороты, начинающиеся из стойки камаэ и заканчивающиеся положением, в котором тело вытягивается вперед и переносит практически весь вес тела на переднюю ногу. Руки тоже вытянуты вперед. Упражнение обычно выполняется несколько раз перед занятием. Мы же занимались этим около часа, с длинными интервалами удерживания положения тела над передним коленом. Люди кричали в агонии. Адам, Крейг и Большой Ник были самыми крикливыми - они также были самыми тяжелыми, что означало, что они больше всего напрягали переднее колено.

Завывание и крики были так ужасны, что некоторые из учи-деши (внутренних учеников - японцев) выглянули из офиса, чтобы посмотреть. Они сделали вывод, что мы были самым шумным курсом сеншусей за все время.

К этому моменту вызывающие крики Адама превратились в низкое завывание вперемешку со странными стонами. Я обратил внимание на некое количество белой слюнообразной субстанции на его подбородке: впервые я видел в прямом смысле пену у рта от физического напряжения.

Младший Шиода казался равнодушным. Время от времени он поворачивал свою спину к нам и смотрел в окно на стройку внизу.

Толстяк, канадский севанин, бывший сеншусей и теперь ассистент на курсе, бегал вокруг, пытаясь "поощрить" нас. "Используйте боль, - кричал он, - Бен, вставай, не обманывай сам себя!" Одним постоянным рефреном было: "Живей, сеншусеи, где ваш дух!"

Дух Адама как раз собирался покинуть его. Стоны приняли форму тоскливого йодля, в то время как все его тело поднялось в конвульсивной волне дрожи. Его лицо стало ярко фиолетовым, хотя его руки были бескровно белыми. Потом он упал на пол, два раза дернулся и остался лежать неподвижно. Мертвецки неподвижно. О Боже, подумал я, он умер. У него случился сердечный приступ и он умер.

В ужасе никто не двинулся со своего места, хотя определенный просвет был заметен, словно высшая целеустремленность Адама заработала всем остальным отдых.

Толстяк крикнул на Адама, который так и лежал без движения на полу. Шиода смотрел на часы и не замечал припадка Адама. Нам было сказано никогда не сходить с места без команды. Я глянул на Уилла. Уилл глянул на Адама, который неподвижен как мертвый, по крайней мере свободный от физической боли, которая нам всем предстояла.

Мой партнер по тренировке, Рэм больше не мог стоять. Он нарушил строй и помчался к Адаму, который забулькал, когда Рэм постарался привести его в сознание. Толстяк подошел, за ним последовал озадаченный Шиода. Все мое недовольство было направлено на Шиоду. Теперь ты доволен, думал я. Теперь когда ты кого-то убил. В то же время это было невероятно интересно.

Но Адам не был мертв. Толстяк приказал Рэму вернуться на свое место и после этого поднял Адама. "Не выгоняйте меня, - пробулькал Адам в бреду, - Позвольте мне остаться! Не вышвыривайте меня с курса!"

Адама оттащили в сторону и Шиода приказал Толстяку вывести его наружу подышать свежим воздухом. Но Адам не пошел. Он уцепился за настенный турник и умолял позволить ему остаться. Он действительно верил, что если покинет додзё, ему уже не позволят вернуться. Шиода пожал плечами и Адам тяжело сел, лицо его было в пятнах.

Адам дал всем десятиминутную передышку. Последние двадцать мину занятия прошли в забвении, стоны сократились до приглушенного минимума.

Адам даже присоединился в конце занятия, спотыкаясь, с гордым видом раненого ветерана. После занятия он рассказывал как начал галлюцинировать, воображая, что "они" пришли за ним. Под "ними" подразумевался персонал додзё, который внушал ему суеверный страх.

- Они не выпоят тебя за обморок, - сказал Дэнни.

- Это был не обморок, - парировал Адам, - это был колоссальный приток страха. Этот парень, Шиода, действительно меня пугает.

- Ты принял невероятно фиолетовый свет, - сказал я.

- Я думал ты умер от кровоизлияния в мозг, - сказал Бен.

Адам явно был доволен таким предположением. Он любил внимание и явно получил гораздо больше честной нормы. Даже преподаватели делали комментарии. Во время ободряющей речи перед занятием, Стефан, немецкий ассистент учителя, отметил силу духа Адама. В его баварской версии английского языка он упрекал нас за недостаточное старание: "Вы знаете, как в Древней Греции, проводились борцовские матчи. Иногда до смерти. Иногда человек умирал от сильного старания. И такой человек признавался победителем, а не его оппонент. Потому что нужно полностью отдаваться. Вот, во что верили древние греки, и это верно. И сейчас Адам здесь старается сильнее всех, потому что он тренировался так серьезно, что потерял сознание. Это правильный дух. Это дух сеншусей".

На следующий день, на занятии Оямада, Адама стошнило. Он вылетел из додзё как раз вовремя, чтобы добежать до раковин в туалете.

По протоколу додзё не требовалось спрашивать разрешения выйти, когда тебя тошнит. Если ты не успеваешь убраться с матов, то должен был просто засунуть головы за пазуху собственного "доги" и тошнить туда.

На тренировке Чиды из носа Адама неожиданно хлынула кровь.

Первая неделя переходила во вторую и затем в третью, и казалось, что Адама начинал истощать свои способы привлечения внимания. Он все еще мягко постанывал во время сидения в сейдза на любом промежутке времени. Он утверждал, что травма, полученная на скейтборде, искривила колени, что делало сидение на них очень болезненным. Вполне вероятно, что так и было, но у всех уже появлялись собственные повреждения и люди проявляли меньше сочувствия.

Неожиданно Адам вскакивал с низкого положения на коленях в более высокое, нарушая симметрию шеренги. Люди ворчали и говорили ему сесть. Японские ученики хихикали и Адам подводил группу. Неохотно он опускал свой вес и возвращался на колени, истинный мученик айкидо, его жертвенное похныкивание отдавалось эхом в большом и пустом зале.

Как Крис никогда не уставал повторять, боль - очень личная вещь, боль - субъективна. никогда не надо судить другого человека за его боль. Не только степень боли субъективна относительно конкретной травмы, но еще и разные люди имеют разную чувствительность к боли. Сложно заключить, что кто-то испытывает "реальный болевой предел", если он может терпеть мигрень без болеутоляющих, но кричит, как будто его убивают, когда порежет палец перочинным ножом.

Вопрос еще более запутывается воображением - в действительности, это основной источник чрезмерной реакции на боль. Причиняет страдание не сама боль, а что конкретно боль означает.

Одно дело быть способным вытерпеть боль. Совсем другой уровень - проявить стойкость по отношению к ущербу, который означает эта боль.

Люди принимают жесткие удары, ломают кости, серьезно режут себя, рвут связки, тянут мышцы в регби, борьбе, серфинге, скачках на лошадях и других видов спорта за редким исключением. И они получают эти травмы, мало жалуются и обычно возвращаются, чтобы продолжить занятия своим спортом.

На курсе сеншусей это было по-другому. Учителя подчеркивали, что боль будет присутствовать большую часть времени, в действительности, иностранные учителя (более подверженные мазохизму, чем японские) намекали, что обучение жизни с болью было большой составной частью курса сеншусей. Это создало атмосферу героизма со сжатыми зубами, которая имела мало отношения к хорошему айкидо.

Японские учителя были более прозаичны. Они не подавали внешних признаков боли или травм и не ожидали такого от нас. Но они не были категоричными. Западные преподаватели упрекали нас и ругались, японские просто игнорировали нас и тем не менее не давали нам отдыха. Западные учителя были типично нетерпеливы. Они хотели, чтобы у нас сразу все получалось. Они хотели, чтобы и крутыми мы тоже стали сразу.

Вероятно именно возможность выбора делает поврежденного игрока в регби вернуться на поле и смеяться над собственной травмой. Мы не имели такого выбора. Правилom курса было тренироваться в независимости от боли. Мы еще только должны были открыть для себя насколько сильными должны быть травмы, чтобы заслужить выходной.

И мы боялись травмироваться так сильно, потому что мы знали, что нам придется вернуться на следующий день, и на следующий день, и на следующий день в течение целого года. Либо так, либо надо бросать. Полумеры не существовало.

Так как по ночам я валялся бодрый, неспособный уснуть из-за хронических болей в локтях и коленях, моё сознание работало, пытаюсь найти способ исцеления. Я должен был ходить меньше и ездить на велике больше, так как езда на велосипеде, с ее низкой нагрузкой, простым упражнением для ног, оказалась лечебной. Я должен был попробовать изобретение Стампи - горячие полотенца на коленные суставы перед сном. Я должен был массировать суставы с разогревающей мазью. Моё сознание уносило меня в противоположном направлении от сознания Дзэн с его принятием происходящего. Это не было сознание Дзэн, это было сознание выживающего.

У других были свои собственные способы выстоять. Спустя одну неделю, Ник Армянин сказал Большому Нику, его партнеру, что когда движение получалось жестким глаза Большого Ника казалось интенсивно вылазили наружу. "Ты выглядишь как настоящий бешеный пес, право," провозгласил Пол, который бродил рядом с чайной комнатой, шпионя за нами, как я думал.

"Бешеный Пес," сказал Большой Ник. "Мне нравится это. Вы можете называть меня Бешеным Псом, если хотите."

Было некоторое затруднение. Было трудно называть прозвища, но никто не сказал ничего тогда. Мы все были весьма формальны в тот ранний период.

"Бешеный Пес больше похож на печального пса," сказал Бэн, когда мы шли на следующий урок. Я не сказал ничего. Я не чувствовал себя достаточно уверенным в своих действиях, чтобы начинать оскорблять других членов группы. Бэн не был злобным, он просто не был достаточно заботлив. Он был природной одиночкой, тогда как моя стратегия выживания была построена на использовании группы, а не на борьбе с ней. Это был план, так или иначе.

Уилл был другой одиночкой. Он начинал с Агой. "Какой говняный это парень," жаловался он мне. "Что за дерьмо он все время пытается продать? ... Забыть, что вы когда либо видели сколько-нибудь стоящие спортивные напитки?"

Главной проблемой Ага было то, что он хотел быть лидером. Он хотел этого столь сильно, что все уступали ему, позволяя ему стать негласным представителем. Его первой идеей было навязать Интернациональные куртки Сеншусэй. Он таскался с таблицами предпочитаемого цвета и надписи, и довольно скоро все были введены в заблуждение заплатить за дорогие черные летние куртки, покрытые яркими эмблемами.

"Мне не нравится Ага," сказал Рэм. "Я знаю его сущность еще с армии. Он эгоистичный." Я был удивлен этим, потому как Рэм редко ругал кого либо. Но Ага был любопытной смесью, потому что он искренне хотел, чтобы группа преуспела. Он был внимателен к своему партнеру, но все знали, что стучал на вас, если учителя расспрашивали его. Я словно вернулся на игровую площадку, судя людей по детски - кто болтает, кто раздражает и получает месть, а кому я могу довериться, будучи "лучшим другом".

Прошли две недели курса и было решено ужесточить условия побольше. Мы уже страдали от боли мышечной усталости, теперь наступило время страдать от острой боли физической атаки.

Удары и блоки в айкидо должны иметь силу, но их роль больше в том, чтобы отвлечь внимание и смягчить оппонента, чем закончить прием в боксерском стиле. Удары на японском называются атэми. Старший Шиода, который изучал свою технику уличного боя в недружелюбном предвоенном районе Шинджуку, заявил, что 70% самого боя состоит из атэми. Очевидно, что иметь слабое атэми в гражданском стиле не было хорошо, мы были сеншусэй, поэтому нам предстояла тяжелая тренировка атэми.

Даррену, застенчивому австралийцу, было поручено привести наши атэми в порядок. В отличие от Пола и Стефана Отто, других ассистирующих учителей, Даррен иногда признавал, что есть движения айкидо, которые у него не получаются. Я знал, что удары не входят в их число. Точнее говоря, удары были одной из специальностей Даррена. Дома в Австралии он часами практиковался, избивая предплечьем шины, дерева и даже сталь. "Теперь я считаю руку довольно сильной, - поговаривал он, - наверное могу сломать чужую руку с помощью нее." Он говорил бесстрастно о своем предплечье, так словно это был некое орудие или дубинка, тупой инструмент, не являющийся частью его существования и дыхания, легко портящаяся человеческая часть.

Повторные удары предплечьем по твердым объектам, как деревянный столб, или против другого предплечья, приводит к ее дальнейшему окостенению и умерщвлению нервов в руке. Одновременно вы должны открыть правильный способ удара расслабленной рукой.

Никто не говорил нам об этом, потому что занятие касалось не обучения правильным ударам; а относилось к осознанному нанесению себе боли. Не зная правильного способа, мы все били жесткими (как железный брус) руками и после первых нескольких ударов, пришла сильная неприятная тупая боль.

Практикующие карате уродуют себя постоянно ударяя по макиваре, или доску для битья. В кунг-фу руки погружают в горячий песок.

Огрубение и повреждение нервов происходит в обоих случаях.

Превращение собственной руки в безнервную дубинку из потрепанной плоти и костей казалось низкоуровневым подходом к боевым искусствам. Это простейший способ сместить разницу в уровнях, если у кого-то было мало веры в скорость и технику. Многие мастера тай-чи отказываются от этого по причине примитивности. Другие же считают, что перспектива хронического артрита в тридцатилетнем возрасте вряд ли стоит хлопот по наращиванию больших раздутых костяшек.

Удары предплечьем более сложные. Сильный удар ставит правильное ощущение для техники айкидо. Тренировка удара еще и хороший способ для наращивания сопротивляемости боли. То, что вы сможете ломать двери и обезглавливать доберманов одним ловким взмахом могучего предплечья, всего лишь второстепенно. По крайней мере такова теория.

Тессю, будучи традиционным воином, верил, что любые полученные удары являлись отличной возможностью для собственного развития. Ранним утром он попросил зашедших к нему в дом торговцев ударить его "в любую часть тела". В итоге торговцы пожаловались брату Тессю, что они сами травмировались, ударяя по твердому телу Тессю.

Мы выстроились лицом друг к другу. Черные глаза Рэма озорно блеснули и я не мог не ухмыльнуться в ответ. Мы замахнулись правыми руками за свои головы и сделали одновременно рубящий удар перед собой. Это был удар вперед шомен. Даррен вел счет: "ичи, ни, сан, ши, го," и странный полусдавленный звук, который он издавал, говоря року своим австралийским акцентом.

Мы сделали десять на правую сторону и десять на левую. Затем десять на правую и десять на левую. Каждый раз костлявое запястье Рэма ударялось о мое. К счастью казалось это причиняло ему не меньшую боль, чем мне. Я начал поиск других участков предплечья, которые были относительно целыми. Даррен положил этим поискам конец: "Это не удар локтем" и продемонстрировал снова, несколько раз хорошенько приложив Агу.

Рэм поморщился от боли и я ударил его полетче. "Нет! Сильнее!, - прошипел он. - Если мы сейчас будем сдерживаться, то позже будет значительно сложнее". Казалось, он говорил из собственного опыта, возможно в израильской армии дела шли именно таким образом.

Даррен наблюдал за происходящим с нездоровым интересом. Мои руки были ярко красного цвета от ударов. Я заметил зловеще раздувающийся изнутри моей левой руки синий пузырь размером с теннисный мяч. Я что разорвал вену? Я решил, что лучше больше не смотреть, и вместо этого стал тарашиться на лицо Рэма; слишком много внимания ушибленному телу слишком плохо сказывается на боевом духе.

Мы уже сделали двадцать ударов до смены партнера. Еще двадцать ударов и мы снова поменяли партнеров. Я обратил внимание на гул, ревуший звук ближе к началу строя. Ага демонически вопил как курсант, тренирующийся со штыком. Гам оказался заразной штукой. Гораздо проще убедить себя в отсутствии боли, когда кричишь. Это метод отвлечения от боли, предпочитаемый на Западе. Предпочитаемый на Востоке способ - отрешенность. Но это не было подходящим временем для Буддистского рефлексирования. Я начал тоже орать. Какого черта, подумал я, заодно выпущу немного пара.

Передо мной стоял Уилл, он выглядел непоколебимым, и мы прилично поколотили друг друга. Не оказалось даже времени чтобы проверить мои разрывающиеся вены, прежде чем Ага оказался передо мной. Казалось он полностью потерял контроль. Он даже не выдерживал счет Даррена. Его лицо было искажено, из глаз лились слезы.

Даррен подстегивал нас. Толстяк подстегивал нас. Мы подстегивали друг друга. Толстяк подстегивал нас еще больше своим любимым боевым кличем: "Живей сеншусей, копайте глубже!"

Я получал методичное постукивание от железных рук Маленького Ника, в котором я начал подозревать скрытого лесоруба. Я задумался о том, сколько еще могу продолжать раздачу "честно твердых" тумачков вместо косметических поглаживаний. Но меня спасли от этой дилеммы. Даррен скомандовал остановиться.

По какой-то причине все стали тут же ухмыляться друг другу. Огромные оскалы выражали полную глупость, пока мы стояли, растирая больные руки. Единственными людьми, которые не ухмылялись, были Маленький Ник и Ага, который все еще всхлипывал. Позднее я привык к этим коллективным проявлениям эмоций, но в тот момент это было все еще странным. Я думал мы ухмылялись, чтобы показать друг другу, что агрессия не была "нашей составляющей". По сути мы были как школьники, ставшими лучшими друзьями после потасовки.

После шока, вызванного тренировкой ударов предплечьем, Дэнни предложил, в его простой непосредственной, но как-то чокнутой манере, что будет более "духовным" если ответственный группы (менявшийся каждую неделю) станет говорить "отагай ни рей" (общий поклон) и в момент поклона мы все будем кричать "оос!" низкими голосами, кланяться и шлепать по полу перед собой. Неожиданно все согласилось. Я тоже, но не из-за духовных мотивов. Это давало концу занятия некий кульминационный момент, сближающий всех нас вместе. Мы все шлепали по полу в унисоне как прихожане на духовных собраниях в южной глубинке. Это была восточная вещь, доработка пассивной японской вежливости в форму объятия команды регби. И степень "единодушия" группового шлепка по полу была показателем того, насколько группа была "собрана с духом".

Говорить "оос" по каждому возможному поводу считается нормой в большинстве японских боевых искусств. Игнорировать "оос" это высокомерие, проявляемое в плохих манерах. "Оос" сеншусэй должен был быть громким и в полную силу. Частая критика Адама заключалась в том, что его "оос" был неубедителен. Он учился японскому у своей жены и определенный женский стиль произношения откладывал отпечаток на всем его общении на этом языке. Ученики в додзё передразнивали его речь, рассматривая ее как уморительную шутку, но учителя были строже. Они заставляли Адама говорить "оос" без конца, но в результате Адам все равно скрипел так, как если бы кто-то щипал его со спины.

После коллективного поклона и коллективного "оос" мы все бежали - нагрузка сеншусэй всегда была в два раза больше - взять метлы для уборки пола в додзё, который подметали после каждого занятия. Когда мы разбирали метлы, люди показывали друг другу невероятные синяки на руках. Руки Бэна были уже черными, с тошнотворно желтой каймой. Я не хотел смотреть на синий пузырь, но я рискнул бросить быстрый взгляд и немного успокоился.

Ага снова обрел уверенность; он бесстыдно восстановил свое лидерство в группе. Словно он и не плакал вообще. "Да, я не знаю, что случилось, я будто потерял тогда контроль над своими глазами."

Мое тело менялось. Я менялся. Физический панцирь, окружавший меня рос, твердел, становился более определенным за месяц. Остатки линии талии растаяли, сухожилия начали выдаваться впервые за годы, мышцы начали раздуваться. Краткая остановка перед зеркалом во время переодевания в раздевалке: хорошо, очень хорошо, тело такое, каким должно быть, скорее *Homo-activius*, чем сидящий на диване брат <>*Homo-sedentarius*<>. Я был старался не быть пойманным перед зеркалом, хотя знал, что все занимались тем же, разглядывая себя с сомнительным рвением, обожая собственное новое отражение, пластинки мышц соединяющие между собой суставы.

И я развил в себе любовь к боли. Определенный вид боли, боль, которая практически была удовольствием. "Не удовольствие от бренди и сигар, - как говорил об этом Мастард, - но удовольствие безразличия." Эта боль была болью, которая приходит от втыкания плеча в татами в конце техники айкидо. Твой партнер держит твою руку и заворачивает ее тебе за спину, все глубже вдавливая твоё лицо в мат. Удовольствие приходит от осознания, что ничего не было сломано, что ты смог вынести боль, что плечо растянулось в рамках нормы и было выпущено на свободу, как только ты хлопнул по мату. Только учителя игнорировали шлепок по мату, такие жесткачи как Чино, который любил ломать конечности, но партнеры никогда; один быстрый удар был достаточен для освобождения из самых страшных плечевых контролей. Я учился. Я становился ценителем боли.

Когда один из старых командиров Тессю услышал, что Тессю опрометчиво решил создать собственную школу, он пришел в гнев. Он ворвался в дом Тессю и избил его по голове кулаками. Тессю не дернулся и даже не попытался отойти в сторону. В результате человек устал бить Тессю и ушел в раздражении. Когда Тессю спросили, почему он не оказал сопротивления, он объяснил: "Важно сделать наши тела твердыми и тогда подобный инцидент станет просто еще одной формой тренировки. Это было состязание воли, между болью моей головы и болью его рук. Поскольку сдался именно он, я выиграл".

5. Полицейская Академия

"Одежда воина должна быть сделана из барсучьей шкуры. Тогда в ней не заведутся вши. Во время длительных походов вши причиняют много хлопот."

Хагакурэ

Было ошибкой забыть велосипедный фонарь, но еще большей ошибкой было позволить Толстому Фрэнку ехать сзади на багажнике. Его стокилограммовая туша, взгромоздившаяся на хрупкий багажник, сплющила заднюю шину моего велика до плоского состояния. Поскольку велосипед катился вперед, она издавала шум словно жевательная резинка, отклеиваемая от чего-то. Мы ехали обратным домом в Фуджи Хайтс из видео-магазина. Это была моя первая поездка за долгое время.

Перед железнодорожным переездом был маленький холм и неустанный сигнальный звон, оповещал о том, что здесь только что прошел поезд. Барьерное ограждение было все еще поднято и поэтому я встал на педалях, чтобы получить немного дополнительной мощности. Ускоряясь вниз с холма, я совершенно рассчитал свой маневр между опускающимися ограждениями. Потом я увидел полицейского. Ближайший полицейский пункт был за углом. Обычно полицейские никогда не отходили от своего опорного пункта дальше, чем на пять метров. Что он делал здесь, с обратной стороны, я не знал. Он двинулся властно в нашу сторону и вытянул руку. Он крикнул нам, скомандовав нам остановиться, что я почти и сделал, по привычке от тренировок в додзё, но в конце концов я осознал, что поездка без фонаря была преступлением, но и это было отнюдь не главным. Я вспомнил, что Фрэнк сидел сзади. Строго говоря, он был незаконным иммигрантом, и если бы его поймали, то отправили бы обратно прямоком в Иран. Я снова встал на педалях, норовисто отклоняясь и удаляясь вниз, к другой стороне переулка. "Он нас преследует!" закричал Фрэнк мне в ухо. Неуклюже двигаясь по небольшому уклону, я мог слышать шаги и голос позади нас. "Сухое русло реки!" завопил Фрэнк. Мы перевалились через бордюр и дальше нырнули в дыру в ограждении, защищающем при циклоне. Скользя вниз по бетонной изогнутой стене, мы покатались по вымощенному руслу реки, которая была не более чем тонкой стружкой. На этом гладком покато-склоне мы быстро набрали скорость, мчась под маленькими мостами в почти полной темноте. Мы ехали и ехали, пока наконец я полностью не выдохся. Мы проскользили под темный мост. Не было никакого звука погони. После мы вернулись в Фуджи Хайтс пешком по самым темным переулкам и глухим улицам. Только когда хлипкая входная дверь была заперта позади нас, я наконец смог расслабиться, зная, что мы сбежали от длинной руки закона.

Ага заглянул в чайную комнату. "Полицейские приехали, - сказал он. - И они выглядят как натуральные слабаки".

Все выскочили наружу поглядеть. Я поставил банку горячего кофе в свой ящик, чтобы никто ее не умыкнул или не опрокинул, и последовал за остальными.

Мы посмотрели в додзё, где гражданские полицейские неловко разогревались. Некоторые из них были одеты в новенькие желтоватые доги, указывающие на их статус новичков. Другие были одеты в доги для дзюдо или каратэ. Доги для карате тоньше, чем предназначенные для айкидо; а у доги для дзюдо на спине проходит шов. Их обмундирование давало некоторое представление о их опыте в боевых искусствах. Все они должны были обладать по крайней мере черными поясами первого уровня в двух искусствах, или черным поясом третьего уровня в одном искусстве. Без традиционного обмундирования, их пластмассовых "самурайских" шлемов, которые были созданы по образу старомодных шлемов, их жутких зубчатых дубинок и автоматических пистолетов, они все еще выглядели крепкими и жилистыми. Они постоянно шутили друг с другом, и когда мы представились, тепло нам ответили. Они хотели с нами дружить и это было заметно.

Наставник Мастарда, великий Такэно, говорил, что разглядывать кого-то, думая "могу я его завалить?" - это первый и наиболее слабый подход к бою, который может выбрать мужчина. Вторая стадия - это когда ты задаешься вопросом "а что если он ударит рукой? а что если он ударит рукой? что я буду делать тогда?" Последняя стадия очень сильная психологическая позиция - это когда ты говоришь с улыбкой на лице "иди сюда, попробуй самый сильный и лучший удар". Как говорит владелец японского магазина "ирасшаймасе! ирасшаймасе! добро пожаловать! добро пожаловать! заходите!"

Было очевидно, что мы все застряли на первой стадии, поскольку мы болтали и сплетничали только об одном: насколько крутыми считали нас гражданские полицейские? Когда мы встретимся на матах, чья возьмет?

Было здорово найти новую тему для разговора в чайной комнате, когда общение в течение нескольких последних дней вращалось вокруг исчезновения Крейга. Поддача Крейгом заявления на культурную визу не прошла гладко и ему было приказано вернуться домой в Австралию, чтобы дождаться своей новой визы там. Это означало пропуск большого количества тренировок, возможно до месяца. Если бы он задержался дольше, чем на месяц, я очень сомневаюсь, что он смог бы вернуться на курс.

У Бена тоже возникли проблемы. В раменевом магазине, пользовавшемся успехом в основном у израильского контингента, он показал Рэму и мне свои руки, которые все еще были покрыты огромными черными синяками от запястий до локтей.

- Я не думаю, что могу достаточно долго вынести Дэнни, сказал он, когда я заказывал в очередной раз им безалкогольные напитки и пиво себе. - Он колотит меня настолько сильно, насколько может.

- Колотит? - спросил Рэм.

Бен повернулся к нему с неистовством. "Бьет меня, ударами шомен, бум-бум-бум!"

- Тоже ударь его, - озорно сказал Рэм.

- Я не могу. Слишком больно. В любом случае, я и не хочу.

- Учти, здесь либо бей, либо будь побитым, - сказал я.

- Это неправильно. Мы же только начали. Он был в армии. И он немного чокнутый... - Большой Бен неубедительно замолчал.

- Он должен хотя бы немного облегчить напор на эти руки, - согласился я, - Нет смысла добавлять ухудшать их состояние, пока они хотя бы немного не пришли в себя. Немного.

- Дэнни простой парень, - сказал Рэм, - Он знает только собственный способ.

- Он может и "простой", - сказал Бен, - но еще и редкостная сволочь.

Это была ошибка, но я решил поговорить с Дэнни. Мы сидели в чайной комнате на следующий день после тренировки.

- Кофе? - спросил я.

- Нет, спасибо, - сказал Дэнни, Он посмотрел на меня своим широко открытым лицом, его выступающие зубы создавали впечатление постоянной ухмылки. Я однажды спросил Крису, что он думал по поводу Дэнни. Он помолчал и ответил: "Слишком много зубов".

Дэнни был прямолинейным, поэтому было легко быть прямолинейным в ответ.

- Как насчет немного полегче с Беном? - спросил я.

- Ему это на пользу, - сказал Дэнни решительно.

- Он всего лишь мальчишка, - сказала я, раздражаясь от собственного жалобного тона, - Он никогда не занимался ничем подобным. Силу нужно увеличивать постепенно.

- Он должен учиться.

- Послушай, ты был в армии. Ты занимался боевыми искусствами и раньше...

- Вы все говорите так, как будто он совсем маленький ребенок, - Дэнни разозлился, - Он не ребенок, он хренов гигант о семи футах роста ... и вы все, "его друзья", не так все поняли. Он подписался на этот курс.

- Но даже если и так...

- Если и так что? Чем жестче я, тем лучше для него.

- И для тебя?

- И для меня, - повисла тяжелая тишина, - Хрень какая. - Он поднялся и рванул из чайной комнаты. По крайней мере я попробовал, подумалось мне.

Но Бен все же не сдавался. Теперь, когда прибыла полиция, у нас появлялась возможность тренироваться с ними, уменьшая стресс от тренировки с одним и тем же человеком день за днем.

Из поступивших на курс новичков я уже знал Сато, Сакума и Хала, троих гражданских японских сенсусей. И Сато и Хал были опытны в айкидо, особенно Сато, который был нидан (черным поясом второй степени).

Сато было двадцать пять и он носил пальто в стиле 50-ых и фетровую шляпу на бритой голове. Было похоже, что он собрался прогуляться в этом костюме по съемочной площадке где снимали боевые искусства периода девятнадцатого века в Маньчжурии! Он так же обучался акупунктуре и знал так же массаж шиацу и их объединенное применение. Когда сенсусей травмировались, они всегда обращались к Сато за помощью.

Хал был студентом юридического факультета Университета Васэда, где все его занятия были сокращены, чтобы он мог изучать айкидо. Васэда был ведущим частным университетом, более социальным, чем Тодай - общественный университет номер один, но все же туда было весьма сложно поступить. Его друзья называли его имя во время лекций, чтобы ему отмечали посещаемость. Ночью он переписывал лекции у них.

Он был развязан и шаловлив, он приехал из Осака, что в Японии действует словно лицензия, чтобы действовать как дурак, так как в Японии большинство комиков выходцы из Осака. Это немного похоже на то, как кто-то приезжает из Ливерпуля в Великобританию. "Он держит себя как мальчик проститутки," сказал Толстый Фрэнк. И он, и Сато делали все необходимое, чтобы стать учи-деши и сделать карьеру в айкидо.

Третий штатский японец, Сакума, не был полицейским и, тем не менее, было невообразимым, что он планировал сделать карьеру в айкидо. Сакума был жирный, у него был не только избыточный вес, но он был жирным. У него было большое тело и большая голова и он был высок, возможно пять футов и десять-одиннадцать дюймов (около 180 см). Он пришел в айкидо за четыре месяца до начала курса. Он попросился поступить на курс сенсусэй и учителя, которые хихикали за его спиной, а иногда и открыто ему в лицо, согласились позволить ему попробовать. Он не был полицейским и не был учи-деши, но они позволили ему поступить на полицейский курс, потому что полагали, что он вылетит очень быстро.

В Японии люди не любят исключать вас открыто. Если вы не нужны, то они сделают вашу жизнь настолько трудной, что не оставят вам выбора. Присутствие Сакума давало более садистским учителям и учи-деши шанс показать, как избавиться от нежелательного ученика.

Сакума очаровал меня. Он был ребенком, восемнадцати лет, у которого была мечта – стать сильным и жестким, тренируясь с полицией. Его препятствия были значительны, и социальные, и физические. Несмотря на то, что он был большим ребенком, вы могли видеть как его игнорировали и измывались над ним в додзё, вероятно потому, что он был общеизвестным толстым ребенком в классе. Он, казалось, не возражал против бесконечных шуток, которые отпускали в его адрес позже, или игнорировал их полностью, потому что он был в самом начале курса сеншусэй.

По началу казалось, что не было ни одного японца, кому бы нравился Сакума. Однако, возможно именно потому иностранные сеншусэй приняли его немедленно. С самого начала он имел неприятность, чтобы держаться наравне с полицейскими, которые в свою очередь имели неприятность держаться наравне с остальными иностранцами. У нас был четырехнедельное преимущество при старте и им требовалось два с половиной месяца, чтобы догнать нас.

Сакума был своего рода талисманом для иностранцев. После тяжелого урока люди хлопали его по потной спине, поздравляя его с прохождением занятия.

Верный их политике, искоренять слабых с самого начала, японский преподавательский состав был особенно жесток к Сакума. Учи-деши пинали или хлестали его, когда он не мог двигаться достаточно быстро.

Позже я наблюдал Фуджитоми, подобного карлику учи-деши, который выглядел полусонным большую часть времени (у него были проблемы с циркуляцией крови и он всегда замерзал, словно ящерица без солнца), стоящим над Сакума и его партнером в течении целого урока. Каждый раз, после окончания техники, когда Сакума вставал, чтобы стать на свое место, он получал пинок в задницу, который опрокидывал его на пол вновь. Это заставляло его опаздывать при старте в технике снова и подвергало его большему злоупотреблению от лица учителя, который, конечно, игнорировал способ, которым Фуджитоми подстерегал жирного ребенка. Удар ногой в задницу случался каждый раз, когда Сакума делал технику. Это продолжалось в течении целых полутора часов занятия. Сакума не сдавался. И при этом он не рассердился. Он просто продолжал вставать.

На него орали чаще, чем он того заслуживал, и был как отрицательный пример ошибок, которые совершал каждый. Ни разу я не слышал, чтобы он жаловался. Я никогда не видел, чтобы он лил слезы, хотя с количеством его пота на первом месяце курса, трудно было сказать это.

Японцы, которые вступают в Кидотай, изучают традиционные боевые искусства в течении полного рабочего дня на протяжении года. Те, кто выбирает айкидо, поступают в додзё Ёшинкан, которое посещали мы. Они оставляют большинство прав относительно собственных жизней. Только серьезная травма может дать право получить отдых от обучения, но слишком длительный перерыв приводит к провалу попытки завершить курс и, следовательно, упущению перспективы их роста. Одного полицейского, который перенес умеренный сердечный приступ во время обучения, отправили обратно из додзё с краткой записью "слабый" в его таблице успеваемости. Такие люди работают за письменными столами для Кидотай.

Суть прошения к додзё от более высоких эшелонов полиции было ужесточить полицию. Годовое обучение было разработано, чтобы стать своего рода учебным лагерем. Полиция поощряла додзё обходиться с их молодыми офицерами ужасно. Их отношение скорее походило на родителя, посылающего своего ребенка в подготовительную школу без центрального отопления: заставьте ребенка пострадать и, если он звонит домой рыдая и просит забрать его оттуда, вы знаете, что наконец он учится тому, что есть жизнь на самом деле. Полиция не была обеспокоенным родителем, которое станет жаловаться по поводу плохого обращения с их потомством.

Ходило много историй о студентах полицейских, травмированных японскими учителями. Чино сэнсэй, "деревенский парень", имел наихудший рекорд по переломам в додзё. С его приземистым телом, выдающейся вперед челюстью и плохими зубами, Чино, в свои тридцать один год был учителем, которого серьезно боялись. Он сломал локоть одному сеншусэй полицейскому и тот травмированный был освобожден от активного обучения в течении шести недель, чтобы оправиться. После, на первом же занятии того полицейского, Чино сломал ему тот же самый локоть снова.

Каждому было сказано, что они должны измениться к мероприятию под названием "Добро пожаловать на вечеринку Гражданской Полиции". Помощники учителей были взволнованы итогом этого дела. Я спросил Пола, каким образом он "изменился", когда был сеншусэй два года назад. "Я разорвал презерватив и нацепил его на голову," сказал он усмехаясь

...

...

В своей "поэме" я высветил всех жителей Запада, кроме себя самого, в череде грубых лимериков. Когда я закончил Чида, удивив меня тем, что он проследил за всем этим, сказал: "Что касается вас? Почему вы пожалели себя?"

Сакума выступал последним. Была заметна его чрезвычайная застенчивость в его движениях, он наклонился, чтобы принять от последнего человека за столом зажигалку и сигаретную пачку. Он взгромоздился на перевернутую корзину, на которой все выступали, видя всех собравшихся. Было много шума, его высмеивали и приветствовали, но одно от другого не было различимо. Сакума выглядел жалобно, но не безнадежно. Он повертел в руках сигаретную пачку и оторвал от нее крышку. Потом, весьма удивив всех, он поджег ее и держал пылающий картон указательным и большим пальцами. Повисла внезапная тишина, так как толпа была прикована взглядами к огню.

Не ожидая пока огонь погаснет он закинул пылающую массу себе рот, где и оставил ее. Он не выдыхал дыма ни изо рта, ни из носа. Он лишь стоял на корзине, выглядя робким, с мягким шипением от огня, погашенного его влажным ртом.

До тех пор я был убежден, что Сакума первым бросит курс. Но без должного умения и сноровки человек съел огонь. Только, чтобы быть принятым, он сжег весь свой рот. И его унылое упрямство заставило меня пересмотреть свое отношение к нему – Сакума был сделан из более жесткого теста, чем каждый мог вообразить.

После вечеринки Пол устроил вечеринку номер два. В Японии обычно есть череда вечеринок в один вечер, постоянная смена местоположения, служащая для того, чтобы уменьшить численность до устойчивого ядра.

Мы пошли в бар рядом с додзё. Бэн и Дэнни временно подписали перемирие по чрезвычайно трудным ударам предплечьями, которые они давали друг другу, так как Дэнни предвидел, что Бэн стал более сильным теперь и мог ответить ему столь же сильным ударом, как и он.

Каждый был пьяным бушуй, больше импровизируя комичную схватку, проходя мимо двух полицейских, в то время как наша вечеринка возвращалась в додзё. В действительности, мы добрались все немного взволнованные и Чида, появившись, скомандовал лишь одно слово. Повисла немедленная тишина в додзё, каждый был потрясен услышанным, такой короткой взрывной командой полностью властного голоса от такой кажущейся великодушной личности. Шум прекратился. Тогда он улыбнулся и сказал нам, что он не сердится. Но он добился цели и мы быстро покинули здание.

В баре Оямада сэнсэй говорил на его необычно акцентном, но компетентном английском. Он делал замки и захваты на Хале, который вопил от боли, но словно любезно соучаствуя позволял делать это вновь. Он так же применял те же самые болевые замки к Сато, выражение лица которого никогда не менялось, хотя его руку крутили с болезненным захватом.

Несколько пивных бокалов были разбиты. Хал прошептал что-то на ухо Оямада. Оямада сэнсэй затем повернулся к Полу и спросил с большой серьезностью: "Пол, вам нравится кунилингус?"

"Да, это правда ... а как насчет вас?" Пол был всегда немного жесток даже в своем лучшем поведении при японских учителях.

"Да, мне нравится это," сказал Оямада, смахнув блестящий пот на лобной залысиной его головы. Потом он повернулся к Халу и мучал того еще некоторое время.

Хал полностью соответствовал своей репутации. Он сказал нам, что Сато был "Девственником в течении двух лет!" Сато сказал, "Мой партнер сумасшедший!" и постучал Хала игриво по голове костяшками пальцев. Хал визжал, когда Оямада ударил его кулаком несколько раз с хорошим расчетом. Потом он машинально скрутил соски Хала через рубашку. Хал услужливо извивался и вопил о помощи. "Вы девственник тоже?" спросил Хал Пола.

"Нет, но я держу пари, что ты да," ответил Пол.

Оямада ожил на мгновение от полуоцепенения, в которое он погрузился. "Вы любите кунилингус, Пол?" спросил он снова.

"Все в порядке," ответил Пол, обороняясь.

Оямада усмехнулся мягко и затем его голова наклонилась вперед. Хал имитировал рубящий удар сзади ему по шее, пока он не видел.

Потом мы рассчитались по счету. Так как Оямада собрался уходить, мы все поклонились ему с уважением. Когда он повернулся к нам спиной, Хал имитировал пинок ему в зад. После он выполнил череду грубых жестов руками, когда садистский учитель уехал.

"Он травмировал тебя?" спросил я.

Хал распахнул сою рубашку в ответ. Его соски были в болезненных кровоподтеках.

"Он ублюдок," сказал Хал. "Он всегда травмирует вас."

На вечеринке номер три, в лапшичной лавке, я разговаривал с Сато. Он сказал мне, что я был испуган применением силы. "Есть два типа иностранцев," сказал он. "Один пугается силы, тогда как другому она весьма нравится. В Японии это более сложно."

Здесь у нас есть форма. Изучая форму мы можем забыть силу, пока не готовы использовать ее. Но вы не должны пугаться."

Полицейское прозвище Сато было "Дед" из-за его манеры говорить в старой манере. Однажды я увидел, что он носил футболку с надписью "узаконьте марихуану". Его сестра привезла ее из Калифорнии. Я спросил его, знает ли он, что это означает. "Ах, да," сказал он. "Но я не интересуюсь такими вещами."

Я спросил его, почему он никогда не позволяет отразиться боли на своем лице.

"Если я показываю боль, я начинаю чувствовать иную боль, своего рода боль, которая говорит мне, что пора остановиться. Но если я держу свое лицо чистым, боль не настолько плоха. Мы называем это "лицом Каннон", лицом как у Будды."

Когда мы тренировались с полицейскими, японские учителя предпочитали ставить иностранных сеншусэй в пары с японскими. Если вы были не достаточно быстры, то вы заканчивали с Сакума, потому как никто не хотел тренироваться с ним. Это было не потому, что он был особенно плох как партнер, хотя в начале он был заметно хуже чем кто либо еще, это лишь означало, что вы вынуждены будете быть его партнером во всех оскорблениях от лица учи-деши.

Большую часть времени я тренировался с Шерлоком. Ему нравилось тренироваться сомной потому, что в отличие от Маленького Ника и Бешеного Пса, я делал техники настолько жестко, насколько их делал он. Шерлок не хотел получить травму и я тоже. Когда бы ни подошел к нам учитель, мы оба начинали немного ужесточаться, а потом снова ослабляли напор. Шерлок мог принять наказание, когда это было нужно, в отличие от Хромого, который всегда получал травму. Мы знали имена всех полицейских, но по какой-то причине клички, появляясь, сразу же приставали.

Хромой носил повязки на обоих запястьях. Он выглядел самым слабым из полицейских - он был похож на студента колледжа. Его настоящим именем было Ямагучи, но все звали его Хромым или братом Эльфа.

Эльф, Фуджи-сан, обладал головой странной вытянутой формы и большими ушами. Он был нервным и искренним. Он часто оказывался в паре с Хромым. Вместе они были близницами-эльфами. Эльфы, но все же полицейские, и хотя их лица часто искажались болью, они никогда не сдавались.

Поскольку их места были рядом с моим, я часто оканчивал тренировки с близнецами-эльфами, когда не тренировался с Шерлоком. Они были хороши в тренировке, потому как не были одержимы силой и мощностью. Они лишь хотели понять форму правильно.

Другие сеншусэй пренебрегали близнецами-эльфами. К этому времени почтительные замечания исчезли из бесед о "Гражданской Полиции". Скоро они стали просто "копами".

Я не знаю, чего я ожидал до курса - шести-футовых крепышей в шрамах и выпуклых мышцах? Беспощадных копов, которые слишком много времени провели с людьми по другую сторону закона? Серьезных крепких парней вроде Пола? Эта группа была достаточно дисциплинирована и, как группа, они впечатляли гораздо больше, чем мы. Но один на один они весили меньше и проявляли больше иронии и меньше преданного безумия.

Физическая хрупкость Эльфа и Хромого считалась их ошибкой. Мы молча побуждались к "избиению полицейских сегодня". Но даже гражданские полицейские не железные и из-за слабых запястий Хромого сострадание требовало беречь его.

Маленький Ник с этим был не согласен. Когда бы у него не появился шанс, он давал Хромому приличную взбучку. Некоторые учителя тоже принимали в этом участие. Во время одного занятия Хромому пришлось делать техники только на одну сторону, потому что не только его запястье, но и локоть оказались повреждены. Мы выполняли технику хиджишимае, болевой прием на локоть, единственную технику в айкидо, где болевой прием выполняется в противоположном сгибу сустава направлении. В этой технике локоть растягивают и надавливают на тыльную сторону руки. Если не выполнить уход из этого положения достаточно быстро, то локоть может быть сломан или сильно потянут.

Чино вел занятие, расхаживая по залу и время от времени выполняя свой убийственный болевой прием на людях. Я тренировался рядом с Маленьким Ником и Хромым, когда услышал явственный треск здорового локтя Хромого. Он остановился и затряс рукой от боли. Чино видел все, он ухмыльнулся редкой улыбкой в сторону Маленького Ника и показал ему два больших пальца вверх. Локоть не был сломан, но около недели оставался на перевязи. Именно это Чино и хотел видеть.

Никто не критиковал Чино за такое отношение. Было очевидно, что все учителя проходили через "жесткую" фазу и такое отношение к полицейским считалось справедливым всеми, включая "заказчиков".

Даже Андо милосердный ранее был известен как "маленький чертенок" (по-японски это звучит значительно лучше), не щадил никого в своем агрессивном стиле ведения тренировок. После того как он женился, Андо стал милосердным и его тренировки превратились в реальное облегчение. При его самом маленьком росте и лучшей скорости среди учителей, его свободный стиль айкидо походил на работу Канчо. Андо любил шутки;

когда Чино был учеником и подвозил его на багажнике велосипеда, Андо закрыл ему глаза ладонями и они слетели с крутого холма. Из всех учителей только у Андо лицо выражало доброту.

Поскольку полицейские подвергались постоянному преследованию они хорошо присматривали друг за другом. Возможно преследование было намеренно создано, чтобы собрать воедино дух команды, но у "профессиональных" айкидок жалость полицейских друг к другу вызывала лишь усмешку.

Было очевидно, что иностранцы были более одержимы тренировками, чем японские сеншусей. Атмосфера одержимости была воспитана учителями. Она передавалась примером и поощрением севанин-ассистентов, Майком "Шипом" Кимедой и широко-костным "Толстяком" Стумпелом.

В Японии одержимое поведение считается нормальным. Но это неброская, скромная одержимость. Это отнюдь не западная горячность. В то время как японцы умели быть жесткими и дружелюбными одновременно, у иностранцев этого не получалось. Дружелюбность означала отсутствие серьезности отношения.

Иностранные сеншусей были более сбиты с толку, чем полицейские. По крайней мере полицейские знали значение будо. Буквально будо означает "путь войны", но так же имеет и коннотации за пределами этого значения. Оно включает в себя способ жизни основанный на жертве, чести и боли. Полицейские знали о будо и отказались от него. Даже Канчо сказал: "Современное айкидо больше является физическим упражнением, чем будо". Но иностранцы жаждали традиционного пути, боли и чести. Они хотели будо *bona fide* и не меньше.

Толстый Фрэнк и я решили отправиться на остров Эношима. Надо было добираться несколько часов поездом и пересечь пешком плотину по пути к острову, что напомнило мне посещение в детстве монастыря Святого Михаила во Франции. Мы поднялись, проходя мимо многих святынь, на высшую точку возвышенности острова и выпили пиво, обозревая сверху волны, разбивающиеся о скалы под нами. "Как ты думаешь, где ближайшая земля здесь?" спросил Фрэнк.

"Я думаю Япония, ведь мы находимся на изгибе бухты."

"Не верно, ближайшая земля отсюда - Америка, Калифорния." Он объявил Калифорнию с томным смакованием, будто подчеркивая ее статус земли обетованной.

Нас позвали одни друзья, которые жили на пляже Чигасаки рядом с Эношима. Они были нашими японскими друзьями, брат с сестрой, и их отец жил с ними. Он был замкнутым, когда вы приезжали, японским мачо - беспробудным пьяницей, дебоширом, постоянно командовал. Возвращаясь назад из суши бара, Фрэнк шел впереди на несколько шагов, и не был как обычно наблюдательным. Возможно это было из-за сакэ, которое мы выпили, он не заметил полицейского, пока его не потянули в сторону за рукав. Немедленно отец залился смачным смехом. "Что вы делаете?" спросил он требовательно у копа. "Этот человек окончил Кембриджский университет! Кембриджский университет, вы слышите?" Полицейский подхалимисто улыбнулся и пожелал нам хорошего вечера. После, когда мы отошли, Фрэнк прошептал отцу: "Я никогда не был в Кембридже."

"Не был?" спросил отец, широко раскрыв глаза в ложном удивлении, и затем он начал смеяться, сильно и громко, без остановки, он смеялся все время, пока мы шли домой.

6. Дзэн и Искусство быть очень-очень злым

"Конфуций стал мудрецом потому, что стремился к учению с пятнадцатилетнего возраста, а не потому, что учился на старости лет". Это напоминает буддистское изречение: "Есть намерение, будет и прозрение".

Хагакурэ

В те дни Толстый Фрэнк ходил довольно далеко от дома, следуя своими собственными маршрутами возле лучших свалок мусора в городе, плетясь на рассвете по зажиточным кварталам в кожаной куртке с порванной подкладкой, которая стала одним большим карманом, куда удобно было прятать находки. Однажды он вернулся с полным собранием трудов Мисима, перевязанных нитью, внешние страницы были сырыми и сморщенными от ранней утренней росы. В другой раз он нашел машину пачинко, которую необходимо было только включить, чтобы она заработала; книги остались у нас, но машина была слишком большой, чтобы перетащить ее. Неизменной оставалась его коллекция зажигалок, которая

перевалила уже за сотню, главным образом это были некие пластмассовые гротески, которые одобрил Крис, они были красно-коричневыми и все в шишечках, словно причудливый секс-аксессуар. Ни одна из металлических зажигалок не была золотой, хотя у него действительно были несколько зажигалок с гравировками Zippo, но отнюдь ничего стоящего, я отчаялся, что он когда-нибудь найдет что-нибудь по настоящему ценное. Каждые несколько месяцев мы слышали новые истории про домохозяек, которые находили целое состояние, сотни тысяч йен, в манильских конвертах, оставленных на крышках мусорных баков, предназначенных для некоторых чиновников, в непрерывной череде взяточничества, что было неотъемлемой частью общественной жизни Японии. Возможно, Фрэнку когда-нибудь все таки должно было повезти и он решил бы все наши финансовые проблемы.

Крис нашел для себя новую нишу как для "характерной" модели. Он ответил на объявление в Токио Журнал и посетил модельное агентство, которое нуждалось только в "западных характерных моделях", то есть причудливо странных и с отличительным взглядом. При собеседовании молодым людям с прекрасными фигурами и внешностью кинозвезд было отказано, потому, как они являлись "слишком обычными", но они приняли Криса с распростертыми объятьями. С его бородой, круглыми очками и лысой головой Крис был прекрасным выбором для роли доктора в рекламе витаминов или инженера автомобильной промышленности. Тогда он получил прибыльную работу - роль Иезуитского миссионера в японском документальном драматическом сериале. В одной из сцен все его новообращенные были измучены местным военным начальником самураем. Режиссер сказал тогда Крису действовать "соответствующе потрясенно" в то время когда он узнает об этой новости.

Фрэнк избрал собственный путь совершенствования в боевых искусствах. Он обратился к источникам и проштудировал автобиографию Канчо в поисках полезных советов. Канчо утверждал, что одно из его главных озарений пришло к нему в момент наблюдения за тем, как золотые рыбки плыли, когда на встречу им шла стая других рыб. Золотые рыбки никогда не отступали, вместо этого они полагались на свои способности двигаться из стороны в сторону, при этом постоянно сохраняя инерцию вперед. Именно поэтому в айкидо нет шагов назад. Он также высказал свое мнение, что золотые рыбки начинают каждое движение с поворота своей головы, обозначая направление следующего движения. "Если вам нужна скорость и баланс, используйте вашу голову для начала поворота", - говорил Канчо.

Он также тренировался с большими собаками. Собаки были обучены атаковать его, в то время как он быстро уходил от их нападений, уворачиваясь от направленной атаки и шлепая их - насколько сильно история не зафиксировала. (Надеюсь, что не очень. Одно дело избить человека в погоне за конечное боевое превосходство, но немного стыдно еще и избивать собак.)

Фрэнк поговаривал о том, чтобы завести собаку. Несмело, без особой убежденности. Он знал, что вступила на зыбкую почву. "Даже маленькая собака - вне обсуждения", сказал Крис. Он был прав. Где жила бы эта собака? Под раковиной, с тараканами?

Тогда он сделал продолговатый аквариум с небольшой трещиной, залепленной черной изоляцией. "А как насчет рыбы, ребята?" Пришло время применить киндзё но митори гейко (наблюдение за золотыми рыбками) на практике.

Присутствовала некоторая неуклюжая дружественная добродушность к Толстому Фрэнку. Я никогда не видел его сердитым, хотя Крис предупреждал меня, что когда это случалось это выглядело ужасным, приводя как пример "сражение на бензоколонке", Где Толстый Фрэнк в одиночку защищал своих родственников от грубых и раздраженных дорожных рабочих на иранской бензозаправочной станции. Вооруженные железными прутьями и лопатами дорожные рабочие оцепенели в ошеломлении, когда Толстый Фрэнк оторвал чью-то руку. "Оторвал?" спросил я Криса, который был в Иране в то же время, но не присутствовал фактически при драке. "Точно так," сказал он. "Она была настолько выдрана, что плечо было в другой подмышке." Фрэнк был более скромнее, рассказывая о своей злости, описывая драку в общих фразах, без подробностей насилия: "Когда этот парень размахивал своим прутом, я знал, что должен подпрыгнуть выше, чем когда либо прежде, что я и сделал." Мысль о стокилограммовом Толстом Фрэнке, подпрыгивающем высоко в вверх, была действительно ужасной, если задуматься.

У нас был аквариум, который стоял на кухонном столе, для чего пришлось передвинуть все бумаги Криса на стул, поэтому теперь нам всего лишь требовалась рыба. Бэн решил эту проблему на местной ярмарке. Используя свой колоссальный рост, он смог перегнуться через стойку ларька, который за попадание выстрела духового ружья по мишени, давал в качестве призов золотых рыбок. Он держал ружье в вытянутых руках, всего лишь в нескольких дюймах от цели и набрал отличное количество попаданий. На нормальном расстоянии духовые ружья настолько нестабильными и неэффективными, что попадание зависело от удачливости. В качестве приза были получена золотая рыбка нездорового вида, которого мы тут же нарекли "маленьким канчо". Бэн выиграл еще двух

представителей поздравнее в противники для Канчо, до того момента, как ему запретили приближаться к стрелковому киоску.

Дома, в Фуджи Хайтс, наблюдение за золотыми рыбками превратилось в принудительное времяпровождение. Канчо, имеется ввиду настоящий Канчо, был прав: золотые рыбки не плавают задом - но они плавают назад и вперед и еще по всякому разному. Иногда они чистят плавники, но не выносят столкновений. Они плавают так, словно вот-вот столкнутся, но этого никогда не происходит. Люди же, с другой стороны, часто хотят "показать", что не хотят столкновения, оставляя больше чем необходимо места для того, кто движется в их направлении. Чрезмерная реакция настолько же плоха, насколько и недостаточная - она нарушает естественную природу конфликта, разрывая вашу связь с противником, внося "мысль" туда, где вы должны руководствоваться инстинктом.

Тессю утверждал, что достиг полного просветления, когда его "не-разум" или инстинкт, а не интеллект, занял ведущую роль в его искусстве владения мечом и в жизни. Отличный урок преподал ему не воин, а успешный бизнесмен, который сказал ему: "Купцы никогда не должны страшиться или заботиться о победе или поражении, прибыли или убытке. Если человек думает только о том, как заработать деньги, его сердце бьется в предвкушении; если он боится получить взбучку, он сожмется и съжигается. Ничто не может быть успешно выполнено с беспокойством о таких вещах. Лучшее средство для человека держать свое сердце чистым, встречать лицом предстоящую работу и действовать неустрашимо."

Даррен обеспечил нас современной интерпретацией на эту тему: "Я в целом действую в уверенности, что меня ударят и потом удивляюсь, когда это не происходит. Быть слишком озабоченным тем, что тебя могут ударить - ошибочное состояние разума."

Иногда то, что было сказано, доходило позднее, чем было услышано, при чем в ситуациях не связанных с высказыванием. В других случаях, событие и некоторые слова совпадали и урок был принят.

Самая большое отличие от уроков западного типа было в целевом занятии, где вы делаете одну вещь в избытке. Теперь мне кажется, что именно целевые занятия действительно изменили нас. Они использовали боль и освобождение от нее, чтобы выгравировать предмет изучения глубоко в нашем мозгу, так чтобы вы никогда не смогли его действительно позабыть. Боль улучшает запоминаемость материала, позволяя вам снова пережить его в деталях. В западной системе урок всего лишь информация; в Японии - это опыт.

- Было больше 400, - сказал Маленький Ник.

- Может быть, - сказал Бешеный Пес (в конце концов, чем больше их было, тем лучше для всех), - но я сделал 350.

- Было 328, - сказал Уилл, стараясь разглядеть сзади за своим плечом голое мясо посреди спины.

- Неа! Было больше, - слышались голоса. Должно было быть больше того.

Мы только что закончили занятие с Чино-сенсеем "600 падений назад". Когда Крис, Толстый Фрэнк и я начали заниматься айкидо мы не могли представить, что сможем сделать хотя бы одно.

Падения назад были просто падениями назад на попу и затем на спину. Как только твой зад касается пола, ты подбрасываешь ноги вверх и это уменьшает силу удара. Но некоторая часть инерции должна быть сохранена для того, чтобы с ее помощью можно было подняться одним равномерным движением. Подъем требует подтянуть ноги к ягодицам в тот момент, когда ты пружинишь в стоячее положение. Размахивание руками делает отпружинивание проще. Быстрые падения назад очень утомительны.

За последние несколько месяцев я дошел до сотни падений и думал что это мой абсолютный предел.

Чино стал считать и мы начали выполнять: "ичи, ни, сан, ши, го, року, шичи, хачи, кю, дзю". Он дошел до десяти и продолжил считать сначала. Я тайком покосился на часы. Еще сорок минут.

Через десять минут люди начали уставать. Полицейские стали ободрительно покрикивать друг на друга: "Ёши." "Файто."

(Ёши - японское слово ободрения. Файто - искаженное английское 'fight on' (продолжай драться), обычно выкрикивается для поддержки в спортивных играх.)

У Сакума, как я видел появилось кровавое пятно на спине его доги. Эта часть и зад больше всего стирались в кровь от постоянных падений на спину.

"Файто."

Прямой перевод общепринятого слова ободрения гамбатте - продолжай драться. Англоязычная альтернатива стала предпочтительнее в японском спорте, чем оригинальный вариант гамбатте. Но даже заимствованное слово произносилось файто, что звучало весьма забавно для англо-говорящих. Поэтому крики "файто" только подтверждали насмешливое отношение японцев к иностранцам. Но в этот раз никто не насмехался.

Чино великолепно задавал ритм работы группы. Этим отличались все японцы и когда ритм группы устанавливался, выносливость каждого возрастала в 7-8 раз. Ни один западный учитель не мог установить групповой ритм. Пол был действительно хорош в прямо противоположном - постоянно ломая всякий естественный ритм, который мог проявить себя.

Я был уверен, что одной причиной, по которой японские сенсей любили древние тренировочные программы вроде двух сотен отжиманий или часа хаджиме, была возможность подчинить группу ритму. Где-то глубоко в подсознании я приравнивал совершенство владения айкидо к способности использовать ритм для собственного превосходства: выстраивай свою защиту вокруг ритма атаки противника или заставь атакующего танцевать под твой ритм.

Через двадцать минут я сбился со счета. Мой зад, прямо на копчике, явно болел. Мы работали ни быстро, ни медленно. Чино установил убийственный ритм. Большинство сенсусей успевали. Посреди спины Сакумы расплылось огромное красное солнце. Насколько я видел, Уилл тоже обильно истекал кровью.

Я следил за Чино, словно зачарованный и вдруг неожиданно заметил - он жульничал! Когда он опускался вниз, он расставлял ноги. Это означало, что при изначальном приседании его зад практически касался пола, таким образом снимая всяческое напряжение от столкновения с полом и стирания кожи в кровь. Но когда он вставал, его ноги оказывались вместе, потому я и пропустил этот фокус ранее.

Я тут же стал копировать его форму выполнения. Так было гораздо легче. Но когда на подъеме я схлопнул ноги вместе, то случайно зажал ногами яички. Весьма неприятно!

Я вернулся к "правильному" способу, заключив, что слухи о нехватке принадлежностей у Чино ниже пояса были верными. Либо это так, либо он довел до совершенства древний навык сумоистов, управляемое втягивание яичек внутрь тела.

Оставалось пятнадцать минут и мои ноги приняли желеобразное состояние, вскоре я был готов просто рухнуть на пол. И только ритм поддерживал мое движение и еще вид Сакумы, лицо которого обливалось потом, его тело отпружинивало от мата при ударе, в прелюдии неистового толчка к подъему.

Все полицейские и иностранные сенсусей стонали и мычали; на матах была кровь и пот, текший с лиц. Затем случилось что-то особенное. За пять минут до окончания, что-то щелкнуло у меня внутри. Впервые я почувствовал, что мой разум все больше концентрируется на чем-то внутреннем, наводя фокус на маленькую точку с увеличивающейся точностью, вместо того, чтобы рассредоточиваться, расплываться и суетиться как обычно. Новая дверь в моем мозге насильственно открылась и я знал, что могу продолжать и продолжать дальше.

Стрелка часов коснулась назначенной отметки, но Чино не остановился. Напряжение стало ощутимым. Насколько он затянет тренировку? После каждого падения Сакума теперь с трудом вставал на ноги с жалким безумством. Тонкая струйка крови протекала по его стопам вниз между двумя матами передо мной.

Тренировка затягивалась на две минуты, три минуты, и наконец Чино дал приказ остановиться. Произошла своеобразная вибрация - словно некое устройство заканчивало работу, когда все остановилось. Он сказал нам расслабиться. Тут же мои ноги подломились. Мы сползли с мата, сели на колени и в облегчении поклонились Чино.

В раздевалке штаны от доги Дэнни подверглись тщательной инспекции. Задняя часть была до неприличия окровавлена.

"Ты чем-то занимался с Агой, о чем мы не знаем?" - спросил Бешеный Пес.

Раздевалочный юмор - часть "полного пакета" курса.

На одном занятии Чино заставил нас невероятно пахать в течение часа двадцати минут. Потом он приказал всем лечь и смотреть на потолок. Это было полное блаженство. Словно мечта сбылась - возможность наконец-то отдохнуть на занятии. Адам позже сказал: "Я так сильно потел, что даже когда мы легли на пол мои глаза были наполнены водой - словно я смотрю сквозь аквариум." Десять минут рая. Кто-то пошевелился и Чино приказал всем лежать неподвижно. Когда все закончилось, он просто сказал: "Когда вы работаете - работайте. Когда отдыхаете - отдыхайте."

Перерыв в тренировке произошел, когда мы поехали в ежегодное паломничество в Ивама, посетить храм Уесиба, додзэ айкидо и ферму. Рядом с фермой была гора. Я читал о ней в записях Канчо. Именно на ступенчатом пути вверх по горе в Ивама молодые учи-деши сражались на мечах среди ночи. С белыми полотенцами хачи-маки на головах в качестве единственного видимого знака они рубили и кололи в опасной ступенчатой темноте.

- "Ступеньки на горе" звучат немного смешно, - сказал Бэн, когда я рассказал ему историю.

- Это неверное японские земляные кочки, - сказал Уилл, - <>Яма<> по-японски может означать все что угодно от маленькой кочки до горы Фуджи.

-Нет, это настоящая гора, - сказал я, хотя и не имел тому подтверждения.

Я воображал себе более деревенское место, но чем больше поезд в Ивама углублялся в загородные окраины севера Токио, тем больше я понимал, что более деревенской местности не будет. Вне зависимости от того как далеко мы отъезжали от Токио, казалась загородная часть оставалась без изменений. Серые здания с выцветшими красными знаками, пыльные серо-зеленые деревья, маленькие дороги, заполненные машинами, огромное количество проводов над головой. Куда бы ты не направился – подавляющее впечатление было от проводов над головой.

Я сидел с Бэном и Уиллом в поезде и Бэн обратился к извечной теме: что весь курс был просто промыванием мозгов.

- Ну ты же знал это с самого начала, – парировал я.

- Я знаю, но это отличается от того, что я представлял.

- Чем?

- Тем, что оно работает. Я не думал, что что-нибудь получится, но ведь оно работает. Мне кажется я превращаюсь в агрессивную сволочь.

- Не беспокойся, – сказал Уилл, – ты все еще слизняк.

Это была обязательная поездка для иностранных сеншусей, но потому что она совпадала с днем зарплаты полицейских им было разрешено не ехать. По какой-то причине полицейские должны были лично являться для получения зарплаты и этот происходящий один раз в месяц выходной был причиной обиды среди иностранцев.

Когда мы добрались до станции, нам пришлось бежать с платформы на ферму, которая теперь превратилась в центр айкидо. Ферма была скоплением низких деревянных домиков окруженных кедрами и соснами, производящими чудесный смолистый запах. Под дождём был выделен своеобразный длинный домик с навесами и примыкающими строениями с небольшими окошками – кухня и общежитиями, как я догадался. Сеншусей были единственными людьми в костюмах.

Через полчаса Рэм прибыл на своем мотоцикле, неподходяще одетый в костюм и сапоги для мотоцикла.

Даррен был ассистирующим учителем, несшим ответственность за визит и он был неприятно раздражен:

- Где, черт возьми, ты был?

- Я ехал на мотоцикле, – ухмыльнулся Рэм.

- Ты должен был приехать на поезде.

- Я знаю, – Рэм продолжал улыбаться.

- Перестань на хрен ухмыляться.

Рэм выглядел сконфуженным, хотя я сомневаюсь, что он знал слово "ухмыляться".

Рэм однажды опоздал на тренировку. В наказание его заставили сидеть в сейдза в течение часа. Если ты опаздывал три раза, то вылетал с курса. Но Рэм никогда не искал оправданий для учителей. Он оставлял свои оправдания для нас.

- Я думал сегодня нет тренировки, потому и не проснулся. А потом, о боже, уже восемь часов. Я схватился за мотоцикл. 180, 190 – поехал.

- А как костюм? – спросил я. Я одолжил ему костюм, так как у Рэма не было собственного.

- Посмотри на это, – сказал он. – Пуговица отваливается. Но не беспокойся, я ее пришью и отдам костюм в чистку. Он будет как новый.

В результате я обнаружил, что благодарю его за то, что он занял у меня костюм.

- Сколько еще до обеда? – спросил Маленький Ник.

- Около двух часов, – оскалился Шип.

Сесть было негде, поэтому нам пришлось провести два часа стоя в толпе с другими паломниками, наблюдая синтоистскую церемонию перед пагодо-подобным храмом.

Священники в белых мантиях говорили нараспев и пели, подчиняясь с ровной гармонии традиционной японской музыки. Они размахивали и кланялись и клали ростки кедр на маленький алтарь. Каждый росток неизбежно влек за собой больше речитатива. Когда я думал, что все закончилось, они стали забирать ростки по одному с алтаря. Я с ужасом понял, что мы должны будем стоять дальше, пока вся предыдущая церемония не пройдет в обратном порядке.

Стало полегче, когда сын Уесиба и приемник в руководстве ивамовским течением, Киссомару, выполнял айкидо без реальных атак и бросков.

"Это фальшивка", – разочарованно сказал Маленький Ник, и он был прав.

Через полтора часа, у одного из синтоистских священников от сидения в сейдза свело ногу. Ему пришлось встать и встряхнуть ее. Это был первый раз, когда я увидел страдания японца от сейдза. "Сердце радуется, когда видишь такое, неправда ли?" – сказал Уилл.

Полка в храме была завалена подношениями в виде фруктов и овощей. Посреди церемонии большая дыня скатилась и ударилась об пол. "Ой!", – сказал Адам, "храм же промокнет!"

И даже когда церемония, казалось, подходила к концу, всегда находилась еще одна песня, еще один росток кедр для возложения на алтарь, который я знал означал, что

потребуется время на то, чтобы его убрать. По сути, вся церемония была метафорой курса сеншусей за время моего пребывания в Японии: как только ты подумаешь, что уже не может быть хуже, так оно происходит. И вдруг, неожиданно, все сначала.

Но если честно, ничто не длится вечно – даже синтоистские церемонии. К середине дня мы сидели в приятной тени деревьев на заднем дворе фермы, поедая обед в коробках, куда входили креветки, которых Рэм не мог есть по религиозным причинам.

После обеда я направился на поиски горы. К счастью были указатели к ней и я шел вдоль дорог, через бамбуковые рощи, пока не добрался до подножия холма.

По виду это было действительно ближе к земляной кочке, чем к горе. Я побежал легкой трусцой, мои непромокаемые сапоги шумно терлись друг о друга, мелочь позвякивала в кармане,

Взбираясь по наиболее очевидному пути, я чувствовал себя весьма неустойчиво. Я останавливался, чтобы найти подходящие места для прохода, вместо привычного галопа вверх по горной местности. Даже в этих местах мимо меня проходили: семьи в красном полиэтилене, дети с микки-маусовыми рюкзаками, мужчины среднего возраста в очках с металлической оправой и фотоаппаратами с большими линзами, симпатичная пара, неписывающаяся в грубую местность и ищущая, как я подозревал, покрытую листвой и уединенную лужайку для собственного увеселения.

После получаса мои легкие, сердце и какие-то другие, вовлеченные в работу органы, "включились" и стали слаженно работать. Я поймал ритм, подходящий для этого холма. Я вспомнил мой старый, быстрый способ подъема. Неожиданно, я подумал, что это айкидо нарушило мою устойчивость. Быстрая, сложная ходьба требует естественного джазового ритма. Нет времени на размышления, или точнее нет времени на путешествие мысли от ног к голове и обратно – за это время пласт дерна раскрошится, камешек соскользнет, ответвление корня сломается. Ноги должны думать, их нужно заставлять думать, выводя их из удобного равновесия. Тогда одна нога восстанавливает баланс, немного выталкивая другую из равновесия, и таким образом продолжается движение. Если вы дотошно ищите твердой опоры, как пенсионер на обледенелой дорожке, то каждый раз вы будете сталкиваться с разочарованием и либо не продвинетесь совсем, либо совсем мало. Вы должны привлечь динамику восхождения. Лучшая аналогия – бег по дощатому настилу на болотистой поверхности: двигайся, двигайся, двигайся или утони.

Упражнения в айкидо, которые были прелюдией айкидо, сырое, чистое айкидо, которое не знает правил, кроме естественных природных законов человеческого движения, эти упражнения, тренируемые *ad infinitum*, повторяемые до момента утомления и дальше, подготовили мой разум для поиска стабильности, твердой почвы, ровной поверхности для отдыха ног. Такой поверхности нет на холмах.

Чтобы научиться принципам свободного бега, возможно вам нужна безопасная почва. Безопасной почвой в айкидо были бесконечно практикуемые формы. Я заинтересовался. Это был урок горы Канчо, вытягивай себя бережно за пределы возможности. Недалеко от глупости находится дикая и ужасная зона чистого риска (Я там был во время дней моего скалолазания; протягивая удачу как можно дальше и даже еще дальше), но ближе ты забываешь об осторожности и "втягиваешься в веселье".

На вершине, где расположен буддийский храм, я искал знаменитые ступеньки. Нашел я их на другой стороне холма. Они вели вниз к автомобильной стоянке. Их были сотни, очень крутые и планка каждой ступеньки была узкой. Деревья держали ступеньки все время в тени, делая их влажными и тенистыми. Ступеньки неким образом следовали контуру холма, сейчас крутые и более мелкие, но всегда острые на конце, едва достаточных размеров, чтобы поставить одну ногу.

Я представил Уесиба и Канчо и остальных студентов несущихся к ступенькам с белыми повязками на головах и размахивающих мечами. Для этого нужно быть абсолютно сумасшедшими. Сумасшедшими или совершенно одержимыми делом.

Я таранился вниз на ступеньки и потом вокруг на исчерченный высоковольтными проводами ландшафт. Несмотря на окружающие меня деревья, местность внизу выглядела замусоренной как парк на исходе лета. На вершине горы больше не было никаких зацепок. От спуска по маленьким ступенькам волосы вставали дыбом. Я заставил себя пуститься на максимальной скорости, которую позволяли ноги, чтобы не запутаться. Я побежал еще быстрее, чтобы не было времени думать. Потом я начал совершать лунные прыжки, перескакивая через несколько ступенек за раз. Я поскользнулся дважды, но у меня оказалось достаточно ускорения, чтобы сохранить устойчивое положение. у подножья я встретил Бэна.

- Это там наверху они сражались? – спросил он.

- Да, – ответил я.

- Стоит подняться?

- У тебя слишком большие ноги, – сказал я, – Эта гора для размера не больше 7.

К концу 1930-х Канчо оказался в центре колониальных амбиций Японии. Привязанный к военной комиссии, но все же будучи гражданским (в Японии в то время было такое звание - гражданский полковник), он прибыл в Шанхай для присмотра за скрытыми бизнес-интересами.

Перед отъездом он пошел к своему учителю Морихеи Уесиба, чтобы выразить свое уважение. Уесиба сказал ему: "Шиода, не позволяй никому победить тебя. То, чему я тебя научил, - теперь примени на практике". Для Канчо это было равнозначно получению "00" разряда - лицензии на убийство. "Ничто не сделало бы меня счастливее - до сих пор Сенсей всегда был неизменно груб со мной. Впервые он признал меня."

Будучи в Шанхае, Канчо описал его как место, где "убийцы были обыкновенным делом и частью повседневной жизни". Как угнетатели, японцы не были особенно популярны и Канчо наверняка это почувствовал. Однажды вечером он вступил в размолвку с уличным сутенером во французском квартале. Он вышел выпить со своим кохай, младшим коллегой, который тоже занимался боевыми искусствами. Причины ссоры Канчо не объясняет, но перебранка обострилась и вскоре ребята со стороны сутенера погнались за Канчо и его другом в бар.

"Я понял, что начать драку в таком месте означало, что мы не сможем уйти, если не победим. Впервые в жизни стоял вопрос драться или умереть."

Оказавшись в ловушке, Канчо подпирал изнутри дверь бара, в то время как были слышны шаги спешащие по ступенькам шаги.

<<Крепко держа в руке пивную бутылку, я пытался уравновесить дыхание. Когда первый противник приблизился к двери, чтобы открыть ее, я распахнул дверь первым, дернув ее на себя, он упал вперед, потеряв равновесие. Я ударил его по голове настолько сильно бутылкой, насколько мне это удалось. Затем я воткнул разбитую бутылку ему в лицо и повернул ее. Тут же следующий мужчина зашел и прицелился пнуть меня. Я сдвинулся в сторону и отбил его ногу открытой ладонью. Такое отражение удара требует идеального расчета времени, что и произошло. Он свалился на пол, хрипя в агонии. Позже я узнал, что его нога была сломана.

Двое были уже под контролем и в тот момент появилось странное ощущение. Голос в моей голове повторял: "Ты сильный. Никто не может победить тебя." Я приобрел своего рода полную уверенность и на меня снизошло странное спокойствие.

Еще оставалось два противника. Мой кохай, специалист по дзюдо, взял на себя одного, а я другого. Я был настолько спокоен, что стал чувствовать намерение атакующего. Было так словно я не мог проиграть, зная, почти предчувствуя, что он будет делать. Он направил удар мне прямо в лицо. Я сдвинулся внутрь, ближе к его корпусу, чтобы уйти от удара и в вариации шихонаге [базовой техники айкидо] зафиксировал его локти и плечи в неподвижном положении. Я жестко швырнул его и услышал звук раздрабливающихся костей.

Последнего преследователя бросал мой младший товарищ, но после каждого броска противник продолжал вставать и нападать. Я шагнул вперед и в сильном прыжке ударил его прямо в грудную клетку. Именно этот удар оказался особенно эффективным, поскольку в полной гармонии с ударом я направил свой центр сильно вперед. Одним этим ударом он был уничтожен и уже не поднялся с того места, куда я уронил его.

Обозревая место происшествия, я с трудом мог поверить в то, что произошло. Тело и разум действовали в полном соответствии с техникой и посредством взрывной коку року [концентрированной силы требующей правильного дыхания] я увидел истину айкидо. В тот момент я подумал: "Я сделал айкидо своим".

Это действительно было моим озарением в айкидо.>>

Вернувшись в додзё, нас ожидал другой религиозный опыт, припасенный нам, после посещения горы Канчо. Так или иначе, я знал заранее, что нас ожидает, когда "Терминатор" заходил целеустремленно, кланялся святыне, поворачивался и кланялся нам, уже сидящим на коленях в ожидании. Я стал сверхчувствительным к звуку шагов каждого учителя, читая хорошее или плохое настроение в самом ритме их поступей. Было важным, чтобы учитель не был сердит, таким образом я искал знаки, которые могли заверить меня, что этого не было - предсказуемый психоз тех, кто страдает от капризов делать что-либо в полную силу.

В предыдущем году, Ник, гипервентилируемый английский сэншусей, покинул курс, теперь же он стал настоль одержимым тем, кто из учителей будет вести занятие, что он расспрашивал всех помощников перед уроком. В поддержку японского способа сдержки информации они не отвечали ему, поэтому он строил свои собственные догадки, основанные на том чья очередь должна была вероятно быть. Тогда он успокаивался, убежденный тем, что выбрался. Я знал, что чувство предугадывания было особенно сильным для меня, когда Мастер вел занятия.

Случай с гипервентиляцией Ника и издевательство над ним учителя служило своеобразным предупреждением для сенсусей. Я спросил об этом Шипа, который был в одной группе с Ником.

- У Ника было все в порядке пока у него не сорвало крышу.

- В смысле?

- У него сорвало крышу. Он перестал тренироваться, но при этом все еще стоял на ногах. Именно это и привело учителя в бешенство. Он не потерял сознание или что-то в этом роде, а значит он мог продолжать тренировку.

Я сделал мысленную пометку, что надо хлопнуться в обморок, прежде чем сдаваться.

- Так, - сказал Терминтор, - сейчас будет куро-обикай - сидение в сейдза в течение часа.

Мы сидели в два ряда напротив своих партнеров, опробывая жуткую позицию на коленях. Предстояла длительная каторга, потому важно, что в каком положении ты начинаешь <>сейдза<> определяет насколько болезненной она будет.

Правильная сейдза - не просто сидение на коленях. Ты должен находиться в неподвижном и безэмоциональном состоянии. Для иностранцев, которые никогда не проводили времени на коленях до начала занятий айкидо, это всегда испытание. Именно невозможность пошевелиться и высвободить напряжение колен и ступней делает это упражнение таким тяжелым.

Мы все знали, что такая тренировка должна произойти, мы просто не знали когда. Это было одно из знаменитых "убийственных" занятий, о которых все говорили, когда хотели произвести впечатление на начинающих заниматься айкидо. Мы уже успели обсудить боль сейдза и теперь должны были прочувствовать ее.

Было бы просто замечательно просто посидеть в тишине, но у Роланда были иные мысли на сей счет. Каждый из нас по очереди должен был сказать речь о том, что означает курс сенсусей для нас.

Я посмотрел на Рэма и он ухмыльнулся. Я ухмыльнулся в ответ. Наверное мы были единственными лыбящимися среди всех. Это была бравада.

Бешеный Пес начал речь. Он говорил траурным голосом о том, как он проделал длинный путь из Канады, чтобы учиться айкидо в Японии. "Я действительно считаю, что нам очень повезло с возможностью тренироваться здесь с лучшими сенсей." после этого он перечислил всех учителей поименно, что заняло еще немного времени. Он продолжил фразой "это стало самым сложным делом, которое я когда-либо выполнял".

Следующим был Уилл. К тому времени мои ноги стали неметь. Все говорили, что нужно позволить им онеметь и что самое главное в сейдза - это неподвижность. как только ты пошевелишься, кровь начнет циркулировать и придет боль.

Я ожидал, что речь Уилла будет хоть немного остроумной, но это было не так. Несмотря на его острый язык, Уилл также как и остальные погрузился в грустное самокопание. Было похоже, что мы все оказались в периоде культурной революции, когда все занимались самокритикой.

"Это был шанс достичь хорошего уровня в айкидо, - сказал Уилл, добавив, - это стало самым сложным делом, которое я когда-либо выполнял".

Речь Аги была хитроумным сочетанием клише в айкидо. Но я не мог его винить. Я б натяг самые творческие умы, чтобы подумать как сказать что-то оригинальное и искреннее, когда единственное чего тебе хочется, так это заорать "Какого хрена я сижу на коленях?!"

Во время моей речи, жалкого излияния о том, как курс оказался психологически более требовательным, чем физически, Ага начал скручиваться вперед и стонать. Я удивился. Ага до тех пор все время выдерживал горделивую позу человека, для которого слово боль не имело значения. А потом я вспомнил его нервный срыв во время тренировки на удары предплечьем. Я начал гадать, выйдут ли его глаза снова из под контроля.

Он простонал немного громче.

"Ага! Сиди ровно!" - скомандовал Шип.

Ага сел прямо и потом снова рухнул вперед, его лицо стало ярко красным.

"Держи боль внутри, парень, - сказал Роланд ласково, - Не позволяй боли проявляться на лице." Я был уверен Роланд пытался выдержать интонацию в религиозном, а не авторитарном ключе.

Речь Рэма мне запомнилась лучше всего просто потому, что она была такой короткой. И еще она милосердно была свободна от какой-либо пропаганды - слов и фраз, типичных для додзё, затем подобранных и опубликованных журналами по будо, затем вернувшихся снова в додзё, потеряв всяческое подобие связи с реальностью.

"Это не самое сложное дело, но это очень сложное дело, сказал Рэм, - Потому что никто не говорит тебе просыпаться рано утром и приходить сюда каждый день. Это самая сложное дело. Это выбор."

Ага тяжело корчился слева от меня. Адам скрипел и закатывал свои глаза. Наступил общий этап беспокойства.

Я искал на чем бы сконцентрировать свое внимание. На некоторое время мои глаза замерли на лице Рэма, но потом я обнаружил, что снова блуждаю глазами вокруг. Тут я начал корчить рожи, гримасы с трудом контролируемые, чтобы не показать полностью мои страдания. Но я знал, будь я один, то не стал бы корчить рож. Все настолько много внимания обращали на это, что было важно не держаться слишком мужественно. Я имею ввиду, что у меня все еще оставался некий резерв, но небольшой. Если бы я соблюдал полный контроль, я бы вообще не пошевелился.

К концу мой слух стал ослабевать, или точнее моя концентрация рассеялась. Я слышал как забасил Маленький Ник и я едва ли понял хотя бы одно слово. У него в принципе был мягкий, чудесный голос, который было сложно расслышать поверх шума и гама додзё. Но я был не в настроении его слушать.

Проведя так много времени с этой группой парней, я понял, что у каждого была речь, которую они повторяли так часто, как только могли. В ней были заключены их заботы, надежды, опасения и беспокойства. Это раскрывало их внутреннюю личность. Эта речь походила на утверждение их миссии. Адам включил в свою речь упоминание о преступном отце и сестре, и склонной к наркотикам матери. Он даже мимолетно упомянул кое-что в течении урока сэйдза: "Это то, что я хочу закончить поскорее. Я думаю, что сейчас был бы в тюрьме, если не обучался бы на курсе."

Среди нас извивающихся на полу и корчащихся лиц, Роланд, как всегда безразличный, сказал свою речь.

Было все еще трудно поверить, что он был такого же возраста, как и я, он казался намного старше. Возраст и власть взаимозаменяемы. Я задавался вопросом, меняется ли возраст Роланда, когда он возвращается домой к жене и ребенку. Сбрасывает ли он резиновую маску, как злодеи в Скуби Ду, крича, "Дорогая, мне снова двадцать девять! "? Или ему было пятьдесят постоянно?

Роланд сказал нам: "Однажды я стоял в камаэ и Канчо подошел и коснулся кусочка моей спины. Одно то изменение научило меня большему о правильной стойке, чем часы и часы тренировок."

На мгновение беспокойство остановилось, когда люди размышляли о мастерском касании Канчо-сенсей. Затем Ага поломался и стал орать и стучать головой об пол. Впервые я подумал, может ему и правда настолько плохо и он вовсе не прикидывается. Роланд невозмутимо продолжил свою речь.

"Что делает сеншусей тем, чем он является? В чем заключается дух сеншусей? Однажды, несколько лет назад, я наблюдал за тем, как учитель поправлял студента-сеншусей. Этот студент не мог сделать того, что от него требовал учитель. Он продолжал попытки и не мог сделать, а учитель продолжал поправлять его снова и снова.

И я мог видеть, что студент все больше и больше расстраивался и начинал злиться, злиться на самого себя и на учителя. Я думал, что он, в конце концов, он (здесь Роланд остановился, подбирая нужное слово) ударит учителя. Но он все продолжал попытки, он держал злость под контролем. Именно таким я вижу дух сеншусей. Чистая злость, контролируемая злость, ждущая момента, когда ее смогут использовать. Найдите злость, ребята. Найдите в себе злость!"

На несколько коротких мгновений мы все были вдохновлены злостью и перестали стонать. Но потом Ага сломался снова и мы все стали постыдно шумными.

Как говорил Крис, очень сложно судить о чужой боли, особенно если ты сам проходишь через внешне подобный опыт. Но в конце-то концов, я говорил себе, мы всего лишь сидим на коленях. Мы не подвешены на крюки за гениталии в гестаповском подвале.

Смутно, я мог уже оценить, что существуют два уровня боли. Боль-1 – была непосредственным ощущением. Это был уровень объективного наблюдения: "Меня ужалила пчела. Вот боль вверху моего левого предплечья". Боль-2 – это субъективная реакция: "Ааа! Оно болит! Оно конкретно болит!"

Маленькие дети переживают только боль-2. Оно болит и болит и болит и когда боль закончится, они перестанут плакать.

Основная характеристика боли, и почти неотличимая от нее – это желание, чтобы она ушла. Мазохист не хочет, чтобы она уходила. Это служит нейтрализации сути опыта боли-2, поскольку боль-2 представляет собой сторону "ой, больно!", когда кажется, что боль находится везде и не может быть локализована, словно атакуя непосредственно ваш мозг и неотличима от желания от нее избавиться. по сути боль-2 представляет собой "остановите это сейчас!".

С возрастом увеличивается сфера действия боли-1. Мы можем ощущать хроническую боль, например, ту, которая не уходит. Мы либо становимся несчастными, либо отгораживаемся от нее, делаем ее более вещественной ("вот она боль"), и затем учимся почти игнорировать ее. Почти.

Медленно я начинал видеть, что курс сеншусей во многом был о том, как справляться с болью, потерять опыт боли-2 и взять боль-1 под контроль. Если ты тренируешься до потери сознания, то ты потерял 2 составляющую боли. Если ты останавливаешься, когда

"оно болит", то ты возможно держишь себя в безопасной зоне, но не управляешь собственным телом, а оно управляет тобой. Может быть время когда твоя жизнь будет зависеть от того, кто управляет кем.

"Терминатор" посмотрел на часы. Мы просидели 55 минут в сейдза. Он нас больше не задерживал: "Я-мэ!"

По началу никто не мог идти. Существовала два мнения по поводу лучшего способа борьбы с онемением ног. Одна говорила, что нужно оставаться в сидячем положении как можно дольше вытягивая и массируя ноги, прежде чем встать. Так говорили сторонники постепенного подхода. В соответствии с другим мнением нужно было попрыгать вверх, жестко впечатывая ступни в пол для стимулирования циркуляции крови. Шок конечно был больше, но сторонники прыжков предлагали более быструю реабилитацию. Стафан предупредил не прыгать слишком быстро: "Иногда, когда у вас не хватает ощущения в ногах, ваши пальцы подгибаются и вы можете сломать ногу." Он показал нам, подворачивая ногу в лодыжке, как это может быть. После этого я стал более осторожным с прыжками на онемевших ногах.

Когда изнурительное занятие сэйдза было закончено, беседа в чайной комнате затронула тему религии.

Все кроме Бэна и меня испытали некоторую форму галлюцинаций в течении продолжительного сидения на коленях. Бешеный Пес и Малыш Ник пережили самые яркие ощущения.

"Это было похоже на белый свет, словно при тесном столкновении, и внезапно я не смог видеть голову Бешеного Пса, как будто она была внутри меня..."

"А у меня," сказал Бешеный Пес, "это было похоже на негатив, все что было светлым потемнело, а все темное стало светлым."

"Я уставился на твое лицо," сказал Рэм мне, "и оно выглядело очень очень маленьким. Это было похоже на то если бы я смотрел в телескоп наоборот."

Каждый рассказывал о своих видениях и о моментах, внушающих благоговение. Если бы мы не должны были отправляться на работу, то, я уверен, что все окунулись бы с головой в религию тот час же.

Я сохранял спокойствие, но Бэн был непоколебимо скептичен: "Все это дерьмо," сказал он.

Но было странным то, как быстро люди вешали ярлыки на свои "духовные" видения и относились к ним с умиротворенным уважением. Половина обрывочных воспоминаний религиозных посвящений была подмешана повторяющимися показами кунг-фу Дэвида Каррадайна и было очевидно в своей квазидуховности. Каждый хотел, чтобы произошло что-то особенное и был уверен, что это случилось.

Мы сбежали с ярмарки видений и отправились на соседнее кладбище паркового типа, чтобы позавтракать. Это было моим любимым местом, здесь был влажный воздух и тень, это было убежище вдали от шумной улицы. Время от времени редкий служащий на пути домой останавливался у святыни кладбища, хлопал в ладоши и звонил в немелодичный колокол, который висел на толстой веревке. Голова склонялась на мгновение и я задавался вопросом, какие просьбы он излагал, чего желал - новый автомобиль? Прибавку к зарплате? Простое желание стать лучше как человек?

"Озарение," говорил мне священник Дзэн, в мой первый визит в Японию, "есть два вида в зависимости от вашего типажа. Один тип человека испытывает много малых озарений. Другой тип испытывает одно большое озарение." "Что если у вас не случается никаких вообще озарений?" спросил я. "Такой человек не задумывается, чтобы задавать такой вопрос," ответил он.

Наша еда была разложена на мшистых камнях перед нами. Кладбище было пусто некоторое время. Облака москитов гудели в тени и на солнечном свету. Подобные кладбища - хорошие места для завтрака, намного лучше каменных кладбищ, которые я всегда находил угнетающими и жуткими.

Множество муравьев спешило поперек серых могильных камней, убирая на своем пути крошки, которые мы обронили. Бэн массировал все еще воспаленные колени. Ни один из нас не нарушал тишину долгое время. В конечном счете, тишина стала ощутимой, но, наконец, она была нарушена другим служащим в белой рубашке, тащившим нетерпеливо веревку колокола, заставляя его звонить с глухим звуком.

7. Вызов

*"Я против моего брата. Я и мой брат против моего соседа.
Моя деревня против твоей деревни. Мой город против твоего города.
Моя страна против твоей страны."*

Пересказ персидской поговорки Толстым Фрэнком

"Если, столкнувшись с неприятностями, человек смажет мочку уха слюной и глубоко выдохнет через нос, он легко справится с ними. Это средство следует держать втайне от других. Более того, если человеку в голову прилила кровь и он смажет слюной верхнюю часть уха, скоро к нему вернется спокойное расположение духа."

Хагакурэ

"Чашку чая?" спросил я непринужденно.

"Да, пожалуйста."

Я сейчас же передал ему чашку чая. Он не оторвал глаз от книги, которую читал.

"Вызов," сказал он как только взял чашку.

"ВЫ ОБА!" закричал Крис. "Я же сказал вам, что игра в "вызов" запрещена в этом доме!"

Это было не хорошо. Мы не могли остановиться. "Вызов" - захватывающая и чертовски простая иранская игра. Каждый раз, получая что-либо из рук другого игрока, вы должны сказать "вызов". Я даю вам ключи от автомобиля - вы должны сказать мне "вызов" когда берете их. Вы вручаете мне газету - я говорю "вызов" когда я беру ее. Между хорошими игроками, то есть одержимыми соперниками, игра может длиться в течении многих лет. Отец Толстого Фрэнка играл в несколько подобных игр с разными людьми. Одна из игр продолжалась в течении семи лет. Семь лет не забывать какое-либо волшебное слово, или семь лет помнить о том, что никогда не брать что-либо от другого игрока? Это все вызывало некоторые последствия - атмосферу напряженности и подозрения, вот только это не было нужно нам в Фуджи Хайтс.

"После месяца или двух это может стать довольно тяжелым," сказал Фрэнк.

"Ты вероятно начнешь избегать меня."

"Как?"

"Ты найдешь способ."

Он улыбнулся безмятежной знающей улыбкой. Черт бы его побрал! Я не хотел быть побежденным в какой то недоделанной иранской домашней игре.

"Возьмите сигару."

"Вызов."

Мы играли в течении недели.

Младший Шиода вел занятие- Шиода Жестокий, Шиода Мелкий, Шиода Ненавистный. Он учил нас всего пару раз и уже все его боялись и не любили. Мы знали, что Чида Великий не ладил с ним, и с приближающейся смертью Канчо-сенсея, все занимали стороны в финальной "борьбе за наследство". А теперь его сын собирался провести у нас первое занятие хаджиме.

Хаджиме просто означает начинайте на японском, но для сеншусей это слово имеет особенно жуткий оттенок. Тренировка хаджиме представляла собой выполнение техники с максимальной скоростью снова, снова и снова.

Все техники в айкидо выполняются в парах. Когда первая пара заканчивает выполнение, учитель командует хаджиме и все должны начинать снова. Это означает, что самые медленные все больше и больше отстают и не могут извлечь пользу из установленного ритма. Если вы заканчиваете первым, то вам иногда удастся получить микросекунду отдыха между тем, как вы закончили, и когда учитель это заметил. Именно из-за этого и возникла мотивация закончить первым.

Мы все слышали об ужасах тренировок хаджиме - людей рвало, они теряли сознание, изнемогали от перегрева, в общем все то, что предыдущее поколение говорит вам, чтобы напугать.

"Хаджиме", "Хаджиме", "Хаджиме". Двенадцать пар мужчин в додзё бьющих, хватаящих, кружащих и выполняющих завершающий технику удар в голову - не стоит даже упоминать о непрекращающихся криках.

Технику, которую Шиода специально подобрал для этой тренировки хаджиме была кататэ мочи шихонаге - наиболее известная нейтрализующая техника в айкидо. Именно ее Крис воспроизводил по книге в Фуджи Хайтс еще до того как мы начали заниматься. У Уэсибы был студент, который практиковался только в шихонаге. Уесиба сказал "Все айкидо

заклучено в шихонаге", что мне кажется означает, что все принципы движения тела в айкидо показаны в этой технике.

Базовая форма обманчиво проста. Когда ваше запястье захватывают, вы вместо того чтобы освободиться закрепляете хватку в то время как сами ныряете под его руку и поворачиваетесь так, что его рука изгибается ему за плечо. После этого вы можете либо выполнить бросок, либо уложить его на землю. Мы делали самую базовую форму, когда в конце вы кладете партнера на спину.

Шиода спешно продемонстрировал технику на своем помощнике, приведя его вниз на землю с жутким глухим стуком. Помощник выполнил высокое падение с хлопком вытянутой рукой о татами.

Если шихонаге выполняется достаточно быстро, то можно вырубить атакующего, сильно ударив его головой об пол. В додзэ обучают специальному высокому падению, чтобы можно было скомпенсировать большую часть повреждения техникой. Конечно, Шиода не показал нам важные моменты высокого падения, он нам просто сказал нам приступить к практике.

Практика после одной демонстрации – это старая методика обучения боевым искусствам. Честолюбивый ученик должен был уметь быстро уловить секрет техники, потому что повторения ожидать не приходилось. Уэсиба использовал этот метод: когда он бродил по додзэ, он не критиковал студентов, а просто поздравлял их с тем, что у них так хорошо получалось. Шиода младший опустил поздравительную часть. После показа техники он бродил вокруг, насмехаясь над нашими попытками.

Перед началом курса я прошел инструктаж Стива, дружелюбного австралийца, который начинал тот же полицейский курс, что и Пол. После шести недель он бросил курс с опухшими, всеми в синяках, руками и травмами от неправильно выполненного высокого из шихонаге. Я уговорил его научить меня правильному падению и был благодарен ему за то, что обучился до этого занятия с бесконечно повторяющейся техникой.

В то же время я не знал, что единственная недавняя смерть в додзэ случилась во время тренировки шихонаге.

Во время занятий на обычном занятии японский студент, женатый человек сорока лет, сообщил учителю о своей головной боли. Учитель сказал ему продолжать тренировку. В конце занятия студент остался на мате. Его партнер выглядел пристыженным и ни один из суровых комментариев со стороны учителя не мог поднять ленивого ученика с мата. Он умер от кровоизлияния в мозг, полученного при ударе затылком о мат во время приведения его к полу.

Реакция его жены по западным стандартам была весьма необычной. Она не выразила ни единой жалобы, только радость от того, что он умер в додзэ, "месте, которое он так сильно любил".

После того как мы оттренировали шихонаге в течение какого-то времени, Шиода объявил, что последние двадцать минут мы будем выполнять технику в стиле хаджиме.

Мы начали работать с рвением. Бешеный Пес, как я заметил краем глаза, получал побои от Маленького Ника и его глаза выпучились от браводы Бешеного Пса. Они не только выполняли технику быстро, но еще и старались выполнить ее хорошо. Ничего подобного не пришло в голову Рэму и мне во время нашей работы. Запутавшись в летающих конечностях и резких шлепках на мат, мы торопились, не волнуясь насколько наша техника эффективна.

Я начал уставать. Небрежно уставать. Это такая усталость, когда ты начинаешь чрезвычайно снижать темп, но веришь, что работаешь так же быстро, как и раньше. В прошлом у меня это проявлялось во время бега – ты незаметно замедляешься до неуклюжей хромоты, но по ощущениям ты все еще прикладываешь усилия. Часы неожиданно приобрели подавляющую важность. Но с моего места, где я находился, моя близорукость превращала циферблат в расплывчатое пятно. Я не хотел шуриться, дабы не злить учителя. Так что мы продолжали пахать, перетаскивая свои конечности словно старые деревянные хрипы и потя повсюду.

Затем прозвучала команда остановиться. Мы все во внимание встали в стойку камаэ: руки перед собой в защитном положении, немного переведя вес на переднюю ногу. Это было начальным и конечным положением для всех техник.

Но эта камаэ отличалась от обычной. Люди дрожали и тряслись в физическом истощении. Пот капал в огромные лужи на полу. Бешеный Пес казалось всхлипывал.

Мы совершили поклон, прошли по стандартному кругу с "оос" и похромали к месту, где хранились метлы. За пределами слышимости преподавателей я дружески похлопал Бешеного Пса по плечу. Мы были вежливы из-за его слез. Не означало ли это, что он был близок к пределу своих возможностей? "Я лишь сделал все, что должен был сделать," сказал Бешеный Пес, когда просохли его глаза. "Не было ничего больше и мы должны были продолжать. Это чертовски жестоко."

Бешеный Пес занимался айкидо в течении пяти лет, но он был грузен. За первые три месяца курса гражданской полиции он похудел с 92 до 76 килограмм.

После тренировки хаджиме или вообще после занятий этим летом, мы выпивали по 2-3 литра жидкости. Сеншусей любили покупать порошок "Покари Свет" - это подходящее имя носил японский спортивный напиток - и смешивали его с водой из-под крана в двух-литровой бутылке. После очередной тренировки вся жидкость успевала выйти с потом и приходилось снова выпивать следующие три литра. В летней жаре люди выпивали и снова теряли с потом около шести литров в день. Уровень мочи сохранялся в норме - все выходило в виде пота.

Когда я был в паре с Сато на тренировке хаджиме, которого я никогда не видел потеющим и чья техника была динамичной и сильной, я сильно переживал, что скоро будет моя очередь потерять сознание. Он продолжал работать без остановки, как машина или неутомимая белка в колесе, а я становился слабее и слабее. Мои удары становились жалкими извинениями за жестокость. Мои легкие разрывались в поисках кислорода.

А затем я увидел это на кончике его носа. Капелька пота. Сато потел. Я торжествовал. Откуда-то взялось второе дыхание. Моя техника выправилась. Теперь я чувствовал, что Сато тоже уставал, меньше чем я, но он прилагал усилия как всякий нормальный человек. В конце занятия Сато выдал мне свой обычный отрывистый поклон. Потом он улыбнулся, вытирая пот с кончика своего носа.

Мелочные, продолжительные споры стали возникать в Фуджи Хайтс. Я взялся за хранение бутылки виски в аквариуме Канчо, стараясь использовать часть пространства квартиры, которое и без того было занято. Фрэнк считал это антисанитарным, но я относил это на счет исламского предвзятого отношения к алкоголю. Крис оставался надменно выше этого спора, но все еще был категорически против нехватки уважения, которое сэншусэй выказывали к обычным ученикам. "Вы чертовски грубы," говорил Крис. "И это не значит, что ваше айкидо будет хорошим в любом случае."

Возможно он надеялся на гневное отрицание. Когда приходил Бен обычно чтобы стричь наши волосы машинкой для стрижки, я заполучал союзника. Тогда мы могли сказать, "Парни, вы просто не понимаете. Только люди на курсе могут понять."

Мы были особенными, черт возьми, и мы не собирались позволять кому то забывать об этом. Для разделения на индивидуальности, мы в Фуджи Хайтс разделились на три различные семейные роли. Крис был мамой, заботясь о травмах и готовя прекрасную и здоровую пищу. Толстый Фрэнк был папой, отчитывая меня за то что я не помогаю Крису мыть посуду, чего, однако, и сам не делал. Я был подростком: рассеянным, ленивым, эгоистичным, чрезвычайно недооцененный и, как подросток, я понимал, что пора было завести себе подругу.

Не то чтобы у меня было много энергии для изощренных сексуальных уловок или даже для более простых уловок, так или иначе непрерывные тренировки загубили мою сексуальную активность до минимума, необходимого для выживания.

Викторианский уклон на спорт, держащий ум молодого человека вдали от секса был доказанной стратегией. В течении многих месяцев я едва думал о женщинах. Возможно, на меня влияла теплая погода, но все больше и больше теперь я видел преимущество борьбы с девочкой, а не с потным израильским парашютистом или японским гражданским полицейским.

Теоретически не было никакой нехватки женщин. Элементарное благоразумие держало меня подальше от девочек в средней школе, которых я обучал. Нерегулярно вечерами я так же подрабатывал в одной из многих ветхих речевых школ в Токио. Непрерывный поток офисных цветков, привлекательных конторских служащих женщин, были как на ладони на моих занятиях. Я наблюдал за другими преподавателями, выбирающих себе пару в своих студентах с чрезвычайной непринужденностью. В одной из школ преподаватели шатались по лестницам, ожидая самых привлекательных студентов, чтобы покинуть это заведение. Возможно, это внесло свой вклад в недавнее банкротство школы. Привлекательные мужчины, выглядящие молодо и белокуро, пользовались самым большим спросом. В одном из университетов сексуальная двадцатидвухлетняя девица вручила свой телефонный номер преподавателю, которого я знал, с прямым предложением: "Вы, я, поиграем. ОК?"

Я не был одним из тех удачливых мужчин, которых японское женское население преследовало с явной жадой. Я не казался единственным для тех, кому нравился, как, например, сумасшедшей, которая, когда я отказал ей, грозилась догнать меня на своем BMW 7 серии. В лучшем случае я был вялым Ромео, которому не хватало бесстрашных глаз продавца и брутального безразличия к отказу, что, как уверял меня Патрик, было необходимым для сексуального успеха.

Патрику было тридцать и он был женат на японке двадцати двух лет. Они жили в квартире с уборной, которая была посвящена пивным банкам. Если быть точным там было одна тысяча сорок семь банок. Он медленно превращал это в святыню, посвященную всему тому пиву, которое он выпил. Три стены были заставлены банками, выставленными от пола до потолка, и теперь он заставлял четвертую. Я задавался вопросом, что он будет делать когда место у последней стены в туалете кончится.

Патрик был чрезвычайно непринужденным. Он говорил настолько медленно по-английски и столь низким голосом, что я решил по началу, что это было следствием какого то дефекта речи. Позже я понял, что на это повлияли все те годы, которые он потратил преподавая английский в Японии. Его собственный японский был жалок, его жена упрекала его в этом. "Это смущает по началу," объяснял он, "быть не способным говорить с родней жены. Но после двух лет это прекрасно. Трудность просто уходит."

Патрик был высок и похож на молодого и небритого Роджера Мура, как если бы Роджер Мур учился бы в художественной школе. Он был наружностью похож на поп-звезд, рассуждающих в первоклассной гостиной о том, что кто то круче чем они, считая данный разговор ценным. Он был успешным преподавателем, потому что все обожали его. Он заставлял вас почувствовать себя спокойным и, так как большинство японцев были легковозбудимы, его весьма ценили.

Он был трогательно сентиментален к тому же. "Роб," говорил он, "ты мой помощник, мой помощник. Мы должны пропустить немного пива вместе. Мы не должны потерять контакт."

Советом Патрика было поручить кому то устроить свидание для меня. "У моей жены масса друзей," сказал он. "И омиай, знакомство-сватовство, является типичным японским путем." Я был не слишком уверен относительно друзей жены Патрика, поэтому оставил этот вопрос открытым.

Из всех "посторонних" людей, которые не обучались либо не преподавали на курсе, я обнаружил наиболее легкими для себя разговоры с Нонака сэнсей, шестидесятипятилетней учительнице в средней школе. Я стал делить с ней свой завтрак среди картотечных блоков и металлических столов учительской. Она была впечатлена тем, что я практиковал айкидо, но вы должны были быть осторожны с Нонака сэнсей, потому как у нее был весьма богатый опыт по части лести. В конце концов я изучил своего рода шифр, зная что она имела в виду, что нужно принять к сведению, а что было просто умасливанием собеседника. "У меня есть ученица, которая занимается айкидо. Она самая превосходная ученица. Я знаю, что ее занятия не столь энергичны как у сэншусей, но это также айкидо. Многие иностранцы желают изучить японские дисциплины, иногда они добиваются даже большего успеха, чем японцы!"

Я попробовал однажды задать Нонака сэнсей вопрос о войне, но она, отстранившись, лишь сказала "прошлое прошло". Затем она улыбнулась сладко и налила мне другую чашку зеленого чая. Позже я узнал, что ее родной дом бомбили во время войны и что она потеряла двух братьев тогда. Нонака сэнсей больше интересовалась разговорами о настоящем и будущем. Когда я жаловался ей на свои травмы о курса сэншусей она говорила: "Вы должны быть сильным!", после она передавала мне несколько пакетов фруктов, шоколадный пирог и японские закуски, которые должны были помочь мне стать более сильным. Иногда ее великодушие могло одолевать. Она знала, что у меня не было подруги, и она пробовала свести меня с молодой японской учительницей в школе. Это было обреченным с самого начала, мисс Ёшида была достаточно приятным существом, но в действительности не была моим типом вообще, точно так же как и я не был ее типом мужчины. Ее увлечением было изучение английского, моим увлечением это не было; она любила теннис, но я не любил; ее отец был выдающимся дантистом и ее рот был полон того, что казалось золотыми экспериментами. Мисс Ёшида провела со мной множество тягостных завтраков, пока Нонака сэнсей оставляла нас наедине, занимаясь чаем. Мисс Ёшида упрекнула меня за то, что я носил плащ с порванным эполетом и затем предложила исправить это для меня. Это зашло слишком далеко. Я сказал Нонака сэнсей настолько вежливо, насколько был способен, что ничего не выйдет. "Конечно, я знаю," сказала она, ее глаза весело светились. "Мисс Ёшида ... белый слон!"

Стол г-на Вада стоял рядом с моим и когда у него не было каких-нибудь сигарет типа Вирджиния Слимс, он предлагал мне леденцы. Я никогда не видел, чтобы он кушал в школе, за исключением леденцов, он никогда не ходил в школьную столовую.

Г-н Вада сказал мне, что у него никогда не было подруги.

"Никогда?"

"К сожалению я живу с родителями. Но я хотел бы иметь подругу. У вас есть девушка?"

"Да," солгал я, чувствуя, что это был тот самый ответ, который он хотел услышать.

"Она японка?"

"Да."

"Я могу спросить у вас, как ее зовут?"

"Джунко." Я назвал довольно распространенное имя.

Он на мгновение задумался.

"Мою кузину зовут Джунко."

"Правда?" спросил я. "Ну, я не думаю, что это ваша кузина."

Его лицо омрачилось в замешательстве.

"Трудно заполучить подругу в Японии," сказал он.

Возможно он был прав. Так или иначе у меня были более серьезные вещи для размышления, например, я все еще не был способен на высокое падение. Я всегда

ненавидел кувырки вперед, даже будучи ребенком. Это было одной из причин, почему я не пошел в дзюдо, и вместе со стойкой на руках, они входили в число ненавистных мне гимнастических упражнений. Желание перевернуть тело вверх тормашками мне казалось слишком неестественным. Что для меня было естественным, так это желание защитить голову, не подвергая ее опасности посредством выполнения противоречащих гравитации маневров.

Но в айкидо кувырков вперед избежать невозможно. И после того как ты станешь экспертом в кувырках, ты должен прийти к варианту "высокого падения". Это аналогично кувырку вперед за исключением того, что в начале тебе не нужно использовать руки (или руку) для приземления. Ты бросаешь тело вперед, переворачиваешься в воздухе и приземляешься на одну половину спины и плечо. "Это как большой банан, падающий на пол" - сказал Пол, и я представил огромные желтые надувные бананы, которыми английские футбольные фанаты размахивали на трибунах.

Вместо большого банана, я чувствовал себя больше похожим на кирпичную башню, переворачивающую себя, с грохотом обрушивающуюся на землю и поднимающую тучу пыли. Когда спина ударяется о землю, одну руку нужно вытянуть и шлепнуть по мату для сокращения удара тела. Эффективность шлепка полностью зависела от его своевременности, а у меня как раз с этим было плохо.

Высокое - один из ключевых моментов в айкидо Ёшинкан. Иногда, когда тебя бросают слишком жестко и слишком быстро, нет времени сделать безопасный прямой кувырок. А в некоторых техниках, в бросках за запястье, например, если ты не сделаешь высокого, твое запястье или предплечье или ключица будут сломаны.

У Торчка, большого неуклюжего полицейского с тоскливым выражением лица, чьи одеревенелые и упертые движения обеспечивали разнообразные насмешки учителей и коллег-иностранцев, были реальные проблемы с кувырками. Он переворачивался и обрушивался вниз так, что весь пружинный пол додзё начинал вибрировать. Смотреть на это было больно.

Сакума и Бэн тоже переживали трудности, но когда дело касалось высоких падений, я был наибольшим болваном в группе.

Я не мог понять смысл высокого. Я мог выполнить его один раз, но и тот получался несуразно деревянным, слишком быстрым и отдавался дикой болью в теле, когда я ударялся об мат. Я застрял в черной полосе. Из-за того, что мне не нравились высокие, я делал их слишком быстро, что нарушало своевременность шлепка рукой и падения. Из-за того, что я боялся быть в положении вверх тормашками, я старался нырять как можно ближе к мату. Иногда возникало ощущение, словно я пытался нырнуть под мат. Но чем ближе ты к мату, тем сложнее безопасно приземлиться. Казалось совершенно несправедливым то, что правильное решение шло против интуиции, то есть что для безопасности нужно было быть как можно выше над полом. Что касалось меня, то я часто оказывался настолько близко к нему, что мог почувствовать, как мои волосы задевают мат во время переворота. Неприятная мысль - а что если бы моя голова оказалась на несколько сантиметров ниже? Она могла бы застрять и совсем оторваться. Думать об этом мне не нравилось, но это было необходимо. Невозможно было избежать падений, потому что все новые сложные техники требовали высокого падения для избежания броска. Именно высокое давало айкидо гимнастическую привлекательность. Благодаря высокому айкидо выглядело сложным по простой причине - высокое было сложным. С первого дня я понимал, что это будет проблемой. Моей собственной маленькой проблемой. Моим крестом. Моей ношей. Было странно насколько быстро я понимал, смогу ли я выполнить какую-то технику еще до того, как попробовал бы. Всего лишь наблюдая, как другие выполняют техники на коленях, я знал, что они не будут представлять никаких проблем. Да, я думал, что смогу их сделать.

Но с высокими было по-другому. И чем больше меня обхаживали, советовали, ругали, орали, тем хуже становилось. С увеличением у меня количества синяков и побоев, которым я подвергался, я начал терять способность сделать приличным образом хотя бы простой кувырок вперед и его старшего брата ныряющий кувырок вперед.

Проблемы начались с Оямады. ... Он был единственным учителем, который не прошел через программу сеншусей. Некоторые говорили, что именно это сделало его таким жестким по отношению к сеншусей. Конечно его занятия были образцом скуки, его любимым методом обучения были повторения до тех пор пока не пройдут полтора часа.

Оямада выстроил нас вдоль основной стены додзё и приказал делать непрерывные кувырки вперед до противоположной стены. А потом обратно. И снова обратно. По началу было весело. Приятный перерыв среди тяжелого физического истощения, но потом стало очевидно, что он собирался продержаться на этом упражнении до конца занятия.

Через десять минут я был покрыт серьезными синяками на костных шишках, кончиках подвздошных костей, которые немного выдаются с каждой стороны от поясничной позвонка, немного над ягодицами. За следующие одиннадцать месяцев эти синяки не сходили ни разу. На косточках слоями вырос кальций, что только ухудшило ситуацию. Иногда они

отекали, иногда казалось что они исчезли и потом, когда ты падал на одну из них, то понимал, что все на месте.

Уилл окрестил их "шишечками" и имя прилипло. Это была травма специфичная для студентов курса сеншусей - рожденная в комбинации твердых матов и чрезмерных тренировок - и нечто совершенно непонятное для обычных студентов. Как нашивка за ранение или Пурпурное Сердце, это можно было получить, только вступив в бой.

У некоторых шишечки были настолько болезненными, что им приходилось прибегать к акупунктуре, чтобы избавиться от боли, другие же изобретали забавные и в целом опасные техники падения в отчаянной попытке приземлиться на что угодно, кроме двух чувствительных мест.

"Ты должен быть осторожнее, - сказал Пол, - потому что иногда кость может получить заражение."

Зараженные шишечки! Что могло быть хуже? В нашей тесной вселенной из четырех стен и сотни твердых матов я не смог представить ничего хуже зараженной шишечки.

Оямада был рабом болезненных падений, но Роберт Мастард был тем, кто привел меня к окончательной потере понимания о том, как сделать высокое легко и грациозно.

"Так, ребята, несите маты."

Мы бежали в угол додзё, подбирали два матрасо-подобных мата, которые предназначались для обучения высоким падениям.

Мы выстраивались и Мастард или Толстяк хватили тебя за руку и ты должен был сделать высокое. "Хорошо. Хорошо. Хорошо. Плохо." - в процессе комментировал Мастард. Для меня всегда было "Плохо". Возможно это был его способ ободрения для меня. Но эффект был противоположным. Я начинал мечтать о магических словах: "Хорошо, ребята, несите маты на место".

Мы постепенно привыкли к броскам и однажды днем Мастард сказал "Давайте повеселимся".

Он взял дзё с полки на стене, где находились деревянные мечи и ножи. Джо - это палка из твердого дерева, примерно таких же габаритов, как и толстая палка для швабры. Полицейские в аэропорте Нарита вооружены дзё, многоцелевым инструментом для фехтования, дубинкой и жуткой колющей палкой, хотя я заметил, что они еще имеют при себе пистолеты.

Мастард стоял на мате и приказал первому ученику схватить конец дзё. Затем он дернул дзё вверх и вперед, чтобы выполнить бросок. Отпуская хват ученик перевернулся в воздухе и приземлился на мягкий мат.

Я ожидал проблему на этапе отпускания захвата. Если это сделать слишком рано, то будет видно, что хват несерьезный. Если слишком поздно, то у меня не будет свободной руки для компенсации падения.

В итоге я настолько сконцентрировался на палке, что мое высокое оказалось недоделанным и безжизненным. Я зацепился головой за мат в момент переворота. Послышался тошнотворный хруст в моей шее, которая свернулась набок. На секунду меня покинуло сознание. Потом я понял, что должен встать. На трясущихся коленях я вернулся в очередь выполняющих падение.

"Сломаешь шею и вылетит с курса!" проорал Мастард с места, что он занимал с дзё. Затем он подошел ко мне и поднял палец.

- Сколько пальцев?

- Один.

- Ты в порядке, - сказал он.

Я не чувствовал, что был в порядке. Я порвал шейную мышцу. Что было еще хуже моя уверенность упала ниже обычного.

"Ты подпрыгнул как раз на макушке головы, - прошептал Адам из очереди, - Это выглядело несколько жутко."

Я был рад, что Мастард сказал нам убрать маты до того, как до меня снова дошла очередь. Это было хорошо, потому что я начинал думать, что он дожидался меня. Когда он объявил, что едет домой в Канаду, я немного надеялся, что он не вернется.

С ныряющими падениями мне повезло больше. Четыре или пять людей пригубались, сидя рядом, и ты должен был бежать и нырять через них. Это был сложный трюк, и даже чудотворец Сато однажды свалился на последнего сидящего. Я видел его трясущуюся в неверии голову, когда он поднимался на ноги.

Моя техника заключалась в том, чтобы бежать как при пожаре, издать воинственный клич и надеяться, что последний пригнувшийся не будет возражать, когда я свалюсь ему на спину. Но даже я иногда умудрялся обходить препятствия.

Я постоянно чувствовал себя побитым, но пока не получил ни одной травмы. Кроме Хромого с его локтем, полицейские тоже выдерживали чистый лист по части здоровья, то же самое касалось других иностранных сеншусей.

Первым человеком, получившим перелом был Дэнни, это случилось во время занятия, на котором мы постоянно делали высокое. Он неловко приземлился и сломал палец на ноге, маленькая но болезненная косточка для перелома.

По дороге в додзё в то утро я успел попасть в небольшую аварию, врезавшись на велосипеде в скутер, что было неким предупреждением, что дальше дела пойдут хуже.

С тех пор как перед курсом я перечитал военные мемуары Роберта Грэйвса, чтобы не выпускать ничего из виду я начал твердо верить в выполнение своеобразных ритуалов для отражения зла. В одном случае из книги солдат делает наглый комментарий и все "стучат по дереву", за исключением бедняги, который был убит.

Я объяснял себе и другим, что стук по дереву просто концентрирует сознание на потенциальной угрозе и по сути всего лишь является техникой для повышения осознанности. На чисто психологическом уровне я обнаружил, что стук по дереву разряжает тревожное состояние о том, что я предсказал или сказал, не подумав. Если такой тревоге позволить себя терзать, я полагал, что могу пострадать от болезненного исполнения желания, исполнения желания о смерти, если хотите.

Но суеверие могло зайти слишком далеко и я начинал раздавать крепкие шлепки придорожным деревьям, проезжая мимо них на велосипеде.

После моего едва не произошедшего дорожного происшествия на велосипеде, у меня сохранилось ощущение беспокойства. Я подъехал к додзё и немедленно постучал по деревянному столбу ограды. Я услышал шаги и посмотрел по сторонам, чтобы увидеть не заметил ли кто меня. Это был Бэн. Не страшно, я признался в своей слабости Бэну.

"Нам надо быть поосторожнее сегодня, - сказал я. - У меня плохое предчувствие и мы сегодня делаем котегашеи."

В этой технике кисть атакующего заламывается назад за предплечье в сторону, а не за плечо. Если продолжать заламывать чью-то кисть таким образом, то запястье в конце концов сломается, если атакующий на этом этапе превращающийся в защищающегося не выполнит высокое падение. Таким образом, рука раскручивается и человек остается на спине на полу.

На первом занятии я практически забыл собственный совет действовать аккуратно, когда услышал сдавленный крик со стороны, где тренировался Бэн и Дэнни. Я отгляделся. Дэнни лежал на полу. Пытаясь не упасть на "шишечку", он зацепился пальцем ноги за свою брючину. Его быстро отнесли в сторону. Пол сказал нам продолжать тренировку. Я услышал, как он говорил, стоя в стороне: "Я вправлю без проблем - это не перелом, просто вывих".

Бэн умудрился убедить Пола позволить ему отвезти Дэнни к доктору до попытки применения такой решительной меры самолечения. Пол все еще убежденный, что перелома нет, с неохотой удержал себя от вправления кости в сустав. Он согласился, что они должны отправиться в хирургию, располагавшуюся непосредственно возле додзё. Мне это показалось немного жутким и в то же время по своему обнадеживающим. К счастью у Дэнни была медицинская страховка.

Дэнни вернулся в додзё позже в тот же день. Его палец был сломан под прямым углом. Если бы Пол пробовал вправить палец, он вероятно вырвал бы ему палец напрочь. Бэн, который все еще свято верил в учителей и его вера простиралась за пределы их узкой специализации, которую они демонстрировали как эксперты, был потрясен этим случайным и небрежным обращением с Дэнни.

- Это всего лишь палец, - сказал я, - Это не вопрос жизни и смерти или что-то в этом роде.

- Если бы это было что-то более серьезное, я бы еще больше волновался. Это показывает, что им все равно, - горячился Бэн, - Я тебе говорю: если со мной что случится, держи меня подальше от учителей - просто отведи меня сразу в больницу. Я даже не уверен в той хирургии рядом с нами.

Дэнни сказал мне несколькими неделями раньше, что не смог попасть в австралийскую авиационную спецслужбу из-за того, что растянул коленную связку, тренируясь к тесту. Я проследил картину. Дэнни мог бы травмироваться, чтобы был повод не заканчивать курс.

Когда ему помогали взобраться на велосипед (на котором он поехал, крутя лишь одну педаль), он сказал печально "Ребята, завтра вы меня можете не увидеть".

"Вы не должны грустить," сказала Нонака сэнсей. "Вы всегда должны держать в голове какой-нибудь счастливый момент, и когда вы начинаете грустить должны думать об этом моменте." Я сказал ей, что курс угнетает меня. "Это ваш выбор," ответила она. Когда в учительской было пусто, она иногда брала мою руку и, играла, насмехаясь надо мной, своим большим пальцем придавливая мой. Однако это было трудно, когда я пробовал бороться с ее большим пальцем, она всегда побеждала меня, ее большой палец всегда прижимал мой, порхая весьма и весьма быстро, словно птица. Она никогда не проигрывала. "Теперь вы угнетены!" говорила она, когда побеждала. Факт быть

побежденным, борясь большими пальцами с шестидесятипятилетней женщиной, весьма ободрял меня. Она всегда ликовала, побеждая: "Почему я побеждаю? Несомненно потому, что вы слишком много думаете. Вы слишком интеллектуальны, чтобы победить меня!"

Стив, австралиец, который ушел с курса год назад, вернулся в город. Он зашел к нам на Фуджи Хайтс и рассказал о геологическом обзоре, которым он занимался в Лаосе. Его рассказ звучал увлекательно, в миллион раз соблазнительнее, чем клаустрофобия додзё.

- У тебя получается лучше, чем я ожидал, - сказал он в своем грубом, но все же дружелюбном тоне.

- Спасибо, - ответил я.

- Но ты все равно бросишь, не окончив, - сказал он, делая глоток чая.

- Почему? - я был действительно шокирован.

- Потому что я бросил.

Значит, подумал я, это Вызов.

Несмотря на свое грустное прощание, Дэнни пришел на следующий день. Он прохромал в офис додзё и проинформировал миниатюрного Андо-сенсея о сломанном пальце. Выражая прозаичное сочувствие Андо дал ему две недели на выздоровление. Конечно, он все равно должен продолжать приходить в додзё, но сидеть в кресле и наблюдать каждую тренировку.

Для сеншусей давалось мало времени на выздоровление. Как только травма заживала, ты сразу возвращался. Если доктор прописывал перерыв на месяц, то учитель в додзё давал перерыв на неделю, или иногда поощрял тренировки с травмами. Чем больше перерыв ты брал, тем больше ты отставал и тем больше была вероятность повторной травмы при возвращении к занятиям. И если ты мог хоть как-то ходить, то тебе нужно было каждый день появляться в додзё и наблюдать все тренировки. Если травмирована была верхняя часть тела, то нужно было сидеть в сейдза каждую тренировку. Это четыре с половиной часа сейдза каждый день, достаточно, что само по себе достаточно, чтобы дать тебе травму.

Если травмирована была нижняя часть тела, то сейдза не требовалась, но был специальных способ сидения на кресле для сеншусей (спина прямо, ступни вместе - не перекрещены и ровно расположены на полу) и этот способ сидения не способствовал восстановлению сил.

Жесткая политика по травмам сеншусей была еще одним традиционным способом "развивать дух". Идея заключалась в том, чтобы создать бойцов, которые могли бы исполнить долг вне зависимости от состояния тела. Целью было сломать субъективную связь между тем как ты себя ощущаешь и как действуюешь. Более того ее нужно было подменить на определенную цель и достижение этой цели, используя тело, вместо того, чтобы позволить телу диктовать, какой должна быть цель. Если вы идете спать, когда ваше тело чувствует усталость; едите, когда чувствуете голод; или деретесь, когда чувствуете злость, ваше тело диктует цель, а не наоборот.

Когда мы начинали курс, Толстяк спросил каждого из сеншусей о прошлых травмах. Многие это восприняли как возможность "похвастаться шрамами", Адам со всеми его многочисленными признаками бурной молодости, проведенной на скейтборде, выдал все. Только Рэм спросил причину вопроса. "Для того, чтобы учителя знали, где могут быть ваши слабые стороны и в чем могут быть ваши ограничения, и как далеко они могут вас подтолкнуть" - был ответ. Неспособность Адама сидеть спокойно была отчасти санкционирована его балладой о переломе колена в пятнадцатилетнем возрасте. Рэм сказал: "Что касается этого курса, у меня нет старых травм, о которых я мог бы рассказать". Теперь я понимал, что это была лучшая политика, признание старых травм всегда было путем для отступления. Рэм себе его не позволил.

Я переживал определенный упадок. Излишняя дисциплина в обучении не относилась к нашей квартире. Когда я не спорил или не играл в "вызов", я тратил много времени на сон. Даже когда мы брали в прокат видео, я часто засыпал на середине фильма. Повторно смотря какое-то кино с участием Стивена Сигала я сказал: "Следующий удар бал действительно хорош..." Затем я начал храпеть - даже хорошие удары не могли удержать меня ото сна.

Толстый Фрэнк и Крис все так же тренировались каждый день в додзё и медленно продвигались по пути к черному поясу. Если они продолжат регулярные "кеншу", интенсивные, регулярные тренировки на дневных занятиях, они могли бы сдавать тест на черный пояс в то же время, что и сеншусей.

"Будет интересно посмотреть, чье айкидо лучше, - посмеивался Крис. - Я все еще не очень уверен, что ваш курс имеет отношение к айкидо, больше похоже на грубый обряд инициации или просто курс выживания."

У Толстого Фрэнк мнение было выше. "Не думаю, что я бы смог мириться с дерьмом так, как это делаете вы, ребята".

Толстый Фрэнк все еще не нашел работы и проводил много времени за стиркой доги и одежды в стиральной машинке. В один день случилась небольшая трагедия, когда его особенные иранские трусы были украдены с веревки для сушки белья. Мы догадались, что их украли, потому что внезапно в квартире загорелся свет. Когда огромные коричневые эластичные трусы, сшитые его матерью, сушились на веревке они загорали весь свет поступающий в квартиру через кухонное окно. Я привык к темноте. Когда свет неожиданно появился, я помчался узнать, что случилось. Гигантских трусов как не бывало, как собственно пропал и след вора. Возможно причудливый порыв ветра сорвал огромный трепещущий кусок материи с веревки. И кроме того воровство трусов довольно распространено среди японских женщин. Я посчитал непостижимым причину того, что кто-то мог захотеть обладать такой жуткой огромной парой коричневого иранского нижнего белья.

Крис выразился довольно нетактично по поводу этого происшествия. "По крайней мере теперь я могу читать, не включая свет", - сказал он.

Несмотря на то, что Крис вел себя как наша "мамочка" Крис был основным кормильцем в Фуджи Хайтс... Он решил забросить рискованный шоу-бизнес и теперь проводил долгие часы в Митсубиси, Иточу и Митсуи, обучая высоко-оплачиваемых интеллектуалов. В этих компаниях Крис получил работу, подготавливая тех особенных людей, которые получили продвижение по службе, за рубежом и считал это более достойным, чем обычное обучение английскому.

Работу он получил через Патрика. Когда бы мы не встретились, он спрашивал меня "Ну и что это за штука такая, айкидо?", тогда я показывал ему несколько приемов и он говорил "очень хорошо, очень хорошо - -в теории. Но что же делать в реальной драке?"

Непосвященные всегда вели себя одинаково. Они хотели знать можешь ли ты "сделать" Майка Тайсона, если он не так посмотрит на тебя в паре. Иногда я объяснял в чем ошибка этого вопроса в целом. Иногда просто говорил: "Возможно, я не смогу сделать его, но могу выдержать приличное количество ударов".

8. Хороший полицейский, плохой полицейский

"Зевать в присутствии других людей - признак плохого тона.

Если неожиданно самурай почувствует желание зевнуть, он должен облизать губы, не открывая рта, и желание пройдет."

Хагакуре

Я сказал Нонака сэнсэй, что подружился с некоторыми из японских полицейских. "Я думаю, что дружить с японским мужчиной трудно," сказала она. "Он всегда будет хотеть продемонстрировать иностранцу свою лучшую сторону."

Полицейские жили в шо-додзё, маленькой комнате рядом с основным додзё. Я зашел взять сигарет у Шерлока, я все время пытался бросить, поэтому половину времени был без сигарет. Я открыл дверь и меня практически снесло клубами дыма. Все полицейские лежали в спальнях мешках. Семь или восемь из них курили. У них был телевизор и видеоплеер и я заметил кипу порно-видео, хотя в тот момент они ничего не смотрели.

"Вы, парни, живете весьма недурно," сказал я Шерлоку. Он широко улыбнулся, показав его испорченные и разъеденные зубы, у него были самые худшие зубы полицейской группе.

"Успокойся," сказал он. "Здесь нет ни одного учителя! Держи свою пачку." Он дал мне новую пачку Милд Сэвен, сигарет предпочитаемых служащими, из разорванного блока. Два или три полицейских, как и Сакума, крепко спали. Сато читал книгу.

"Погоди немного," сказал Шерлок. Он представил меня Маэда-сан, "горилле", который был комедиантом группы, и кто в главном образе интересовался всем, что связано с борьбой.

"Ты знаешь Тони Сэнт Клэра?" спросил он.

"Боюсь, нет."

"Галли Линекера?" спросил Сэйто, другой полицейский.

"Да," ответил я, "джентельмен из футбола."

"Но ты настоящий английский джентельмен," сказал Шерлок, демонстрируя свои ужасные зубы снова. "Ты всегда ешь японскую лапшу без шума!"

В додзё Шерлок стал моим новым "приятелем". Перед тренировкой мы перебрасывались парой дружеских слов, обсуждали наши последние травмы. Если я забывал об этом ритуале, Шерлок подкрадывался сзади после тренировки и щипал меня за зад. Я видел как мальчишки в младших классах средней школы таким образом показывали свое дружеское отношение. Но все же трудно было это вписать в поведение мужественного гражданского полицейского. Я как-то не представлял их щипающими друг друга за зады в тренировочном центре штаб-квартиры спецподразделения.

Среди иностранных сеншусей симпатия и выражение дружелюбия обозначались твердым ударом в живот. В чайной комнате люди делали друг на друге болевые контроли и удержания и буянили, если только Роберт Мастард не был там же, тогда настрой менялся на уважительный и даже подобострастный.

Чайная комната заключала в себе два автомата с напитками, ряд полок для нашей обуви и именные места на других полках для нашей еды. Комната была серой с постерами лучших японских учителей, выполняющих сложные броски из айкидо. Часто люди подходили к постеру, указывали на жертву броска, черты которого как правило были плохо различимы и спрашивали "Кто это?". Тогда все в комнате на момент отвлекались от скучной каждодневной болтовни, поворачивались и орали ответ. Или в другой версии игры, кто-нибудь подходил к постеру и говорил "Это... Такено?" или "Это... Мори-сенсей?". Даже я иногда ненамеренно вытворял нечто подобное; каким-то образом постеры вынуждали.

Дважды в неделю в 7.15 утра чайная комната превращалась в класс. Миссис Хасегава, жена бывшего министра иностранных дел, ожидала у додзё, когда ее встретит "человек шинкоку", ответственный за группу в течение недели. Он стоял снаружи на оживленной улице в белой пижаме, смущенный из-за белого пояса, обутый в сандалии, в то время как какой-нибудь офисный клерк проходил мимо него на работу, и переживал тяжелые минуты, если Миссис Хасегава не появлялась как обычно на три минуты раньше.

Встречающий кланялся ей. Она хихикая, кланялась в ответ. По пути в лифт и вверх в додзё велся высокопарный японский диалог. Сопровождение Миссис Хасегава было единственным поводом для сеншусей проехаться в лифте. Это было единственным плюсом такой работы.

Миссис Хасегава была нашей учительницей по японскому языку, хотя, боюсь, сеншусей не были лучшими из учеников. Наш японский варьировался от свободного (Уилл и Адам) до спотыкающе-несведущего (Дэнни и Бешеный Пес). Я был где-то посередине, так как брал уроки в течение полугода после своего первого прибытия в Японию. Но все уже знали то, что должны были знать на японском: японский язык айкидо, лающие приказы и команды были поняты на собственной шкуре: пойми или получи наказание. Миссис Хасегава никогда никого не наказывала, для этого она была слишком приятной дамой. К сожалению, это означало, что никто не принимал ее уроков всерьез.

Дважды в неделю она приходила к нам и дважды в неделю мы старательно перелачивали огромные списки глаголов и существительных. Я даже выучил у госпожи Хасэгава правильное написание японского иероглифа обозначающего дикого борава. Ага был самым наглым ее учеником, относясь к госпоже Хасэгава так, будто она не представляла никакой ценности как преподаватель. Это представляло странный контраст чуткому раболепию, которое он проявлял к преподавателям айкидо. Дэнни был худшим учеником, всегда срывающимся на раздраженный английский, "я лишь не знаю ответ, хорошо".

Как только миссис Хасегава препровождалась наружу, чайная комната использовалась по назначению для быстрого завтрака перед тем, как начиналось выполнение обязанностей по уборке. В отличие от непринужденной спальной обстановки в полицейском малом додзё, здесь всегда была атмосфера иступленного напряжения в чайной комнате. Бэн однажды приклонил голову и Мастард сказал ему, что если тот хочет спать, то должен бросить курс. Пол запретил нам слушать плеер. "Это хорошая тренировка, - сказал он, - Все время, что вы находитесь в додзё, вы в состоянии боевой готовности, можете действовать."

Когда атмосфера в чайной комнате становилась слишком тягостной, я запирался в туалетной кабинке и засыпал минут на пятнадцать между занятиями. Это напоминало мне одну из младших школ, в которой я учился, где я прятался в туалете в свободное время, чтобы избежать позора не быть отобранным для игры в футбол.

Одним человеком, с которым мне не хотелось проводить время, был Мастард. Даже само его присутствие рядом нервировало меня и вводило в состояние ожидания упреков и жесткой критики. "Если вы не можете этого вынести, идите домой" - это высказывание ненавидели все из-за намека на то, что мы все были слабыми звеньями. После одной серьезной ругани Мастарда, когда он сказал иностранным сеншусей, что мы теряем время и с таким же успехом могли бы попрощаться с курсом, Бешеный Пес захлебнулся эмоциями, настолько он не мог терпеть иметь противоположное учительскому мнению.

Иногда я замечал, что Мастарда утомляло быть кумиром. Периодически он с тоской хотел быть одним из парней. Он пытался безуспешно быть компанейским парнем, но никто не мог забыть о его ранге и факте, что он хотел уважения не меньше, чем дружбы. Не думаю, что он был готов к началственному одиночеству. Кикучи, наиболее легкий из всех учи-деши, сказал мне, что Канчо-сенсей имел всего четырех близких друзей, которые ходили с ним выпить почти каждый вечер. Никто из них не занимался айкидо. Вероятно, они даже не осуждали его.

Возможно для подражания Мастарду, Бешеный Пес снова начал курить, как собственно и Адам. Бешеный Пес не курил пять лет. Он бросил, поехав в дичайшее десятидневное путешествие на каноэ, взяв в компанию только собаку. "Иногда мне так хотелось закурить, что я скручивал листья и курил лишайник", – сказал он. Бешеный Пес страшился своей жены: "Если она узнает, что я взялся за старое, то точно подаст на развод".

Мне нравился Бешеный Пес с его маленькими нотациями. Когда бы не накладывали мы лед на травмированное место, он повторял как попугай (о том, сколько минут нужно держать лед): "На двадцать наложить, на двадцать убрать, иначе не сработает".

Пугающие слухи появлялись в чайной комнате из ниоткуда. В какой-то момент все были уверены, что человек, доставляющий сок для пополнения автомата был сам великий Такено.

"Посмотрите на постер, если не верите мне", – говорил Маленький Ник.

Когда Мастард услышал это, он грубо заржал. "Когда Такено придет в это додзё, ни у кого из вас, идиотов, не будет ни малейшего сомнения. Он создал вокруг себя пространство, вызывающее чистый ужас. Вы, ребята, наложите в штаны."

Патрик устроил омай, знакомство-сватовство. Мы должны были пойти посмотреть съемку телевизионной викторины, на которой жена Патрика была одним из участников. Одна из подруг его жены, Мариико, пришла также. Она выразила неподдельный интерес к встрече с западным мужчиной. Я был этим мужчиной. Патрик и я спешили, минуя Императорский Дворец на нашем пути, на телестанцию, где должны были встретить его жену и Мариико.

"И как она тебе?" спросил я.

"Очень хороша," сказал Патрик, смотря на свои часы и спеша вперед. Мы опаздывали на полчаса.

"Как она тебе в действительности?"

"Я же сказал тебе, очень, очень хороша!"

"Нет, ну давай, что она действительно хороша?"

"Хорошо. Реально она старая собака. Есть еще вопросы?"

Жена Патрика, которую звали Норико, выглядела поразительно и очаровательно сидя рядом с другими участниками. Игру вела одна из знаменитостей, "торэнтто" как говорят японцы, что является прямой и несоответствующей трансляцией английского слова "талант" (talent). Формат викторины был прост – ответы на вопросы за деньги. Я сидел рядом с Мариико, которая в свою очередь сидела рядом с Патриком. Мариико была очень внимательна и задавала мне много вопросов. Она хорошо выглядела. Ее лицо выглядело очень чистым. Она была одного возраста с Норико, которая говорила что ей двадцать два.

Однажды тарэнтто заметил нас с Патриком, как единственных иностранцев в аудитории. Чтобы глупо пошутить для развлечения он начал говорить на плохом, школьного уровня, английском. Когда он узнал, что Норико была женой Патрика, он попросил чтобы она сказала что-нибудь на английском. Она покраснела и спросила "Почему вы так опоздали?" Камеры сфокусировались на Патрике. Последовала длинная пауза, как будто Патрик выдумывал особенно остроумный ответ, но, в конце концов, его ответом был: "Sorry, Nori" (Прости, Нори). Но аудитория решила, что рифма была намеренной и столь первоклассной, что реакцией стал безумный смех, считая этот семейный спор похожим на кульминацию веселой шутки.

Но шутка вызвала удивление у других участников. Все они были подлинными участниками, пройдя прослушивание перед тем как присоединиться к шоу. Норико была здесь лишь потому, что была знакома с женой директора. Они нуждались в симпатичном лице, чтобы сколько-нибудь разбавить участников в очках, выглядящих посвященными. В то утро директор позвонил ей и задал некоторые вопросы "просто для практики". Эти вопросы оказались реальными вопросами викторины и, поскольку он исправлял неверные ответы Норико по телефону, она ответила на большинство из них правильно. Он также сказал ей один "неправильный" ответ, который она позже покорно повторила в эфир. Аудитория взревела со смехом, поскольку это было нарочито неверно. Норико выглядела сбитой с толку, ее общие познания никогда не были сильны в лучшие времена.

Норико была второй после студента аспиранта, реального кладезя знаний, который одержал победу несмотря на препятствия этому реальных участников. Приз Норико составил 750 долларов. Она и Патрик великодушно согласились взять нас с Мариико с

собой. Мы пошли в ресторан, где среди прочих блюд подавали жаренных воробьев. Я съел семь или восемь воробьев, которые были по вкусу словно обугленные останки костистого цыпленка.

После ужина мы отправились в караоке бар. Я допустил серьезную ошибку взявшись петь песню "Bridge over Troubled Water". Там было слабое сопровождение пианино и мой голос дрожал и звучал жалко, будучи ужасно нагим без обычного массивного музыкального сопровождения, что не могло не вызвать насмешек. Я сказал Патрику, Марику и Норико до свидания, чувствуя, что вечер прошел вполне приятно. Несколько дней спустя я позвонил Патрику и спросил его, каково было мнение обо мне.

"У тебя есть шанс," сказал Патрик.

"Что ты имеешь в виду?"

"Ты ей определенно нравишься..."

"Да?"

"Но она не относится к айкидо серьезно, она обеспокоена тем, получишь ли ты в последствии надлежащую работу или нет."

"Подожди ка, мы же не говорим здесь о браке, не так ли?!"

"Ты никогда не знаешь этого."

"Я знаю точно. Я определенно не говорю о браке на данном этапе."

"Ты никогда не можешь полностью исключить эту возможность..."

"Могу."

"Хорошо. И что мне передать?"

"Я не возражаю против другой встречи, но брак вне рассмотрения."

Патрик позже сообщил, что не последовало никакого ответа на мои слова.

Из-за отъезда Мастарда в Канаду, Пол безжалостно вел нас к первому тесту. Это должна была быть проверка знания базовых техник, как шихонаге и других фундаментальных движений. Мне вдруг пришла в голову идея, что я могу завалить. Это было маловероятно на таком первом, простейшем тесте, но все же возможность не исключалась.

Пол тренировал жестко, но в отличие от Мастарда без всяких психологических игр. Его оскорбления были прямыми и спланированными таким образом, чтобы их можно было принимать в лицо. Когда он хотел быть грубым, он сравнивал нас с полицейскими или обычными студентами.

Каждое утро, перед тем как наступала очередь японского учителя, Пол просто заваливал нас техниками. День за днем заведенный порядок практически не менялся. Но на одном занятии, что-то сдвинулось.

- Продолжайте работать, - заорал Пол, - сила начинает проявляться.

Это был групповой прорыв, мгновенный и абсолютно явный. Я почувствовал что-то, о чем мог только рассуждать до этого: командная сила, которая представляла собой нечто большее, чем просто чувство принадлежности, это было осознание коллективных усилий, которые вытягивают тебя на уровень, недостижимый индивидуально. Мы могли стать значительно лучше, чем полицейские, которые все еще отставали от нас на месяц, и Пол был убежден, что мы покажем себя гораздо лучше.

Все это время Дэнни наблюдал. Через две недели его палец все еще сильно болел, но опухоль уменьшилась. Он пытался выторговать еще неделю отдыха, но к концу недели начал тренироваться с полузажившим переломом пальца ноги.

- Всё еще болит, - сказал он, - но что тут поделаешь? Вы, ребята, меня опережаете.

Тест предполагал выполнение с партнером отдельно от всех пяти базовых техник из списка пятнадцати (или около того) выученных к тому времени. Японские учителя наблюдали и отмечали наши ошибки в блокнотах.

Во время теста я наблюдал со зрительских мест, как Дэнни с трудом выполняет базовые движения, требовавшие поворота на большой стопе. Его лицо было оскалено из-за концентрации или боли. Я знал даже тогда, что он не завалит тест, вне зависимости от количества ошибок. Он уже показывал наиболее важную вещь, что Сато называл "Дух, который подчиняет воображаемых демонов".

Для всех кроме Дэнни это был легкий тест. После выполнения техник, нас собрал Чиди и сказал, что все полицейские и сеншусей сдали.

Некоторые из обычных студентов спросили нас, что произошло с Дэнни. Уилл стал грубым, как только они заговорили о собственных травмах.

- Я недавно смотрел на себя в зеркало, - сказал он мне, - и выработал такой же холодный взгляд, как у прошлогодних сеншусей. Когда обычные люди говорят о травмах и боли, я просто смотрю на них таким взглядом, взглядом сеншусей, который означает "Не говори со мной о боли, парень, ты даже не представляешь где начинается боль".

Мистер Вада сказал мне, что он наконец нашел себе подругу. Я предложил ему сигарету Лаки Страйк и он взял ради эксперимента.

"Как вы думаете, сколько мне лет?" спросил он.

"О, трудно сказать," ответил я. Но в действительности я не хотел говорить, дабы сохранить тонко продуманный ритуал нашей беседы, я не хотел высказывать своё мнение, чтобы не оскорбить его. На самом деле ли он был молод и хотел казаться старше, или он фактически был старше и отчаянно хотел выглядеть моложе? Я мог предположить, что ему было лет двадцать восемь, но учитывая обе возможности я спросил: "Около тридцати?"

"Мне тридцать четыре года," сказал он серьезно.

"Вы не выглядите на столько," сказал я. "Вы выглядите очень молодо." Он был весьма доволен моим ответом.

"И теперь когда вы носите контактные линзы, вы выглядите еще моложе."

Необъяснимым образом мистер Вада начал носить контактные линзы. Я понял теперь, что это было частью его плана, чтобы заполучить подругу.

"Иногда у меня слезятся глаза," сказал он по поводу линз.

"Где работает ваша подруга?" спросил я.

"В офисе," ответил он.

"Она офисная леди?"

"Да," ответил он сомнительно.

"Сколько ей лет?"

"Двадцать пять."

Возможно он был настроен поговорить о девушках вообще, а не о определенной, его подруге.

"Хорошо, что у вас появилась подруга наконец," сказал я.

"Моя подруга не всегда соглашается со мной," сказал он.

"Так."

"Но потому как я люблю ее, я должен пробовать понять ее точку зрения."

"Хорошая идея."

"Таким образом меняется моё мышление."

"Как?" спросил я.

Он начал говорить, но затем лишь качал головой.

"Это странно для меня," сказал он.

Неожиданно нас охватил всплеск шума, когда группа девочек прошла в угол коридора смеясь и размахивая зубными щетками. После каждого урока девочки проводили время за чисткой зубов, как будто лихорадочно пытаясь полностью изменить плохую репутацию японской стоматологии. Группа разделилась на две части и проследовала мимо нас, соединившись воедино с другой стороны. Девочки не были нашими ученицами и игнорировали нас, проходя мимо. По некоторым причинам мы оба с мистером Вада были разделены проходившей группой девочек. Вместе мы наблюдали за их безобидной энергией и живостью, с которыми они неслись вперед к большому стальному умывальнику, чтобы почистить зубы.

9. Самое жаркое лето с 1963-го

"Лучше провести жизнь на ногах, чем умереть на коленях."

Поговорка

"Самурай пользуется зубочисткой, даже если он ничего не ел."

Хагакурэ

Жара. Сезон дождей совершенно не был дождливым. Но он был горячим. Было больше похоже на парниковый сезон. В Фуджи Хайтс с помпой вернулись тараканы, один даже проехался до додзё, спрятавшись в моей сумке. Он сбежал из моего шкафчика и промчался по полу раздевалки прямо перед глазами Стефана Отто. Тот проорал баварское ругательство и категорически запретил нам приносить еду в раздевалки. Затем, без сомнения о справедливости, осмотрел душевые комнаты и обнаружил растущую на стенах плесень. Это было плохим началом дня, ведь за уборку душевых несли ответственность мы с Адамом. Нас перевели туда с туалетных обязанностей с прибытием полицейских. Душевые были приятнее, чем уборка после коллективного испражнения в додзё, но мы стали не столь обязательными в отмывании стен душевых во время холодной погоды. В парниковый период черные пятнышки грибка проявились в течение тридцати шести часов. Мы стали экспертами по использованию всяческих порошков и отбеливающих веществ для избавления от настенной заразы. Щелочной чистящий порошок жег мои босые ноги, пока я стоял, потя и дряя кабинку - и еще не было 8 утра.

Крейг все еще не вернулся из Австралии. Обитатели чайной комнаты растащили стопу газет, журналов, словарей и пенал для ручек с его полки. Я спер его линейку, которую можно было с пользой применить для создания Книги Шикоку – общественного дневника, куда записывалось каждое из наших занятий. От Крейга не было слышно ни слова. Возможно он сдрейфил. Растаскивание его добра означало, что теперь он неофициально был признан невозвращенцем.

Мы меняли партнеров. В этом деле не было выбора. Мне в партнеры был дан Маленький Ник, "армянин". Я думал, что это будет "хорошо для моего айкидо". Я еще не осознавал, что пожалею о том дне, когда потерял Рэма в качестве партнера до конца курса.

Маленький Ник был невысоким и крепко сложенным. У него были немигающие черные глаза убийцы, в которых отсутствовал всяческий блеск. Ему было девятнадцать лет и в драке он был жестким как гвоздь, но когда он возвращался в гайдзиновский дом, где он снимал угол, он сильно тосковал по маминой стряпне и спал двенадцать часов в день, пребывая в затянувшейся ностальгической депрессии. Он недавно нанял "толстых братьев" – двух толстых канадских мальчишек, которые были на каникулах в Японии. Он помыкал ими и заставил их вломиться в соседнюю школу вместе с ним, чтобы плавать там каждую ночь.

Одержимый айкидо с тех пор, как он увидел Канчо-сенсея в канадском турне в 1990 году, Маленький Ник сделал Мастарда своим кумиром, который ответил на почесть. "Ник сдаст мне", – говорил Мастард, потягивая светлое пиво на вечеринке по случаю дня рождения Пола. "Нет", – протестовал я. Я начинал познавать скрытое искусство подхалимажа, но мне нужно было больше практики. Никто не мог опередить Бешенного Пса по этой части. Наблюдая за демонстрацией техники учителем, он небрежно сползал на одну сторону и лаля хриплым хохотом над абсолютной невозможностью всего увиденного. Иногда он шлепал себя по бедру, чтобы подчеркнуть насколько продвинутым был учитель и насколько низким был он. Тренируясь со мной, добрые и покровительственные советы били через край.

По окончании одного из занятий мои доги были насквозь мокрым и непригодным для носки. Только Рэм одевал то же самое доги в течении трех занятий и даже дней подряд. Учителя выражали недовольство нашим классом, говоря нам, что мы воняем. Доги Рэма было подозрительно серого цвета. Стоя в линии для шинкоку, ежедневном построении при полном внимании с поклонами и выкрикиваемыми командами, которое проводилось вне офиса додзё, мы всей группой показывали пальцем на Рэма. На его лице отражались ущемленная гордость и протест – он искренне не знал, что вонял до самых небес. Я дал ему другие доги, часть коллекции спасенной от предназначения быть выброшенной, совершенно подлинное доги Жака Пайета, куртка и брюки, с вышитым азбукой катакана "Пайет" на обоих. Пайета считали равным Мастарду, но противоположным ему – он занимался весьма мягкой, но все еще очень мощной техникой. Не так давно он вернулся во Францию после десятилетнего пребывания в Японии. Невысокий скромный человек, он был одним из немногих иностранцев способных справиться с суперутонченным стилем айкидо Чиды. Я расстроился из-за потери своего сувенира, но это было необходимо, это было как способ поддержать гармонию в додзё.

В чайной комнате появился новый посетитель – Долорес безденежная. Она изучала айкидо в Испании и проехала в Японию, чтобы превзойти своего учителя. Поначалу было приятно иметь новое, женское, лицо в додзё. Оживление спало, когда стало ясно, что Долорес была одной из тех девушек, которые никогда не платили.

Сильная жара того лета принесла с собой больше обычного количества девушек в мини-юбках.

Токио в то время вероятно был столицей мира по ношению мини-юбок. То, в чем японские девушки уступали остальным по части насильного навязывания вида обнаженной груди, они легко компенсировали демонстрацией своих тоненьких ножек. Часто можно было увидеть молоденькую девушку в мини-юбке, шаркающую голубиной походкой, более подходящей для ношения кимоно. Вполне возможно эти девочки никогда в жизни и не носили кимоно. Конечно кривоватая форма ног с вечно стремящимися друг к другу коленями некоторых из них делала голубиную походку наиболее удобной. Однажды я заметил одну японскую девушку с идеально прямыми ногами, какие бывают только у африканок или шведок. Я последовал за ней, пройдя еще несколько домов, чтобы зафиксировать эту аномалию в своей памяти.

В додзё были и другие проблемы, связанные с жарой. Адам и Дэнни были близки к потере сознания от теплового удара. У Дэнни появилась одышка – его дыхание стало похоже на собачье, а привело к опасному виду гипервентиляции, занятие закончилось как только силы окончательно его покинули. Адам принял ярко-красный цвет и Уильям фактически таскал его на себе, пока выполнялась техника, поскольку Адам постоянно падал на пол от абсолютной усталости.

Бэн дважды потерял сознание и был приведен в чувство, только чтобы отключиться в третий раз. Он сказал мне, что предупреждающим сигналом теплового обморока становится звон во рту. Адам подтвердил то же самое. Бэн был поставлен на ноги Агой, но до этого

мягкий Чида успел сделать ему выговор. "Усаги тоби, Бэн", - сказал Чида. Когда Бэн не понял, Чида сказал на английском: "Кроличьи прыжки". Бэн ухитрился сделать один круг по залу прежде чем потерять сознание снова. Это было необычно строгим обращением со стороны Чиды, но на этом занятии за нами наблюдала группа официальных лиц, представлявших полицию.

После занятия мы силой влили жидкость в Бэна и поставили его под холодный душ. Необычным образом проявив свое участие, Чида явился в раздевалку, чтобы посмотреть в порядке ли Бэн. Он сказал Бэну каждый день подмешивать соль себе в питьевую воду. Это был единственный раз за все время, когда Чида посетил раздевалку. После ухода Чиды Кикучи, учи-деши, воскликнул: "Ёшинкан айкидо - это камикадзе!"

Я научился не тратить больше силы, чем требуется, пытаюсь продержаться на выполнении базовых техник, чтобы уменьшить напряжение. Между занятиями я выпивал два или три литра жидкости, не избавляясь ни от единой капли.

По ночам иногда были грозные мелкие дожди, но все высыхало слишком быстро. Сезон дождей просто решил не приходить.

Мы прошли базовые техники и теперь начался месяц сувари вадза. Сувари означает техники сидя, и выполняются они в положении на коленях. Все повороты делаются на колене и в результате с этой нежной части тела кожа быстро стирается. Крис проинформировал меня, что на коленях невозможно отрастить мозоли. Я парировал, приведя в пример детей-волков, обнаруженных в Бангладеше с огромными мозолями на ладонях и ладонях, образовавшихся от неумения ходить. Многие уроженцы запада придерживались мнения, что тренировка сувари была подобным ненужным регрессом.

В журнале додзё была опубликована история о выпускнике полицейского курса предыдущего года, кто, будучи японским полицейским детективом, был вынужден войти в дом полный вооруженных подозреваемых. Он избежал выстрелов, быстро войдя в дом на коленях. Сообщалось о его благодарности за всю практику хождения на коленях, полученную в додзё Ёшинкан. Менее вразумительным объяснением было то, что из-за того, что так тяжело выполнять техники на коленях, когда ты их изучишь, выполнение тех же техник стоя не составит проблем. Движение бедер является фундаментальным в приложении силы айкидо. Сувари вадза, как нам сказали, поможет нам постепенно наработать силу бедер.

Ценой этому была кожа на коленных чашечках. В первый час практики поворотов я стер с коленей кожу размером с ладонь. Я напучивал противоречивых советов о том, как ускорить их заживление. Пол посоветовал втирание алкоголя. Рэм сказал ничего не делать. Бен предложил антисептический крем. Я попробовал все три способа и ни один не сработал - колени сочлись гноем через пару дней. Независимо от того насколько они заживали за ночь, тренировка на следующий день снова растирала их в кровь и когда кожа для истирания заканчивалась, начинало стираться мясо. Каждый поворот превращался в значительное усилие воли. Ощущение напоминало вкручивание болтов в коленные чашечки. Это было неприятно чувствовать и неприятно наблюдать и каждый вечер я пытался изобрести новый метод защиты.

Наколенники стали большим вопросом, фактически они стали ВОПРОСОМ - одевать их или нет. Никто из учителей не носил "защиты". Все гражданские полицейские носили, некоторые из них - весьма крупные волейбольные наколенники, которые постоянно приходилось поправлять под штанами доги. Ношение защиты считалось выражением слабости, поскольку защита мешала быстрому выполнению техники. Это было схоже с дискуссией по поводу использования шлемов в велогонках - эксперты этого не делали, а потому никто из серьезных претендентов тоже не должен был.

Пол сказал мне, что после месяца издевательств коленная плоть начинает заживать изнутри. Поначалу она пытается заживать с краев, как в случае обычной раны, но поскольку образующаяся короста ломается каждый день, этот способ неизбежно терпит поражение. "Тело это понимает, - сказал Пол, - и тогда оно начинает заживать из-под раны. И после этого у тебя никогда больше не будет проблем."

Месяц агонии, чтобы опровергнуть текущие медицинские убеждения о необходимости отдыха для адекватного заживления - именно это предлагал Пол. Стефан и Даррен его поддерживали. Они были действительно крепкими парнями.

Адам и Уилл носили наколенники с начала курса. Они предпочитали резиновые трубчатые варианты из материала для гидрокостюмов, но они перекрывали ток крови к стопам во время сидения в сейдза. Ага, поначалу хваставший отсутствием наколенников, вскоре надел пару. Бешеный Пес и Маленький Ник последовали за ним, и вскоре все одели наколенники. Дэнни был последним сдавшимся, но его спецназовский дух все же покинул его вместе с двумя лужами крови, которые постоянно сопровождали его, когда бы он ни присаживался на колени. Я потратил тысячи йен на наколенники. Я перепробовал все варианты с алчностью человека на религиозном пути к освобождению. Я обрезал задние части наколенников, чтобы адаптировать их по форме к моим собственным особенно шишчатым коленям. В результате я отказался от наколенников в пользу бинтов и

пластыря, поскольку задняя часть наколенников больше вредила моим ногам, чем того стоило.

Наматывание бинтов стало длительным ритуалом, который поглощал большую часть времени отведенного на уборку в душевой, но я не хотел заниматься бинтами сразу по приходу в додзё, потому что к началу первого занятия они были бы насквозь потными и кожа размягчалась бы достаточно, чтобы облезть. В итоге я стал прятаться в туалетной кабинке перед занятием, чтобы не было очевидно, что я не мою душевые, которые в любой момент могли перейти в угрожающее состояние. "У нас нехватка рабочей силы, - сказал я Адаму, - Нам нужны дополнительные руки." Адам вытирал пыль верха ящиков и пылесосил. Я отвечал за зеркала и четыре душевые кабины. С тех пор как Крейт уехал, нам действительно не хватало рук - в то время как убиравшие додзё делали гораздо меньше работы чем мы. Но я нашел своеобразный успокаивающий ритуал в отмытии и полировании. Образование нового места, где собиралась грязь, всегда меня радовало. Я открыл для себя полоску пыли в каждом отверстии каждого ящика. Я честолюбиво планировал свой путь через всю раздевалку, полируя каждое отверстие до конца курса. Это было чем-то, приносящим удовлетворение, не требующим навыков и не ведущим к тяжелым наказаниям. "Мы станем самыми крутыми уборщиками в мире после всего этого" -, сказал Адам, пожалуй, в пятидесятый раз. Шутка иссякала.

Мы сверялись с термометром каждый день. Постоянно держалась температура в 38 - 40 градусов при 75 процентной влажности. В газетах писали, что это лето было самым горячим после 1963 года. В додзё был кондиционер, но он никогда не включался. "Хорошая тренировка," говорил Пол.

Будучи на татами Малыш Ник проявлял скудное уважение к такой старой развалине как я. Старый! Мне было всего тридцать, но в глазах этого девятнадцатилетнего парня я был поколением его дядей и теток, то есть реально пожилым. Выдержка, как я понял, не была главной проблемой. Я верил, что выдержка возрастала с возрастом, переходя в разряд достоинств. Несмотря на жару мне сопутствовала удача не заполучит никаких неприятностей, вдыхая душный перегретый воздух в додзё. Малыш Ник также не имел проблем, и хотя он жаловался, что "не любил не быть способным дышать", я предположил, что он был скромен.

Возраст для меня был меньшей проблемой, чем отсутствие способностей в технике. Каждый второй день нам давали учить новую технику, я схватывал медленнее остальных. Пол говорил об этом по-другому: "Учишь техники ты быстро, но похоже не запоминаешь их, а просто возвращаешься к старому способу их выполнения".

Никто из сеншусей больше не носил штанов. Мы ходили в шортах или укороченных брюках. Штаны приносили слишком много боли израненным в кровь коленям. Сидя в поезде, я наблюдал зачарованные взгляды, направленные на безобразные открытые раны на обоих моих коленях. Ничего, думал я, пусть погадают о причинах.

У Мастарда умерла мать и он вернулся из Канады. Было приятно его снова видеть, но удовольствие продлилось не более дня. Глянув на мои колени, он сказал: "Хуже коленей я не видел со времен Тима Джойса". Тим Джойс был известен именно своими коленями, которые стали олицетворением страданий, отведенных на душу сеншусей. Из-за проблем с визой Джойс пропустил первую часть курса предыдущего года. Прибыл он уже в трудный период тренировок, что не дало ему шанса на акклиматизацию, и его колени сильно страдали 9 месяцев, не успевая заживать.

После субботней тренировки я пригласил Бэна в Фуджи-Хайтс. Я направил вентилятор на свои гноящиеся колени, чтобы подсушить их к вечеру. Даже когда они подсыхали, я старался не сильно их стигать, иначе они трескались и вокруг моих лодыжек собирались подтеки желтого гноя. Бэн самостоятельно приложился к виски "Дикая Индейка", хранящемуся в аквариуме Канчо, хотя до этого он всегда мне говорил, что не любит крепкие напитки. Я и сам сделал несколько вливаний и почувствовал себя значительно лучше. Через несколько минут мою голову потянуло вперед и мы оба заснули за столом. Когда я проснулся было темно. Я посмотрел наружу через открытое кухонное окно на заполненный велосипедами двор снаружи Фуджи Хайтс. Я мог слышать насекомых, цикад стрекочущих в соседнем кедре, не так громко как осенью, но весьма громче чем за границей, не так как в Англии. Все еще было до абсурда жарко, жара была присуща японской летней ночи, которая так или иначе ощущается приветливой. В такие ночи нет никакого легкого ветерка. Это как темнота в закрытом помещении, будто все ночное небо - невидимый стеклянный купол и вы идете словно в саду оранжереи. И так или иначе иллюзия поддерживается звездами, которые по ночам кажутся гораздо ближе, чем они есть на самом деле, словно огни в своде стеклянного купола. Вы можете протянуть руку и коснуться их. В Японии очень мало ароматов, но они ощутимы в вечернем воздухе, и которые вы чувствуете как форму вокруг вашего тела. Единственный аромат - аромат сырости, озоновых испарений, который приятно растворяет все.

Удивительно, что еще не было восьми. Я почувствовал, что мои силы восстановились и я был полон спокойной энергии. Я разбудил Бэна и настоял на поездке в город в поисках

приключений или чего-нибудь другого достаточно отвлекающего от надвигающегося вторника, дня возобновления методичных попыток. Почему бы все просто не бросить? Очевидно, было, что мне это не приносит абсолютно никакой пользы. По такому пути мои мысли следовали постоянно и, когда они достигали этого вопроса, я напоминал себе вновь, что занимаюсь тем, чем мне хочется, тем, что я сам выбрал. Это само по себе делало меня счастливее девяти десятых населения. И те небольшие испытания и неудобства, с которыми я сталкивался, в конце концов должны были закончиться. Всегда имей дело с тем, чем является боль, а не тем, что она означает.

После еще одного глотка виски мы отправились на станцию. Курс был забыт, имела значение только эта ночь.

От поезда пахло сезоном дождей, влажным, кондиционированным, прохладным воздухом, немного аммиачным от пропитанной потом вагонной обивки. Бэну и мне на двоих досталась целая лавка. Никто не хотел сидеть рядом с нами, если только поезд не был ненормально переполнен. Это я легко принял в Японии – японцы были иррационально нервными и не хотели сидеть рядом со мной в поезде. Иногда я замечал, как люди вставали из-за меня, чтобы уйти продвинуться подальше от меня по вагону, притворяясь, что собираются выходить, но не делая этого на самом деле. Я развил в себе шестое чувство, определяя, кто уходит по разумным причинам, а кто из предубеждений. Криса это беспокоило достаточно, чтобы обсуждать эту тему в оскорбленном тоне. Он предложил развернуть маечную кампанию в целях борьбы с несправедливостью. На майках было написано "Рад быть Гаем" как в слове гайдзин.

Были времена, когда я наслаждался фактом, что от меня отодвигаются люди. Я понимал, почему черным легко удавалось запугивать белых вместо того, чтобы раздражаться по поводу дискриминации. Если кто-то иррационально тебя боится, тяжело не сыграть на их страхе.

Поезд заворачивал по медленной кривой на станцию Икебукуро и мы побежали через толпу на пересадку на линию Яманоте. "Слишком жарко для бега", проорал Бэн, но продолжил бежать из естественного чувства соревнования, или просто не желая отстать.

Мы втиснулись в поезд южного направления рядом с красивой японской девушкой в белом пластиковом платье, белых пластиковых сапогах на пятидюймовых платформах, с пероксидными светлыми волосами и тяжелым взглядом.

- Она выглядит белой, - сказал Бэн.

- Как стирают пластиковые платья? - спросил я.

- В холодной воде, - ответил Бэн, - Пошли, - сказал он, вытягивая меня из поезда, - это наша остановка.

Мы направились в изакая, огромную открытую пивную, где истеричные группы служащих, офисных дам и студентов сидели за дай-джокки пенящегося светлого пива. Дай-джокки представляет собой около литра пива, за исключением того, что верхнюю треть составляет только пена, поэтому больше похоже на пинту. Бэн пристал к ним с требованием, чтобы убрали пену. Для флегматичного австралийца семи футов роста он выглядел слишком живым, если не перевозбужденным.

"Я плачу не за пену", - сказал он официантке. Она вернулась с первой дай, что я видел в своей жизни. Я попробовал проделать то же. После этого к нам пришел менеджер и сказал: "Стиль дай-джокки предполагает наличие большой пенной верхушки". И мы вернулись к пенному варианту.

Вскоре появился Патрик с "вечеринкой". Мы отмечали открытие новой языковой школы, где работал Патрик. Он привел с собой в изакая большинство своих студентов. Все были девушки.

"Будь немного осторожен, - сказал он, - Это мой хлеб с маслом."

Я посмотрел на девушек. Временно мое зрение ослабло, когда Бэн швырнул часть пены на мои очки. Он продемонстрировал девушкам свое отвращение к пене. Они с готовностью прыснули над действиями семифутового дитяти. Ослабленным зрением я разглядел высокую, низкую, толстую, худую, нет, две худых, нормальную, красивую и очень красивую.

Я протер очки. Пиво Кирина наверняка переполнено химикатами - на моих очках уже прирос его твердый осадок.

Я говорил с Патриком. Он мне рассказал об окончании возведения храма из пивных банок в своем туалете. "Ага, - сказал он, - заставил каждую стену. Одна тысяча четыреста семьдесят семь банок. Я подсчитал их, сидя на толчке. Это что-то вроде медитации." Шутит ли он? Он посмотрел на меня искоса твердым взглядом, выдыхая дым Мальборо.

- Что дальше? - спросил я. - Кухня?

- Жена мне этого не позволит, - ответил он с полной серьезностью. - Она провела черту у туалетной двери, сказав "Ни одна банка не пересечет эту границу."

Я задумался, откуда берется загадочное спокойствие Патрика. Может быть все дело в его бесстрастном голосе. Или его твердый взгляд. Или алкоголь.

Патрик относился к айкидо скептически. Он был высоким, может быть шесть футов и один или два дюйма (190 см) и считал, что может продержаться в потасовке. "Дело не в потасовках", - протестовал я. "А в чем тогда?" - с небольшим удивлением парировал он. Я старался как мог, пробуя на нем недавно выученные болевые, и обнаружил, что его тело еще менее гибкое, чем мое - должно быть я все же чему-то научился за недели тренировок. Я показал ему несколько изящных контролей на локтях и ловких ударов в челюсть. Он все еще казался неубеденным. Проблема в демонстрации айкидо в том, что если другой человек не знает айкидо, то травма практически неизбежна. Я объяснил это Патрику и он медленно кивнул. Я был уверен, что он мне не поверил.

Каким-то образом мальчик Бэн взял власть в свои руки. В пьяном вихре он возвышался как каланча, вокруг которой мы веселились. Он предложил переместиться. Две девчонки повисли на его руках и таращились восхищенными глазами. Он проорал мне: "Роллинг Стоун!"

Встроенный в честь знаменитой британской рок-группы, хотя и 97 процентов японцев считали ее американской (так же как невероятно как и то, что 68 процентов верили, что Роллс-Ройс были немецкими машинами), клуб "Стоун" на самом деле оказался вшивой дырой, переполненной отчаянных пьянчуг и любителей потанцевать с обслуживающим персоналом в виде угрюмых байкеров. Диск-жокей сидел за ограждением, напоминающим деревянные клетки для кур или кроликов и крутил нескончаемый тяжелый рок. Определенными вечерами давали только песни Стоунов, но такие вечера не были самыми популярными. Это было единственным местом в Японии, где я видел знак "не драться".

"Стоун" был известен иностранцам, но их количество там не доминировало, во всяком случае не так как в больших клубах на Роппонджи. Из-за того, что в Роппонджи находились основные стрип-клубы и шумные дискотеки, это было основное место съема в Токио. "Стоун" таким не был, там в основном тусовались промышленящие в районе Кабуки-чо уличные банды. Более того, "Стоун" был в центре территории, где за шестьдесят лет до нас бродил Канчо-сенсей в надежде ввязаться в драку с бандитами того времени. Закралось ли такое в мысли Бэна? Или мои? Или было просто совпадением, что мы жаждали каких-то событий в этом месте?

Самая известная потасовка с участием Канчо случилась, и положила начало его знаменитому "70 процентов уличной драки - это атеми (удары)", через три здания от "Роллинг Стоун", районе все еще известном своими сутенерами, проститутками, гангстерами, бездомными, трансвеститами, голубыми, мальчишками в наём и офисными служащими.

Но Шиода не был ни офисным служащим, ни очкариком, желающим напиться и в приступе порока спустить зарплату на ветер. Он был крепким ублюдком в поисках материала для битья, естественно расправиться с которым он собирался высоконаучным способом.

Мастер Уэсиба строго наставлял учеников: "Какой бы ни была ситуация, не стремитесь ввязаться в драку". Но как и хорошие ученики в других местах, они абсолютно проигнорировали его.

Шиода и его приятель заметили бандитов, стоящих без дела на углу района Кабуки-чо. Они прошли вразвалочку между ними, без сомнения растолкав их плечами в соответствующей тому времени манере, чтобы завязать драку.

Парень из банды с вызовом сказал Шиоде: "Мы члены такой-то банды - может будешь поосторожнее?"

Шиода ответил: "Мы члены айки-банды - и это тебе надо быть поосторожнее".

Еще не получив ответа, Шиода понял, что разговаривал не с лидером банды, тот по его мнению должен был оказаться самым твердым орешком среди всех. Уголкем глаза он отметил самого высокого из всех мужчину, крепко сложенного и с явным интересом наблюдающего за происходящим. Без предупреждения, Шиода подошел к нему и со всей силы врезал ему в солнечное сплетение. Это было не очень спортивно, но навяло еще одну любимую цитату основателя: "В бою против большого количества, всегда совершай первый удар против сильнейшего".

Сильнейший сложился пополам от боли и драка началась. Растерявшись от раннего поражения лидера, банда вскоре была раскидана неожиданно умелым Шиодой, наиболее смертоносной "золотой рыбкой" из всех, что большинство из них встречало.

Рассказывая эту историю в своей автобиографии, Шиода рисует нам картину, где он вместе со своим коллегой по татами, потирает на радостях руки от осознания, что айкидо таки работает и что все тяжелые тренировки не оказались напрасными.

В Англии, люди, которые любят подраться, могут найти то, что ищут в пабах или на футбольных матчах. В Японии же совсем нет такой "задиристой культуры". Со времен 1960-х, банды байкеров, или босозоку, стали известны как "заповедник" для молодежи в поисках насилия. Два года назад западный журналист был убит во время фотографирования такой банды, но все признали, что это необычное событие. Фильм Черный дождь, с Майклом Дугласом в главной роли, показывает специфику хорошо организованной и злобной банды байкеров. Тех, с которыми встречался я и те, с которыми катался Рэм, можно было

назвать гораздо более пассивными. У них было больше общего с гонщиками Ace Cafe 1950-х чем с Ангелами Ада.

Люди считали босоножку наёмными центрами для приема на службу в якузу. В Кабуки-чо якудза выставляла себя на показ. Нося короткую химию и вода большие черные Мерседесы, они выглядели гораздо опаснее средних японских законопослушных граждан. Банды, которые придерживались каких-то музыкальных стилей обычно были безвредными, даже если для соответствия моде и носили обычные или автоматические ножи.

Возле Хараджуки находится Шибуя, с кварталом розовых освещенных неонами гостиниц для жаждущих любви. Место довольно скучное, но Сента-гай, в дословном переводе "центральная улица", была немного жестче. Там странным образом могли и зарезать, и избить, что делало это место заповедным для большинства пуритански настроенных японцев. В состав банд, крутящихся в том районе, в основном входили отбросы и беглецы; все же эти банды не представляли большой физической опасности и убивали в основном одиночных студентов университета, наиболее беззащитную ночную добычу.

Рок-н-рольщики в Кабуки-чо, слоняющиеся по мелким барам о темных аллеях, тоже отличались. За тщеславие и самовлюбленность, Патрик их называл подружками бандитов. Многие из них носили дреды, обрабатывая прямые японские волосы химикатами, чтобы они выглядели тусклыми. Будучи старше основного сборища в Шибуя, около двадцати пяти-тридцати, некоторые из них выглядели заметно потрепанными. Знак "не драться" в "Стоуне" был адресован им. Они были профессиональными уличными людьми, с налетом уличной крутизны, которая держится и на более хилых экземплярах, не имеющих уважаемой работы, живущих ночной жизнью и получающих удовольствие от дрожи насилия, обещанной поздними барами и другими местами сборищ.

Как бы Канчо использовал таких уличных агрессивных людей? Один на один - наверное никак. Но в случае нападения банды, есть риск невезения - можно споткнуться и упасть, поэтому честной игры ждать не приходится. Если повезет запинают ногами, а если нет, то зарежут.

Я видел как в Шибуя студенты открыто смеялись над человеком на костылях, с болью передвигающемся по Сента-гай. Чтобы стало еще смешнее, один молодой парень не старше двадцати, выбил один из костылей. Я прорычал несколько английских ругательств и калека, не оглядываясь, уковылял прочь. Но студенты до моего взрыва, от которого они моментально остолбенели, смеялись и шутили по поводу невезения калеки. И это была смешанная группа, все из уважаемого университета, мальчики и девочки из "приличных" семей. Японцы, как ни одна другая нация по моему опыту, имеют великую способность дистанцировать себя от побежденных неудачников.

Ничего не боясь, наша пьяная компания ввалилась в "Стоун". Патрик заказал бутылку крепкого напитка и много содовой. Он позабыл о своих опасениях потерять лицо перед студентками. Мы влились в тесную группу веселящихся. Это получается в Японии лучше, чем в каком-либо другом месте. Вообще-то, одна из девчонок все еще держалась в стороне, она пользовалась стандартным объяснением "мой поезд скоро уходит" и, оставшись без халаящиков, вечеринка достигла своей критической массы.

Ди-джей скрючился в своей птичьей клетке и казалось без конца наигрывал Red Hot Chilly Peppers 'Give it Away'. Пропотевшая яма в центре "Стоуна" взорвалась неистовым танцем. Столь единого, абсолютно серьезного и маниакального танца я еще не видел никогда. Без малейшей иронии или смеха, отдаваясь такому нелепому действу, это было проявлением поиска полного освобождения подавленной человеческой природой.

Вспыхивающие огни на потных лицах словно говорили о дьявольском чистилище, которым была эта бесконечная дискотека, где вы были приговорены были танцевать, словно ваша жизнь зависела от этого, пока Бог не решил бы, что вы искупили свой земной грех. Я пил потягивая джин с содовой и сидел словно загнипнотизированный. Было слишком опасно присоединяться к этому действу больше чем на один или два танца. Вы рисковали быть втянутым в это прохочущее безумие. Я мог также потерять свои очки снова, как это случилось в прошлое моё посещение Стоун. Они были сброшены далеко с моего лица в то время когда все бешено начали топтать ногами, и я по дурацки опустившись на колени, шаря руками по влажному усыпанному окурками полу в поисках своих очков. Это было большой ошибкой. Толпа нахлынула на меня и я был почти до смерти растоптан. В панике я пополз вперед к девушке, которая тряслась в танце передо мной. Я едва привлек ее внимание, хотя я и обнаружил свои очки именно в ее кружевной блузе, я поблагодарил ее и покинул танцпол, чтобы никогда более туда не вернуться.

Джин с содовой действовал с медленным но коварным эффектом. Просто красивая девушка обнажила набор зубов, которые двоились и троились в моих глазах. Они казались зафиксированными в скобы, стянутыми и заключенными в металл глубоко в ее улыбающийся рот. Как могло быть, что столь много зубов были втиснуты в один рот. Это было вне моего понимания. Она говорила мне о телевизионной коммерции за стаканом яблочного сока, с которым она появилась. Я ожидал другого случая увидеть ее зубы. Она была первым человеком, которого я когда либо видел, у кого в двадцать лет сохранились

молочные зубы и рядом с которыми выросли коренные. Это было похоже на что-то из греческой мифологии. Я повернулся к девушке выглядящей нормально, освященное лицо которой, в искусственном и возвышенном свете Стоуна, теперь казалось весьма красивым. Ее зубы были маленькими и прекрасными. Она была весьма очарована безумием, которое творилось там. Там было слишком шумно, чтобы говорить ей какие либо остроумия или другие глупости. Я посадил ее на свои колени и она немного поерзала в смущении.

Затем ад вырвался наружу. На танцполе возникла какая-то перебранка между садистом и парнем, одетым как точная копия Сида Вишеса, ссора быстро переросла в соревнование по пощечинам. Они толкались и хлестали друг друга по щекам как школьницы. Потом садист в кожаном жилете грузно рухнул на пол с пивным стаканом в руке, который каким-то образом разбился еще до удара об пол. Струя крови брызнула мне на рукав рубашки. Порезавшаяся девушка завопила диким фальцетом, что оказало обратную реакцию - люди держались подальше, как держатся подальше от закалываемой свиньи. Парня на полу, между тем, запинывала толпа из агрессивных мужчин и женщин. Скромные и, как мне казалось, довольно обыкновенные японские девочки навалились на парня с невероятным рвением и фанатическим удовольствием. Эти девочки носили ножи и сапоги и не были знакомы с парнем, лежащим на полу. Они не знали и как выглядит Сид. Инстинктивно они решили навалиться на упавшего мужчину, как на проигравшего. Это было одной из наиболее шокирующих вещей, которые мне довелось увидеть.

Садиста как-то оттащили и поставили на ноги друзья. Порезанную девушку осматривал один из голубых байкеров-барменов. Ди-джей из птичьей клетки призвал всех к порядку и поставил Red Hot Chilly Peppers в пятый раз.

- Ты это видел?" - спросил я Патрика.

Он кивнул, пристально уставившись на меня.

- А где Бэн? - Бэн смотался незамеченным. Одна из девушек тоже исчезла.

- Может в туалете, - сказал Патрик, - Там дикая очередь.

- С девушкой? - Вопрос остался без ответа. Какая-то суета происходила у входной двери, но было сложно увидеть. Патрик приподнялся, чтобы разглядеть получше. Его голова практически касалась крыши потного подвала. Люди повернулись и уставились на его неожиданно высокий рост.

- Что происходит, - спросил я.

- Не вижу. Но, кажется какая-то возня.

- Забудь, - сказал я, - Это нас не касается. - Эту фразу я слышал в Японии бесчисленное количество раз, на сейчас, когда я ее повторил сам, он показалась фальшивой, будто сказанная не мной. Патрик сел. Я выпил еще немного джина с содовой. Лед весь растаял, испортив вкус и на четверть заполнив стакан. Патрик хлестал воду. Девушка тревожно, но все же красиво, дернулась на моем колене. Ее звали Сара, что было редко в Японии, хотя и считалось что это японское имя. Ей было девятнадцать и она только что закончила среднюю школу. Она сказала мне что работала в супермаркете, где клиенты иногда заставляли ее плакать.

Послышались тяжелые удары в дверь, которая затем распахнулась внутрь на ведущую вниз лестницу. У двери явно шла какая-то перебранка, но все еще было слишком много людей, чтобы что-то разглядеть как следует. Музыка остановилась и через колонки прозвучало объявление. Ди-джей просил пока всех оставаться в клубе, поскольку на улице происходили какие-то беспорядки. Двери были заперты, что наверняка нарушало все правила пожаробезопасности, но "Стоун" был таким клубом, который наверняка завершит свое существование в показательном фейерверке или поджоге во время ретроспективы Бо Дидлы, или от гранаты домашнего производства, брошенной недовольным членом-основателем японской красной армии.

После объявления и прежде чем музыка заиграла вновь повисла мрачная, потная почти-тишина, когда все что можно было услышать это тяжелые топ-топ-топ у клубных дверей. С того места, где я сидел, сквозь танцевальную яму, я мог видеть у входа прогибающиеся и вздрагивающие от ударов двери. В конце концов жуткое ощущение стерлось. Снова зазвучали Red Hot Chilly Peppers. Я вернулся к джину и талой воде. Сара, экс-ученица средней школы, покинула мое колени. Теперь я разговаривал с круглолицей Таэко, у которой были сильно химически завиты волосы. Она рассказала мне, что только что перестала быть собачьим косметологом.

"Почему?" спросил я.

"Сначала я любила собак, именно поэтому я училась делать им прически. Но день за днем подстригая собак и обрезая им когти, я начинала ненавидеть собак. К тому же владелец салона заставил меня спать по ночам в зоомагазине со всеми собаками." Она болезненно улыбнулась мне.

"Ты спали с собаками!"

"Там была невыносимая вонь, но через некоторое время ты перестаешь замечать неприятный запах. Но я начала ненавидеть собак, поэтому я ушла."

"Размышляя над этим," сказал я небрежно, "я пришел к выводу что ты действительно похожа на собаку, может сенбернара или что то в этом роде."

Таэко посмотрела на меня весьма серьезно и сказала по английски: "Ты это говоришь потому что я ... полная?"

"Нет. Нет. Нисколько."

Где же Бэн? Удары с новой силой начали сотрясать дверь, послышался треск и дверь распахнулась настежь. Два иностранца, один блондин и один брюнет, ввалились кубарем через дверной проем, как путешественники во времени, которые только прибыли в другую страну. Они пошли к бару, пытаясь делать вид, что это не на них сконцентрировано всеобщее внимание, но это им не до конца удалось, несмотря на затихающих рев музыки и рассеивающееся внимание публики.

- Давай выясним, что происходит, - сказал Патрик, - Ты идешь?- продолжал настаивать он.

- Хорошо, - сказал я. Мне было интересно попытается ли он мне что-то доказать.

Блондин был низкорослым и молодым - мне показалось не старше двадцати двух или двадцати трех - и трясся от страха. Впервые я видел человека, чьи глаза были расширены от страха. Он оглядывался по сторонам и вокруг, пока говорил.

- Их там сотни, - сказал он.

- Ты о ком? Что случилось?

- Они решили, что я пинал парня из их банды, когда он лежал на полу. Но я этого не делал. Я был здесь со своей девушкой.

Девушка видимо испарилась.

- Я видел, - сказал я, - Парня пинали только японцы, в основном девушки, как мне показалось.

- Но они так не думают. И они ждут снаружи. Как я теперь попаду домой? Они меня схватили, именно поэтому мы и долбили в дверь, чтобы попасть обратно внутрь.

Трясущимися руками он прикурил сигарету Мальборо.

- Они там меня ждут. Они хотят до меня добраться. Их там было двадцать или тридцать.

Он был совсем молодой, невысокий, с квадратной головой, среднего телосложения, - но совершенно был не готов к бою. Темноволосый парень, сопровождавший его, был постарше, американец. Он тоже курил.

- Там было страшновато, - сказал он.

- Что ты хочешь делать? - спросил меня Патрик. Несмотря на весь разбавленный джин, что я успел потребить, мне не нравилось, как он пытался меня втянуть в это дело.

Пока мы разговаривали, со стороны входа нахлынула толпа. Белокурый австралиец тут же был окружен японцами в кожных куртках и с дредами. Это собралась вся мощь банды. Мы все были окружены бурлящей массой тел. Я попытался прорваться к австралийцу, которого толкали в сторону двери. "Что происходит?", - орал я. Члены банды теснились позади. Я повернулся к Патрику: "Подвинься, пропусти их, уйди с дороги!" Это была страна ножей, самый плохой вариант - это оказаться среди людей с ножами. "Всегда дерись, имея позади стену", - говаривал Крис. Мы были окружены в темном клубе безымянными головорезами. Нет ничего сложного кому-нибудь пырнуть тебя ножом и свалить. Со всей толкотней и дикими плясками, они скорее всего не найдут твое тело пока не примутся за уборку на следующее утро. Патрик пытался говорить с пятью людьми одновременно. Я дернул его за плечо и мы вырвались из толпы вокруг австралийца. Мы увидели его беспомощное лицо, бледное и испуганное, исчезающее в двери, когда его вынесла волна членов банды. И он тут же исчез, а дверь с грохотом захлопнулась. Клуб вдруг показался пустым и мирным, но дверь, массивная и захлопнутая, таранилась на нас с упреком.

Вернувшись за стол, мы объяснили, что случилось. Девушки сказали: "Это ужасно." Ни у кого не возникло предложений.

- Что там с ним будет? - спросил я Патрика.

- Наверное выбьют из него все дерьмо.

- Но мы не можем быть в этом уверены, правда?

- Нет.

- Мы должны были позволить им его забрать, - сказал я, чувствуя немного менее уверенным в невмешательстве, чем это прозвучало. - Мы должны были позволить им его забрать. Мы ничего не могли поделать. Нас вполне могли прирезать в этой суматохе.

Патрик прикурил еще одну сигарету и спокойно глотнул джина.

"Что мы собираемся делать? - спросил я. Я огляделся вокруг. Было около четырех или пяти иностранцев, рассеянных по клубу. - Мы могли бы заручиться поддержкой. Сформировать отряд гайдзин."

Патрик посмотрел вокруг и потом на меня. Я знал, о чем он думал. Я тренировался каждый день уже пять месяцев. Для чего я тренировался? Для чего? Для этого. Вот к чему все пришло.

"Меня это не слишком радует", - сказал я.

"Да ладно, - сказал Патрик, - Он там один, сам по себе. Мы должны что-то сделать." Мы подошли к американцу, парню, который пробил себе путь обратно в клуб вместе с испуганным австралийцем.

"Мы думаем помочь твоему другу", - сказал я.

Американец казался, нервничал. "Он не мой друг, нет. Я о том, что только встретил его, когда был там снаружи. Я его практически не знаю".

"Ты нам поможешь?" - спросил Патрик, наклоняясь над ним.

Американец быстро взглянул вверх. "Нет, я же говорю, я не знаю парня. Правда не знаю. Извините."

Мы пошли к столу, где два иностранца разговаривали и пили пиво. Они были примерно моего возраста или немного старше. Я повторил просьбу. Один, англичанин, ответил, Он растягивал слова и судя по всему был пьян: "Меня не парит, понятно? Я пришел сюда тихо выпить и остальное меня не парит". Он взглянул в поиске поддержки на своего друга, который носил каплевидные очки. Друг отвел глаза.

"Это не наше чертовое дело, - продолжил англичанин, - Я видел тех ребят. От них одни чертовы проблемы, - он неловко заглотил пива из бутылки, - И мне плевать."

Я отвернулся.

- Мы теряем время, - сказал я

- Значит, остаемся только мы.

- Похоже на то.

Я открыл большую деревянную дверь клуба с загробным предчувствием, которое в тот момент, неожиданно затмилось необычным чувством любопытства. Ни капли страха, только невероятное любопытство. Что мы увидим наверху этой лестницы? Что мы будем делать?

Мы поднялись по ступенькам и ступили на многолюдную освещенную улицу. Банда и ее тени окружили нашего австралийского друга. Его лицо было покрыто розовыми пятнами и его пихали вперед назад, насмехаясь перед тем как толкнуть его на землю и обработать ногами.

Мы плыли через двадцать или тридцать человек, которые окружали испуганное лицо. Я, словно впервые, обратил внимание на то, каким высоким и расслабленным он выглядел в униформе Английского учителя - брюках и рубашке.

Лидер банды, главный герой, чья рука пихала несопротивляющегося австралийца назад, носил дреды и шерстяную растаманскую шапочку. Он выглядел оскорбленным.

Не планируя и не советуясь, Патрик тронул японского расту за плечо, вызвав направленный вверх интерес у мужчины, как мне показалось, моложе лет тридцати. У него было несколько неряшливых волосков произрастающих из подбородка, как у женщины-атлетки, сидящей на стероидах.

В тот самый момент, неподготовленного отвлекающего танца, я обхватил своей рукой трясущиеся плечи австралийца. "Пора домой", - сказал я голосом, который отложился у меня в памяти на несколько тонов ниже моей обычной речи. "Но они меня не пускают", - пробормотал он. Патрик, с ниспосланным с небес озарением, на которое способны только самые невозмутимые люди, отметил взглядом красно-желто-зеленый ямайский значок на отвороте кожаной безрукавки японского расты. "Тебе нравится регги, - начал он на необычно медленном английском. - Мне тоже нравится регги." Растоподобный настороженно смотрел на вещающего монолог англичанина. "Мне нравится регги, - повторил Патрик, - а регги о мире."

Где угодно на земле этой фразой он скорее всего схлопотал бы по роже. Но Япония была другой страной. "Мир" - сильное слово в Японии.

Все теперь замерло в стоп-кадре и я больше ничего не слышал, так как шел очень медленно, заставляя себя едва двигаться и точно НЕ БЕЖАТЬ, братски придерживая австралийца за плечи, в сторону стоянки такси, находившейся где-то в сорока ярдах около перекрестка с нашей дороги с более крупной улицей. Там стояла обычная бесконечная очередь из посетителей ночных клубов, ожидающих редкие такси у бетонированного столба. Ночь была темной и мои глаза, шея и затылок горели. Мне отчаянно хотелось оглянуться, посмотреть разрушено ли заклинание Патрика, высвободилась ли орда и готовится ли она напасть на меня с ножами и бритвами. Но я не оглянулся. Я был Орфеем, бегущим Орфеем - таким, каким он должен был быть.

Такси появилось в замедленном эффекте, когда мы приблизились к началу очереди. Среди множественных протестов в очереди, я схватился за дверь, распахнув ее и тем самым остановив законных ожидающих от попытки войти, рывкнув теперь уже на маленького австралийца, чтоб он влез и ехал. Чудом непонятно откуда опять объявилась его подружка. Длинноногая и признательная, она поблагодарила меня восемь раз до того, как я захлопнул дверь; я позволил себе завопить "езжай-езжай!" И правда это было слишком возбуждающе. Возмущающейся очереди к такси не существовало.

Я пошел назад, в раздумьях, в сторону возвышающегося всем своим невероятным ростом Патрика, теперь стоящего в стороне, углубленного в разговор с лидером. Я стоял, выжидая завершения разговора. Не следует торопить - это все, что я знал.

"Я виноватый, я очень виноватый. Спасибо, Я виноватый", - приговаривал лидер, который чудесным образом был обращен под действием влияния Патрика. Японец сменил свое отношение, при чем серьезно.

"Я виноватый, - повторил он. - Я виноватый. Очень виноватый."

Мы говорили втроем, ведя общий и примирительный разговор настолько долго, насколько мне хватило сил, Патрик по-отечески держал в своей руке руку Расти, их дружба стала нерушимой, банда растворилась, ночь опустела и очистилась снова, заметил я перед тем, как направиться обратно в райский ночной клуб. Я не имел понятия о времени.

Пиво, которым нас угостил новый друг Патрика, прибыло на наш стол и время от времени лидер, когда-то воинственный, но теперь совершенно мирный, подошел, чтобы повторить свое самообличительное извинение. Эти отношения, на мой взгляд, имели весьма ограниченные перспективы.

"Расскажи девушкам, что произошло," сказал я Патрику, но версия истории Патрика нужна была мне как напоминание об этой запутанной истории. Я мог сказать, что этот эпизод не означал для него практически ничего, не так как для меня. Я предположил, что несколько месяцев спустя, ему вероятно придется напоминать, что все это было на самом деле. Он создавал такое впечатление.

В ночном клубе прозвучал некий звук, словно сигнал на станции осмотра у пересекающего пролив парама, грохочущий звук, который означал, что ночь подошла к концу. Нас охватил предрассветный мрак, туманная волокита, которая закончилась лишь в круглосуточном кафе. Я обнаружил свою голову спящей в великолепной "постели" - на моём подносе среди обертки. Когда я разбудил всех, за исключением Сары, я спросил:

"Тебе нужно в школу, то есть на работу сегодня?"

"Нет," ответила она.

"Мы должны пойти в парк и съесть пончиков там," сказал я.

На пути к станции мы встретили двойника Сида Вишеса, который затеял заварушку, глупого маленького самоуверенного хама. Я приветствовал его словно брата, которого не видел много лет и увлек его в приятельскую беседу. Он попросил пончик. "Купи себе сам," сказал я, "эти для меня." Я сказал это смеясь и в то же время с некоторым удивлением - почему я разговаривал с этим японским мальчиком панком.

Парк Йойоги был пуст за исключением бегунов, появляющихся как грызущие гальку приведения из тумана. Мы сидели на скамейках для пикника со столом. Я взял на себя смелость поцеловать Сару. Мы целовались с удовольствием довольно долго, прерываясь периодически, чтобы отдышаться. Когда мы съели пончики и вдоволь нацеловались, мы отправились обратно к станции.

"Почему ты поцеловал меня?" спросила она.

"Я почувствовал, что так нужно."

Это звучало необоснованно.

"Я почувствовал, что сделать это будет правильным. Утром в парке. В это туманное утро."

"Того кто много целуется в Японии, мы называем kissama," сказала она с искренним лицом.

В парке Йойоги блуждала бездомная домашняя птица, это отвлекло меня на некоторое время.

"Поехали в гостиницу и снимем всю нашу одежду," сказал я предприимчиво.

"Возможно после некоторого времени," сказала она, улыбаясь. "Но не сейчас."

Мы шли в тишине. У входа в подземку я сказал до свидания Саре. Она сказала, что позвонит мне.

Я повернулся и пошел обратно по улице Харадзюку к Шибуйе. Крошечные улицы были полны чудес в то утро. Магазин по обработке древесины, в котором солнце поймало единственным лучом света спешащие частицы пыли. Кот с колокольчиком, который звонил когда тот бежал. Кофеварка, которая играла глупую мелодию пока я ждал свой кофе, капающий по капле. Монета в 100 йен на полу, которая обеспечила меня достаточным количеством денег, чтобы купить утреннюю газету. Чудеса.

На следующий день объявился Бэн. Он очень стеснялся того, что исчез вместе с девушкой. Он был очень романтичным в отношении женщин и не хотел, чтобы я подумал, что он был помешан на сексе или что-то подобное. Я сказал ему о моем приключении и на протяжении всего рассказа он ждал, что я скажу как я сломал челюсть одному парню и дал коленом по роже другому. "Дело не в этом, - сказал я, - Патрик показал мне, что важнее всего расслабленность. Расслабленность в сочетании с бдительностью - это главное."

Это был воскресный вечер. Мои колени все еще были в отвратительном состоянии. Мысль о том, что я добровольно придавлю всем своим весом две открытые раны на коленях по меньшей мере приводила в уныние. Впервые я серьезно задумался о том, чтобы бросить курс. К тому времени я стал одержим идеей о том, чтобы доводить все до логического конца, но дело выглядело мрачно, а совсем не радужно. И еще маячила специальная

летняя "тяжелая" тренировка ранним утром. Приключение предыдущей ночи было всего лишь отвлечением. Это была реальность, и я не был уверен сколько еще могу выдержать. Я хлебнул из бутылки "Дикая Индейка", чтобы немного забыться. Бэн потянулся в сторону бутылки.

- Ты же не любишь виски, - сказал я.

- Люблю, - сказал он с хитрым видом. У Бэна был инстинкт туриста хватать все, что выглядит бесплатным.

- Когда оно закончится, оно закончится, - сказал я нравоучительно, - И тогда нам останется только разделить боль друг друга. Дай сюда.

Сара не звонила, но возможно я был сбит с толку этим обещанием. Теплота от выпитого виски начинала давать о себе знать.

"Ты не знаешь, сколько стоит эта дрянь?" спросил я Бэна.

Телефон зазвонил.

Это была не Сара. Это был Пол. Странное бредовое чувство пришло ко мне.

Пол говорил официальным тоном.

- Есть плохие новости. Канчо-сенсей умер. Он скончался сегодня рано утром. Нельзя сказать, что мы не ожидали этого раньше или позже, но это до сих пор шок.

- Да, - я придал своему голосу обеспокоенности, - Как ужасно, я имею ввиду, какое жуткое дело.

- Да, ну, эти вещи случаются. Додзё будет закрыто, конечно, в течение недели. От сеншусей ожидается посещение похорон во вторник.

Я еще несколько раз выразил соболезнования и отключил телефон. Я сделал победный удар кулаком в воздух. Потом проверил, что телефонная трубка лежит на телефоне.

- Да! - я заорал, - Да! Да! Да!"

- Он умер, правда? - сказал Бэн.

- Да! Да! Да!

- Сколько дней отдыха?

- Одна целая чудесная... неделя! Да!

Мы схватили друг друга и закружились в победном танце по кухне.

- Время выпить еще виски.

- Не виски - неси шампанское!

10. Драка на похоронах

"Только три вещи должны заботить верного слугу.

Это воля Господина, его собственная жизненная

сила и обстоятельства его смерти."

Хагакурэ

Я прошел мимо фонаря Канчо по пути на станцию. Возможно, с годами здесь должна быть прикреплена табличка во славу жизни великого мастера боевых искусств. Хотя и много путешествовал за свою жизнь, он родился в 1916 году именно в том же районе, где и умер через семьдесят девять лет. Его отец был состоятельным доктором и в собственном доме построил додзё, чтобы местные люди могли там заниматься дзюдо. Доджо назвали Ёшинкан, что означало "место культивации духа".

Канчо ценил семейный подход, поэтому, когда он основал собственное додзё и начал обучать полицейских и мирных граждан смертоносному искусству, которое он знал, он продолжил использовать название Ёшинкан. В течение почти четырех десятилетий он продолжал учить, и теперь, когда он умер, никто достаточно не представлял, кто получит мантию мастера. Канчо не оставил никаких конкретных распоряжений, так что выстраивалась борьба за власть, в основном между Чидо-сенсей и сыном Канчо, Шиодой-младшим. Я знал, что на похоронах ведущие учителя предстанут перед миром единым фронтом, но уже после в додзё пошли слухи о возможном расколе на две фракции.

Стоял жаркий день для похорон: "34 градуса по Цельсию" неоновым возвещал цифровой термометр на возвышающемся здании около станции, а все еще было 9 утра. Мой костюм должным образом был черным и шерстяным, и уже насквозь пропитался потом в подмышках. Я потел так сильно, что не было смысла снимать пиджак и обнародовать мое неудобство.

От станции до похоронного храма мальчишки-школьники в традиционных черных пальто с прусскими воротниками и нарукавными повязками стояли через каждые несколько ярдов, чтобы направлять постоянный поток скорбящих. Иностранцы сеншусей в ожидании инструкций сбились в тесную группу перед синтоистским храмом. Храм представлял собой

большую, усыпанную гравием территорию, заполненную пагодоподобными постройками с одним большим нарядным деревянным строением, где воздавались последние почести. В том числе и денежные, на сеншусей была рассчитана сумма в размере двух тысяч йен с человека, от более обеспеченных ожидалась большая сумма. Крошечный ученик, Фуджитоми, утонувший в огромном черном костюме, направил нас к скоплению белых навесов, где проходил сбор денег. Полицейские были призваны в качестве похоронных церемониймейстеров. Они пришли в своей униформе и находились в распоряжении Оямады. Иностранцы сеншусей не имели обязанностей, в ответственный момент, никто не хотел, чтобы сборище гайдзин испортило все дело. В Японии недопонимания боятся больше всего; исключение иностранцев происходит не от неприязни, а из патологического страха возможного недопонимания и чрезмерного воображения о последствиях такого недопонимания.

По моим подсчетам похороны были по крайней мере дешевле свадьбы. Гость на японской свадьбе мог распрощаться с пятью тысячами йен минимум, а если он претендовал на звание близкого друга, то сумма уже приближалась к двадцати или тридцати тысячам, то есть двум или трем сотням долларов. Приглашение на свадьбу в Японии, как и где-либо еще, очевидная радость, прячущая опасное жало в своем хвосте. В японском языке есть слово, которое используется для всех подобных щекотливых общественных обязанностей, особенно тех, которые задуманы как удовольствие, но заканчиваются весьма болезненно, как выпивание с начальником после работы и вынужденная покупка шоколада для коллег на день Св. Валентина. Это слово - мендокусай, наиболее полезное слово в изучении страны, ведь оно воплощает всю культурную концепцию Японии.

Полу было поручено организовать иностранных сеншусей. Он, как я заметил, был в потрепанном коричневом костюме и с подбитым глазом. Фингал заметили все, но никто не мог добиться от него больше чем "упал с велосипеда" - Пол был слишком шустрым, чтобы это было похоже на правду. Объявились и остальные иностранные инструкторы. Все были одеты в никуда не годные, плохо сидящие костюмы. Что же тут происходит? Японцы, все до одного, были облачены в безупречное похоронно-черное. Иностранцы сеншусей тоже были опрятно одеты. Рэм был снова в моем темно синем костюме. У Адама не было пиджака, но ему удалось занять его на время, когда мы проходили по одному мимо гроба, как это бывает, когда прощаются с мировыми вождями и тиранами.

Мы были созваны Толстяком Стумпелом для обращения Пола.

"У нас небольшая проблема, - сказал Пол. - Она." Он кивнул в сторону Долорес, которая стояла возле входа в храм.

Долорес, как выяснилось, была сильно увлечена Доном Фернандо, ведущим испанским сенсеем. Она стала просто одержима им и приезд в Японию был небольшой передышкой в ее самоотверженном решении всегда оставаться рядом. Теперь он приехал в Японию на похороны и она могла возобновить свой штурм, только с этим словом отождествлялось ее поведение. Когда Дон Фернандо прибыл в додзэ два дня назад, она просочилась через толпу и отказалась отойти от него даже на шаг, в том числе, когда он отправился на встречу с японскими учителями. Это было очень некорректно по японским стандартам, которым следовали даже иностранцы, ведущие дела с додзэ Ёшинкан. На следующий день, на частных похоронах, о которых она каким-то образом пронюхала, она вломилась через живую изгородь, чтобы похитить ничего не подозревающего Фернандо. Пол применил на ней сан-каджо (стандартный полицейский болевой прием при аресте) и увел ее. В процессе его рассказа у меня создалось впечатление, что ему это доставило реальное удовольствие, что было странным, так как вся ситуация казалась немного печальной.

"На случай, если она попытается что-нибудь выкинуть" нас детально проинструктировали об охране Фернандо с аккуратной бородкой. Пол показал полный полицейский профессионализм. Нас разбили на пары, которым выделили двадцатиминутные интервалы; каждый человек из пары занимал место на углу основания треугольника, позади которого находился Фернандо и перед которым была Долорес, которая в идеале должна была постоянно идентифицироваться как условная вершина треугольника. Десять громил в черных костюмах защищали одного из лучших бойцов от девяностофунтовой (сорокакилограммовой) девицы в любовном бреду.

- А оно того стоит? - спросил Адам.

- Хорошая тренировка, - ответил Пол. - Действительно хорошая.

Жара уже достигла 36 градусов в тени, за исключением того, что тени в принципе не было, поэтому мы стояли, изнемогая от зноя под ярким солнцем в ожидании нашей очереди "дежурства по охране Фернандо". Очередь из более тысячи скорбящих растянулась в пять рядов вокруг территории храма. На похоронах Тессю присутствовало более пяти тысяч, но похороны Канчо определенно не страдали от недостатка посетителей. Прошло два часа прежде чем вся очередь прошла через здание храма, где каждый хлопал в ладони перед гробом и возлагал веточку сасаки на алтарь. Происходящее в храме заканчивалось очень быстро. Это напоминало двухчасовую очередь, чтобы прокатиться сорок секунд на поезде-призраке. В этом отражались все признаки японской социальной жизни - пытки

замаскированные под празднования, огромное ожидание, увеселение абсолютно несоразмерное времени ожидания, и перенесенные неудобства. Все официальные мероприятия в Японии следуют этому распорядку. Если этого не произойдет, то люди начнут подозревать, что возможно мероприятия вовсе не было.

Тот факт, что кого-то надо охранять казался непонятным образом уместным. На похоронах Тессю одного из его наиболее верных учеников пришлось взять под охрану. Последователи Тессю боялись, что он может совершить сепuku из уважения к почившему учителю. Стал бы кто-то вспарывать себе живот коротким мечом в честь Канчо? Возможно раньше, до войны, но не теперь. Единственной ныне почетной формой самоубийства в Японии было кароши, смерть от переработки – часто достаточно уместный рак желудка. В кароши, а не харакири теперь измерялась преданность.

Наконец, мы увидели, как японские учителя пронесли гроб Канчо и водрузили его на катафалк. Японские катафалки – лучшие из когда-либо виденных мной. Мне они так понравились, что я захотел купить один подержанный и отвезти его в Англию в качестве примера восточной роскоши и неумеренности. Современные японские катафалки – это чудовищные медные пагоды на колесах, черный грузопассажирский автомобиль, у которого на месте кузова-универсала расположен сильно разукрашенный вариант храма с высокой крышей. Похоже на нечто из Безумных Гонок. Мой последний беглый взгляд на Канчо был брошен, когда гроб был передан на руках в подобный катафалк, перед тем как его увезли в крематорий. Почти все японцы кремируются, поскольку уже не осталось достаточного количества земли для захоронений, как было в прошлом.

Внезапно возникло какое-то волнение – Толстяк Стумпель двинулся как телохранитель, чтобы заблокировать проворную Долорес в тот момент, когда она сделала прорыв в сторону черного микроавтобуса скорбящих. Дон Фернандо заходил в него вместе с другими ведущими учителями для заключительной процессии в крематорий. Он отвернулся, устыдившись происходящего, когда Стумпель конвоировал Долорес сквозь напирющую толпу.

История с лицом Пола постепенно выходила наружу. Стефан разболтал большую часть истории Бэну, а Даррен обеспечил остальную часть. И затем все услышанное было логически связано с состоянием одежды учителей.

На маленькой буддистской церемонии за день до похорон присутствовали только члены семьи и преподаватели айкидо.

После церемонии иностранные учителя пошли выпить в Раппонджи. Некоторые из них тренировались вместе в Японии много лет назад и прилетели специально: Пайет, Дэвид Рубенс из Англии, Дон Фернандо и другие. Роберт Мастард и Фернандо благоразумно отправились домой рано, когда Роланд Терминатор выступил против бармена в клубе в Раппонджи. Замахиваясь для удара, бармен упал, но прежде он успел вызвать главного вышибалу. Бывший член Французского Иностранного Легиона, главный вышибала затем сделал большую ошибку: он положил руку на чье-то плечо – чье, никто точно не мог сказать, но без сомнения это была серьезная ошибка. Ни один из иностранных учителей не был черным поясом ниже третьего дана. Они все были в высшей степени крепкими, агрессивными и пьяными. Должно быть это было первой неприятностью, с которой экс-легионер был вынужден разбираться – он относительно недавно поступил на эту работу. Его неправильная оценка ситуации привела к увольнению, но до того его вырубил Роланд. Даррен добил его удушающим приемом и затем наступил ему на шею, пьяно покачивая пальцем: "Ну, дернись хотя бы на дюйм." Потом весь ад вырвался наружу и иностранцы раздали еще несколько выволочек, прежде чем спуститься вниз и устроить другую драку там. "А там было айкидо?" – спросил Бэн. "Я не видел, – сказал Отто, медленно имитируя сильный удар новичка, – Это была просто драка." Даррен был несогласен: "Тренировки айкидо пригодились, когда я провел на нем удушающий. Мне удалось расслабиться и направить весь свой вес на его шею." Пайет, встреча с которым в подобной ситуации считалась летальной, был задвинут Стефаном в угол на основании уважения к его высокому уровню. На самом же деле Отто заметил, как Пайет глазами ассасина выискивал возможность подвергнуть проверке свое смертоносное искусство. Они перешли в другой бар, но слухи уже расползлись по округе. "О, нет, – швейцар упрасивал, – только не банда черных галстуков!" Все еще одетые, как подобает на похоронах, в черных костюмах и черных галстуках, неуправляемая банда начала новую драку, когда приехала полиция.

Полиция в Раппонджи давно привыкла к сумасшедшим иностранцам – пьяным морякам торговых и военных судов, в поисках приятного времяпровождения – и потому набрасываются с дубинками при малейшем знаке сопротивления.

Рубенс принял на себя ответственность за ситуацию, которая казалось весьма серьезной – преступное причинение ущерба, опасные телесные повреждения, фактические телесные повреждения, возможно даже наказание в виде краткого лишения свободы. Рубенс владел очень хорошим японским и он начал перечислять имена всех японских полицейских, которые он мог припомнить – ему требовалось найти ключик к офицерам с беспощадными

выражениями лиц, готовых упрятать их за решетку. Люди, с которыми Рубенс тренировался в далеком 1986-ом к этому моменту должны были продвигаться вверх по служебной лестнице от уличных полицейских; люди, которых он знал должны были быть дома в четыре утра в эту липкую летнюю ночь. В конце концов, он убедил полицию, хотя учителям пришлось щедро рассыпать в извинениях перед полицейскими с суровыми лицами. В Японии, все, кто имеет черный пояс выше третьего уровня, обязаны регистрировать свои руки в полиции. Никто из этих парней не был зарегистрирован, и если они были учителями, как утверждали, то они подавали плохой пример, разве нет? Пристыженные старшие чины айкидо в унисон кивали, склоняя свои головы и молились, чтобы их отпустили. Газеты бы с удовольствием напечатали историю: иностранные мастера айкидо отметили похороны основателя ночной потасовкой. С другой стороны, японская пресса настолько повязана интересами менеджмента и владельцев, дружки Канчо по военному времени в издательском бизнесе могли легко подавить дурную огласку.

Их костюмы были изорванные и грязные, дебоширившие учителя легко выделялись по одежде, которую надели на вторую похоронную церемонию. Без исключения они выглядели потрепанной компанией, шурящей на ярком солнечном свете, некоторые с порезами от бритвы и синяками. Не удивительно, что Пол так стремился отвести интерес от ночного происшествия.

Я набрался смелости поговорить с Жаком Пайетом, "ассасином", используя в качестве повода для начала разговора мое короткое владение одним из его доги. Невысокий и жилистый, Пайет выделялся даже среди японских учителей. Он провел десять лет в Японии, последние пять в качестве близкого друга Канчо. Из-за жесткой иерархичности было невозможным для японца младше Канчо общаться с ним на равных. Пайету это удалось потому, что он был иностранцем. Это вызвало негодование в рядах японцев, но Канчо все устраивало, а потому Пайет на это не обращал внимания.

- Пять лет я пытался быть японцем, а затем поехал обратно во Францию. Я немного преподавал, пока не понял, что учу только тому, чему меня учили. Я давал те советы и учил тем уловкам, которым научили меня, и постепенно у меня стали заканчиваться слова. Я понял, что не знаю айкидо. Так что я вернулся обратно в Японию, и в этот раз я уже признал, что я - не японец, а иностранец. Хорошо, а в чем же преимущество быть иностранцем? Я могу игнорировать японские правила и пойти прямо к Канчо, именно это я и сделал.

- Я посмотрел на Канчо и сказал себе: Как этот ничтожно маленький человечек, который наверняка с каждым годом становится физически слабее, который только пьет чай и смотрит телевизор в своем офисе, а еще читает газеты и курит, как может он становиться сильнее в айкидо с каждым годом? Как это возможно? Потому что, я уверяю тебя, это действительно так - он был сильнее в свои семьдесят три, чем в семьдесят, и это продолжалось до тех пор пока он не заболел раком. Однажды я увидел как перегородка шоджи упала на Канчо и он упал. Он не устоял против веса бумажной перегородки, и я понял, что у него есть какой-то секрет, который сильно отличается от обычного понимания физической силы. А потому я попытался добраться до этого секрета.

- И в чем секрет? - спросил я.

- Есть три вещи, которые связаны друг с другом и усиливают друг друга. Как слова они ничего не значат, но если ты сможешь понять их, то сможешь заниматься айкидо. И для этого не потребуется всей жизни. Уесиба учился всего несколько лет; Канчо возможно пять с перерывами. То, что они поняли - это равновесие, центр и уверенность. Когда ты знаешь, где твой центр, тогда у тебя есть равновесие. После этого ты находишь в себе уверенность, которая в свою очередь помогает равновесию. Техники в айкидо необходимы только для того, чтобы развить эти вещи. Я дрался с мастерами карате. Я не мог применить шихонаге или котэгаэши - поэтому мне приходилось импровизировать, но я добился успеха потому, что использовал равновесие, центр и уверенность.

Пайет скромно улыбнулся. Я обратил внимание на огромные предплечья, несоответствующим его телосложению. По его словам все было очень просто.

- Во-первых, продолжай настраивать свой центр, двигай его назад и вперед, пока не обнаружишь его. Учитель традиционных японских танцев посмотрел мою видеозапись и сказал мне, что я сдвигаю свою центр тяжести слишком далеко назад. Мне это очень помогло.

- А каким был Канчо? - спросил я.

- Вообще, он был очень простым человеком, с простыми вкусами. Его не волновало иностранец ты или японец. Иногда я думаю, он ненавидел свою зависимость от организации, которую он создал. Ему были нужны ученики, но он также презирал раболепие среди учеников; но это японский подход. Он был в душе бунтарем. Он очень любил пиво. Иногда он вызывал меня посреди тренировки и говорил: "Давай, Жак, выпьем пива у меня в офисе. Говоришь, у тебя не выходит тай но хенко? Так и у меня тай но

хенко не выходит тоже, а ведь я изобрел его!" Когда он заболел, я почувствовал к нему жалость. Он стал похож на одинокого старика, который создал что-то, что вышло из под его контроля. Именно поэтому я уехал из Японии и вернулся во Францию. Я научился всему, чему он должен был меня обучить".

Пайет вместо обычного японского поклона встряхнул мою руку. "Запомни, - сказал он, - мы - не японцы."

Шведская девушка Пола, Ева, успокаивала Долорес после ее неудавшегося прорыва в микроавтобус скорбящих. Это была последняя капля для Долорес, которая, не выдержав, разрыдалась. Из ее коверканного английского я пришел к выводу, что все было не так просто - по ее словам, у нее с Доном Фернандо все же была связь. Он хотел покончить с этим, в то время как Долорес считала иначе. "Мужчины, - отгрызнулась Ева, - все вы трусы, разве нет?"

Вернувшись в Фуджи Хайтс, я не получил от Сары никаких вестей. Я отправился в супермаркет, где она работала, и выстоял очередь к кассе с пакетом ненужных апельсинов. Увидев меня она улыбнулась. "Что ты хочешь?" спросила она. "Тебя," ответил я. Она согласилась встретиться со мной несколько дней спустя после работы, но лишь на несколько часов. Как она сказала, ее отец был очень строг. Это не казалось многообещающим.

Недельная передышка сработала на пользу моим коленям. Сочащиеся раны сменились розовой кожей. Впервые, когда я входил в дождь в приподнятом настроении, без необходимости настраивать себя на серьезный лад.

В нашем полку, ответственных за душевую, прибыло - Крэйг наконец-то получил визу по направлению культуры и вернулся из Австралии. Он был толстым, дряблым и отстающим от всех на три месяца, но он вернулся. Он не сказал ни слова по поводу своего разоренного шкафчика в раздевалке. Во время занятий севанин отводил его в сторону, где избивал, гонял, оскорблял его, чтобы поскорее подтянуть до нашего уровня. Его основной проблемой была неспособность безошибочно выполнить элементарные движения. Мы же упражнялись в них каждый день в течение месяцев. Он чистосердечно признался, что в Австралии проводил свое время в играх в футбол и поглощении пива. Судя по его пузу, пиву он уделял больше внимания.

Крэйг оттирал плесневелые душевые с особым рвением, давая нам с Адамом приятную возможность отдохнуть. Он был забитым и услужливым и горячо желал быть принятым в коллектив.

Спина Крэйга вскоре превратилась в массу желтовато-фиолетовых синяков, поскольку Даррен заставлял его делать неисчислимо количество страховочных падений. Страдальческие стоны Крэйга пронизывали влажную тишину наших летних тренировок. Мы уже давно для себя усвоили, что крики ведут лишь к растрате энергии в независимости от силы боли. Крэйг все же не был убежден и ревел как зверь, попавший в стальной капкан. Его колени, тоже, вскоре превратились в красное месиво, не хуже чем мои, возможно чуть получше, но не выглядели здоровыми это точно.

После одной особенно тяжелой тренировки с Дарреном, где на каждую страховку Крэйга приходилось два его вопля (один для самоободрения и другой от боли после падения), Крэйг сидел в раздевалке в очень угрюмой позе, готовый признать поражение. Я старался убедить его взглянуть на обратную сторону его мучений - это скоро пройдет, курс закончится и чтобы он обратил внимание на скорость его улучшения; обычная каша из полуправды, что мы подбираем для обыденного ободрения. Напомнив слова Дэнни после несчастного случая с его пальцем, Крэйг печально сказал: "Не удивляйся, ребята, если вы завтра меня не увидите".

Неужели они его сломали? Если бы он ушел, уникальный рекорд - первый курс без сдающихся - оказался бы для нас недостижим. Но где-то в душе проявилось и злорадство - тот несомненный прилив энергии, что случается, когда ты оставляешь позади тех, кто не дотянул до конца.

Моей собственной новой неприятностью было возвращение в пару к Маленькому Нику, горячему армянскому парню. Он становился все более заносчивым, капризным и просто неприемлемым в совместном деле. Ему не нравилось находиться в Японии и не нравилось тренироваться со мной. И он поклонялся Мастерду. И, конечно же, он был зеницей ока для Мастарда. Да, это было действительно время испытаний.

"Ты - мужчина, а он - мальчик, - говорил Уилл с Дикого Запада. - Ты должен показать ему, кто здесь главный."

Крис относился к ситуации с большим скептицизмом. "Единственный способ иметь дело с Маленьким Ником - это выдерживать дистанцию. Но ты - его партнер и никакой дистанции нет, так что ты ничего не можешь поделать."

Недостатками Маленького Ника были всего лишь недостатками девятнадцатилетнего правонарушителя, богатого сыночка, возбужденного словно ребенок, сидящий на риталине (американском наркотике, предписанном гиперактивным детям) и еще невероятно избалованного - мать специально по его требованию ездила в Голливуд для покупок предметов последней моды.

Бэн, который был того же возраста, что и Маленький Ник, жаловался:

- Когда мне было четырнадцать, у меня был подержанная форма для дзюдо, которая мне была мала. Когда ему было четырнадцать, его родители оплатили ему годовые курсы чечетки.

- А кто платил за твои занятия дзюдо?

- Они были бесплатными. Никто не платит за дзюдо в Австралии. Но чечетка очень дорогая.

Я не имел ничего против танцевальных способностей Маленького Ника; действительно, казалось, что он их применяет должным образом на практике в кафе "Бейсбол" в токийском куполе, где он работал танцором.

- Что ты танцуешь? - спросил я в один из редких моментов нашего общения.

- Ну, Village People, "YMSA", типа того.

- "Village People!", - я с трудом мог удержать свое ликование, - Когда ты в следующий раз выступаешь? Я должен это увидеть!

Но армянин скромно умолчал точное время своего выхода на сцену для танцевальных телодвижений и прежде чем у нас возникла возможность добраться туда, чтобы взглянуть на него, он сломал руку одному из официантов и был уволен.

- Вообще-то я сам ушел, - сказал он скромно, - После того как я сделал того парням я понял, что они наверняка не захотят, чтобы я оставался работать. И кроме того они все там козлы.

Он показал мне как он избил коллегу с помощью определенной последовательности движений в комбинации с никкё и хиджишимэ, чтобы уложить его.

- Я услышал треск его руки, так что думаю, я сломал ее, - сказал он, - Его лицо тоже сильно повредилось, после того как я в него двинул коленом несколько раз."

- По крайней мере ты применил айкидо, - сказал я, запинаясь.

- Да, - сказал он, - Кроме колена, это было не айкидо, это было мое.

В чайной комнате Маленький Ник и Роберт Мастард, "Я кое-что сделал, о чем не знаю стоит ли говорить Вам..."

Мастард не оторвался от газеты, которую читал:

- Значит, ты влез в драку, да?

- А как Вы узнали?

Мастард пожал плечами. А потом сказал:

- Ты победил?

- Да.

- Ну, тогда все в порядке.

Но однажды Ник зашел слишком далеко. Мы делали технику, которая требовала удара в живот, который блокировался. Повторяя снова и снова, люди стали относиться к блокам менее внимательно. Использовать это невнимание приемлемо для учителя, и даже для такого же ученика, но не в так, чтобы это привело к травме - так считал я, в любом случае.

Маленький Ник обошел мой блок с определенным намерением и направил сильный удар в ребро, что было неожиданно болезненно. Я был так раздосадован, что в ответ ударил его в почку и сказал ему отвалить. В неожиданном раскаянии он предложил руку, чтобы помириться и забыть о недоразумении. Я неохотно пожал его руку. Но не забыл. Я не бог. Это маленькое ничтожество своим целенаправленным ударом доставило мне изрядную боль. Сломано ли ребро? Конечно, нет, и стыдно признаться, потому что, рассуждая технически, я должен был заблокировать удар.

Я описал симптомы Даррену.

"Мне кажется, у тебя сердечный приступ", - сказал он.

Сато, лысый массажист, пришел по просьбе Мастарда. Сато проверил меня полностью и покачал головой. "Может ребро сломано", - сказал он. Но он был тверд в своем мнении, что я должен провериться у доктора. Мастард отнесся к этому настолько серьезно, что я почувствовал вину, что преувеличил боль. Затем я поправил себя: мне плохо и действительно больно. Но где-то в подсознании, я думал "Эта травма не хуже армянина Ника. Когда уходит он, исчезает и она; в этом я могу быть уверен." Мастард в шутку стукнул меня в живот. Он указал на нескольких университетских студентов.

- Хочешь тренироваться с девочками?

- Нет, - сказал я с чувством.

- Ёш! - он стукнул меня снова. Вот и умница, как бы говорил он. Из него получился бы отличный отец.

Немного позже мы снова разговаривали. Он сказал: "Иногда я чищу утром зубы и чувствую в груди какую-то жуткую боль и я думаю, наверное у меня удар, но потом я думаю - это невозможно, ведь я все еще чищу зубы." Возможно он интуитивно заметил во мне ипохондрию. Мастерд весь в этом- сочетание того, что кажется полной тупостью с невероятной интуицией.

Ему нечего было скрывать и он даже не собирался скрываться.

Чтобы растянуть разъяснение обстоятельств я должен был посетить больницу и получить медицинское подтверждение моей травмы: рентгеновский снимок, чтобы похвастать перед недоверчивыми глазами сенсей или справку, подписанную костоправом. Проблема заключалась в том, что у меня не было медицинской страховки из-за моего полуплегалного статуса проживания в Японии. У Бэна же страховая карточка имелась и он мне ее одолжил. Только когда я вошел в католическую больницу в Оchiai, заполненную приятными японскими монашками, я понял, что должен пройти за девятнадцатилетнего. Мне было тридцать. На моей бритой голове проглядывала седина. Я заполнил регистрационную форму, ловко копируя дату рождения Бэна, которую я не знал - еще одна брешь в плане. Монашка с испугом взглянула на мою карточку и снова посмотрела на меня. "Вам девятнадцать?" - спросила она. "Да" - с легкостью ответил я. Она приняла мою ложь, выражая сомнение только еще одним взглядом в медицинскую карту в поисках опечатки. У меня уже было готово шустрое объяснение, что я происхожу из семьи с историей жуткой болезни, из-за которой стареют раньше времени; она была лишь недавно открыта и диагностирована. Монашка меня просто пропустила. В Японии откровенная ложь редко подвергается сомнению - это было бы слишком враждебно, но люди могут выражать иное мнение за спиной. На поверхности они притворятся, что согласны. Кроме того я был иностранцем, что считалось низшей формой человека большинством японцев. Если я выглядел немного странно, то это было лишь составной частью необъяснимой странности гайдзин.

Но я сидел в ожидании на виду у медсестры за приемным столом, я пытался вести себя так, как на моей памяти вел себя Бэн. Он обычно неожиданно засыпал. Но в моем случае это бы лишь прибавило несколько лет, а не уменьшило мой возраст. Благодаря моим седеющим волосам меня уже однажды со спины приняли за сорокасемилетнего японского сенсей - меня на улице окликнул студент и почувствовал себя весьма неловко, когда я обернулся. Нет, заснуть было неверной стратегией. Вместо этого я стал раскачивать головой вперед-назад, изображая вертлявого пацана, слушающего рэп на плеере. Я также все время касался своих волос - так, я заметил, вели себя многие подростки, возможно и я тоже, когда был в соответствующем возрасте.

Доктор согласился принять меня. Я очень надеялся, что он будет говорить только по-японски. Тогда я смог бы ограничить наше общение, сообщив минимум о своем возрасте. Все было хорошо. Он обратился ко мне на японском. Я, спотыкаясь, дал нужный ответ. Он отправил меня на рентген после беглого осмотра.

В коридоре рентгеновского отделения смешливый японец затушил сигарету и сделал мне знак в сторону аппарата. Он совершенно небрежно прикрыл мое тело свинцовыми щитками. Тогда я решил, что стану импотентом уже в девятнадцать лет, как раз на пике своей сексуальной активности.

Доктор позвал меня для обсуждения снимка. Легкие выглядели абсолютно черными. "Не волнуйтесь, - сказал он, - ничего страшного."

Ребро не было сломано, это был ушиб. Доктор посоветовал отдохнуть месяц. Месяц! Мне повезет, если мне дадут три дня за эту царалину, может неделю, если я смогу описать травму впечатляющим образом. Именно тогда я изобрел термины "реберное смещение" и "отслоение межреберных мышц". У людей бывают плечевые смещения, так почему же не быть реберных? Звучало это жутко - ребра, разведенные в стороны в мучительной... ну, короче, агонии.

Доктор выдал мне эффектный эластичный корсет, для ношения на груди - отлично, теперь у меня было наглядное доказательство моего ранения. Я с энтузиазмом оплатил пятидесятидолларовый счет.

Затем доктор снял свои полукруглые очки и начал говорить на почти забытом, но великолепном английском. Страх захлестнул мое тело - для практики некогда выученного в колледже английского языка, он решил поступиться правилами социального поведения.

- Откуда? - спросил он.

- Австралия, Мельбурн.

Он просиял:

- Я ездил в Мельбурн в прошлом году, на отдых!

- Наверное было хорошо, - я старался хорошо передать отсутствие интереса своим очень неубедительным австралийским акцентом, гнусавым выговором Крокодила Дэнди, который в любой момент мог трансформироваться в пакистанский.

- Мне Австралия очень понравилась, и Мельбурн тоже.

- А Вы сходили в музей Неда Келли? - это было единственным, что я знал про Мельбурн.
- Нет, он был закрыт, - ответил доктор.
- Правда? - сказал я, - Ну я здесь был несколько лет и совсем оторвался от жизни. Вернее, не годы, а месяцы - иногда просто, кажется, словно прошли годы. - Боже, я сам рыл себе могилу. - А Вы были в Оперном Театре?

Он выглядел озадаченным:

- В Сиднее?

- Нет, в Мельбурне. Мельбурнский Оперный Театр. Он очень старый и большой. Гораздо интереснее чем... сиднейский. Вам обязательно надо его посетить в следующий раз.
- Обязательно, - сказал он, бросая взгляд на мои бумаги.

Мне надо было отвлечь его:

- А много австралийцев к Вам приходит?

- Нет, не много, - сказал он, - Вы первый, кого я лечу.

- Как интересно, - сказал я. Затем я решил взглянуть на часы. Будучи японцем, он должен был понять этот намек.

- Мне нужно идти, - сказал я и направился к двери.

- И еще одно, - сказал он.

Ну все, решил я.

- Не забудьте вот это, - он передал мне преступную медицинскую карту, - Это очень важно, - сказал он с насмешливым упреком.

Я рванул из больницы бегом, как девятнадцатилетний хулиган. Мне было гораздо лучше, с корсетом или без.

Бэн, как я начал понимать, был одним из естественных подражателей, как те мотыльки, что имитируют птиц, или насекомые, которые похожи на палочки, или мухи, что прикидываются осами. Я был травмирован и соответственно, по велению божьему, он был тоже. Не то, чтобы это прошло через его сознание логическим путем, но все сработало именно так, как только его подсознание подключилось к делу.

На следующий день, во время моего третьего занятия по сейдза, во время броска Бэн неудачно приземлился на свою шею. Занятие вел Шиода-младший, который не проявил особого интереса к происшествию. Бэн со знакомыми слезами, льющимися по лицу подражателя, присоединился ко мне на скамейке наблюдателей. Для Шиоды это было неприятно, и он направил Уилла, который был партнером Бэна, отвезти его в больницу. Я наблюдал за этим в немой агонии. За разговор я бы получил выговор. Резкий комментарий со стороны Толстяка Стумпеля возможно, ничего особенно плохого. А была ли в этом необходимость, следовало ли мне предупредить Бэна, чтобы он пошел в другую больницу? Нет, конечно же он не настолько глуп.

И все же он был.

Позже, в тот же день, когда я вернулся в Фуджи Хайтс и задрал ноги повыше, просматривая газету в поисках интересного фильма, мне позвонили из больницы.

Будучи подозрительным по натуре, я прикинулся, что меня нет дома и попросил оставить сообщение. Бэн не только рассекретил меня, но еще и был достаточно глуп, чтобы дать монашкам мой телефон. Я побагровел.

Позже позвонил Уилл, Он посоветовал мне связаться с больницей. Именно он посоветовал Бэну дать мое имя и номер больнице. Какие законопослушные кретины.

- Неужели Бэн действительно решил, что они забыли единственного преждевременно-старящего австралийца за все время посетившего их больницу, через двадцать четыре часа после того, как это случилось?

- Он почему-то решил, что все пройдет гладко, - сказал Уилл.

- Замечательно. Просто потрясающе. Ну, как хотите, а я звонить в больницу не буду.

- Все должно быть в порядке. Мы объяснили, что это просто недоразумение.

- Просто недоразумение! Это же очевидное мошенничество! Я говорил с австралийским акцентом. Я назвал его дату рождения. Я отвечал на дурацкие вопросы про Мельбурн! Это не просто недоразумение.

- Я считаю, что признание вины обычно лучший выход из положения.

- Неужели, ты действительно так считаешь? Может тебе ограничиться признаниями о собственных проступках и не касаться чужих?

Это был удар ниже пояса. Уилл был благородным человеком. Когда его девушка забеременела, я посоветовал ему серьезно подумать об аборте. Вместо этого, он женился на ней и как ни странно, для него все обернулось хорошо. Ребенок должен был родиться через месяц.

Я не собирался звонить в больницу, как и не собирался отвечать на звонки. И вообще, у этого могла быть и положительная сторона. Я мог подождать пока нам не отключат телефон за неуплату и не возобновлять подключение. Способ сэкономить денег.

Бэн, при своем высоком росте и напускной крутизне, все еще был семифутовым ребенком. Я не собирался звонить в больницу, как и не собирался снова получать травму. Это

стоило бы мне слишком дорого. Я просто не мог себе позволить заболеть. Странно, но эта мысль меня успокоила. Отговорок на будущее не оставалось, я сжег все мосты для отступления посредством болезни.

Несмотря на свои жалобы и вялые предупреждения о возможном невозвращении, Крэйг не только выживал, но и потерял вес. С потерей веса, тренироваться становилось легче. Он тоже стал крепким; способным принимать удары без серьезных повреждений. Как и многие люди, которые занимаются спортом, отличающимся повышенной контактностью, он выглядел значительно старше своих двадцати двух лет. Он рассказал мне о своей спартанской жизни, когда мы оттирали нескончаемую плесень с душевых стен. Он жил в комнате в съемном доме: "Но я бы переехал жить один в любой момент, если бы мог это себе позволить." Он работал каждый вечер и в выходные официантом в мексиканском ресторане. У него не было девушки ("нет времени"), не было и друзей, насколько я подозревал. Он был вспыльчивым парнем, с трудом открывался людям, но халтурщиком он точно не был. Во всем додзё он был наиболее усердным в оттирании плесени в душевых.

Я спросил у Фрэнка как мне вести себя на первом настоящем свидании с Сарой. "Решай за двоих и за все плати сам", - посоветовал он. Я встретился с Сарой возле супермаркета, когда она закончила работать. "Пойдем в бар у Джея", сказала она, взяв меня за руку. В Баре у Джея у стены стояло два огромных усилителя и было полно музыкальных записей. На возвышении был установлен проигрыватель. Там играли только R&B, но играли очень громко. Обложка проигрываемого альбома была выставлена за барной стойкой. Сара не хотела есть и только пила кофе. Я пил пиво. Ей как-то удалось заплатить самой, так что я и не заметил. Это было не по плану. "Пойдем прогуляемся", - сказала она.

Мы бродили по маленькому парку вдоль железнодорожных путей в Шибуйе. Сара захихнула свою и мою руку в карман моего пальто. Мы сели на лавочку. Я почему-то продолжал улыбаться. Эй, я снова радовался жизни! Это было просто. У Сары не было забот, так что их не было и у меня. Я посмотрел вверх на те несколько звезд, которые не затмевал фонарный свет. Большая медведица, полярная звезда и перевернутый пояс Ориона, наиболее заметное созвездие в японского ночного неба. Мне всегда становится хорошо, когда я смотрю на звезды. Сара посмотрела на свои часы и сказала "У меня есть десять минут". Через десять минут самозабвенного тискания, она убежала на электричку "Я позвоню тебе скоро, завтра или послезавтра!" В этот раз я был уверен, что она действительно позвонит.

11. Плохие парни со стильными прическами

"Настоящий самурай не моет волос, дабы избежать нападения сзади."
Хагакурэ

У нашей золотой рыбки Мальша Канчо были проблемы. Словно он почувствовал, что его тезка отошел в мир иной, Малыш Канчо слабел с каждым днем. Две другие рыбки были в полном порядке, здоровее, чем когда мы их привезли.

- Это от нехватки кислорода, - сказал Толстый Фрэнк. - Две другие отбирают весь кислород у Мальша Канчо.

- Дело не в том, чем они дышат, а в том, что пьют, - сказал я. - Вода грязная, тебе надо почаще чистить аквариум.

- А почему бы тебе не почистить аквариум, - встрял Крис. - Или по крайней мере не вымыть посуду?

В итоге Бен почистил аквариум, но Малыш Канчо не оклемался, поэтому я присоединил воздушный шарик так, чтобы он сдувал в аквариум воздух, поставляя дополнительный кислород в воду.

- Хорошая идея, - сказал Крис, - но она не сработает.

- Почему?

- Я наблюдал за Канчо с тех пор, когда мы его взяли. Он всегда плавает с небольшим креном влево. А две другие рыбы - абсолютно вертикально. А у него крен стал еще сильнее. Думаю, он был болен еще до того, как мы его взяли. Он обречен.

Бен подошел и приблизил лицо к аквариуму. "Ну же, Канчо, не умирай! Пожалуйста, не умирай!"

Я сочувствовал страданиям Мальша Канчо. Каждый раз, когда я делал вдох, слышался странный щелчок в моей груди, будто что-то отсоединяется. Еще я кашлял желтой

мокротой. Каждый день в то время записи в моем дневнике начинались со слов "худший день" или "куда уж хуже, чем сейчас" или "сегодня мы свалились на самое дно". Я начинал формулировать лозунг, который бы поддержал меня морально: В любой ситуации все может стать еще хуже, неважно насколько плохи твои дела сейчас- дальше они могут пойти еще хуже и обычно так и случается; но помни, что и это тоже пройдет.

Рэм тоже был на грани срыва. Причиной этому была фотография Канчо-сенсея, которая теперь весела под алтарной полкой. Рэм объявил, что больше не может кланяться алтарю, потому что в иудаизме не кланяются человеческим изображениям. Но поклоны алтарю были важной частью ежедневного ритуала в додзё. Мы кланялись шесть раз ежедневно на глазах у всех присутствующих. Неужто Рэм собирался бросить занятия только из-за религии?

Крис, которого с Рэмом познакомили мы с Бэном, пытался предоставить аргументы в пользу религиозного отступничества. Аргументация обычно была примерно такой:

Крис: "Ты же кланяешься партнеру в конце тренировки, это ведь нормально?"

Рэм: "Да, нормально."

Крис: "А знаешь почему? Дело в том, что в японской культуре поклон является аналогом рукопожатия. В этом вся его суть."

Рэм: "Но с фотографией я не могу обменяться рукопожатием!"

Крис: "Но смысл тот же!"

Рэм: "Нет, фотография - это другое"

Крис: "Поклон фотографии в Японии не имеет смысла, если ты не веришь в него."

Рэм: "А я не могу перестать верить. Никаких поклонов!"

Но Рэм решил эту проблему, или по крайней мере нашел временный выход. Он начал кланяться немного не по центру, не совсем в сторону алтаря. "Я кланяюсь стене", - сказал он с гордостью. Это было настолько небольшое отклонение, что учителя не обратили внимания, а его совесть осталась чиста.

Исчезновение одной фотографии из додзё бросалось в глаза, не было "Железного" Майкла Тайсона. Додзё оставалось верным Майку в течение всего судебного процесса об изнасиловании. И даже после того, как он был признан виновным. И на протяжении апелляции Железный Майк освещал присутствием своих японских друзей, лишь после отклонения последней апелляции, фотографию сняли. В Японии, страшная правда заключается в том, что за изнасилование дают только два года заключения, и когда иранский студент изнасиловал шестерых японских девочек, он стал своеобразной национальной знаменитостью. Он заманивал девочек к себе в квартиру, обещая приготовить чудесный соус для макарон. Журнал Brutus, странная помесь между Hello и Loaded, даже опубликовал этот рецепт, извращенным способом определив его в категорию афродезиаков. У додзё вкус был немного получше. Я знал, что фотографию Тайсона больше не вернут на место, даже когда его выпустят из тюрьмы.

Кейко, новичок в додзё, была только рада кланяться алтарю. После занятий я видел ее медитирующей перед неулыбчивой фотографией Канчо добрых пять минут.

Кейко, как и Долорес, которой теперь вход в додзё был заказан, стала просто одержима айкидо. Мужчины-айкидоки умели скрывать свое пристрастие лучше, прикрывая его бесконечными тренировками и повторением техник перед зеркалом, в то время как женщины облекали свои пристрастия в присущую только женщинам форму. У Долорес это выражалось в виде безумной страсти к Фернандо-сенсей, а у Кейко это была любовь к Канчо.

Некоторые учителя в додзё женились на своих любимых студентках, а некоторые женились на сотрудницах офиса додзё. Именно это и было запланировано в случае Кейко, ее выбрал лично Канчо в качестве будущей подруги для одного из младших учеников. Чида и Такено женились на сотрудницах офиса, Андо и Накано женились на студентках. С его прилизанными черными волосами и лающим голосом Накано напоминал голову реза. Мы никогда не видели его по утрам, потому что он учился на мануального терапевта. В общем его манера поведения, мне казалось, сработает против него на выбранном им поприще.

Аскетичная жизнь современного учи-деши (ученик в додзё) оставляла мало времени и возможностей для свиданий. У полицейских в этом плане жизнь была ближе к норме, у большинства из них были подружки, с которыми они встречались в свои редкие выходные дни.

Во времена Тессю все было намного свободнее. Он заявлял: "В мои двадцать и тридцать я был одержим природой сексуально страсти. Я спал с тысячами женщин в надежде устранить различие и непонимание между мужчиной и женщиной, собой и другой".

Такое высокопарное объяснение постоянной погони за сексом не вызвало сочувствия у его жены. Размахивая кинжалом, она поклялась, что убьет себя и детей, если он не перестанет спать со всеми подряд. Он перестал.

У Уэсибы, основателя современного айкидо и учителя Канчо, тоже было много любовниц. Он поощрял своих юных учеников наращивать свое сексуальное ки, мастурбируя перед бумажными ширмами шоджи. "Тот, кто сможет пробить дыру в шоджи только с помощью своего семени, будет настоящим мастером!"

Кейко была девушкой неопределенного возраста, в районе конца второго десятка или начала третьего; в этом возрасте большинство японских девушек должно начинать беспокоиться о замужестве. Посреди одного занятия она, абсолютно проигнорировав учителя, начала подметать в углу додзё. В культуре, где обучение происходит посредством наблюдения и копирования, Кейко была радикальной индивидуалисткой. Даже сумасшедший иностранец не посмел бы начать посреди урока. Один из учеников подбежал к ней и вытолкнул ее из зала. И хотя она больше не бралась за метлу, я замечал некоторую нервозность среди учителей, когда она посещала занятия после этого случая.

Все это сумасшествие из додзё должно было на время переехать на природу. Наступило время гасёку. Ежегодное гасёку, летний лагерь, проводимый под руководством додзё, не имел аналога на западе. Его посещали все ученики, занимающиеся в додзё, включая полицейских, детей, молодых матерей и иностранных сеншусей. Старшего сенсей в лагере - в последние несколько лет это был Накано-сенсей - можно полноправно сравнить с главой огромной и счастливой семьи. Сенсей, учи-деши и севанин управляли делами, а полицейские выполняли их указания. И, конечно, посещение лагеря иностранными сеншусей было обязательным. Все сошлись во мнении, что это не плохо - девушки там тоже должны были быть, а тренировки по слухам были мягче, чем обычно. Кроме того, мы должны были тренироваться с обычными учениками, что на фоне привычно строгого и безжалостного режима было для нас сопоставимо с отдыхом.

В помощниках у Накано-сенсей были обладатель пятого дана и высокомерного выражения лица, не профессиональный айкидока, взятый для административных поручений, миниатюрный учи-деши Фуджитоми и севанин Стампи - а также Сакано-сенсей, которая при своем четвертом дане имела наиболее высокий уровень в додзё среди женщин и была единственным учителем женского пола.

По сравнению с другими стилями айкидо Ёшинкан был в основном ориентирован на мужчин, хотя время от времени появлялись и ученики женского пола. Это была давняя традиция, одним из любимых учеников Канчо в 1920-х была женщина. Не такие сильные, как мужчины, женщины обычно быстрее овладевали правильной формой исполнения, поскольку наиболее частой ошибкой у новичков бывает использование силы вместо техники. Лучшим учеником Такено, которого серьезно боялись, была женщина. За ее спиной мужчины поговаривали, что несмотря на красоту исполнения в ее бросках не было мощи. Женщины, чьи тела были скроены по мужскому подобию, как правило не уступали мужчинам, но остальным женщинам приходилось применять скорость и совершенную форму, чтобы сдвинуть своих громоздких противников. Японские женщины, как правило, не любят кровоточащих носов и выщербленных зубов и предпочитают оставаться высокотехническими профессионалами в боевых искусствах вместо того, чтобы рисковать своей внешностью оттачивая бойцовское мастерство. Поскольку к женщинам в додзё предъявлялись одинаковые требования с мужчинами, я видел, что это не плохое место для занятий. Женщины-айкидоки, в основном молодые ученицы вузов, были страстно увлечены занятиями и многие из них решили посетить летний лагерь.

Как только мы вошли в автобус, и, естественно, полицейские и сеншусеи тут же заняли места в конце автобуса, я обратил внимание, что Кейко, со своей обычной безумной и невозмутимой улыбкой, тоже ехала с нами. Я сразу подумал о том радушии, которое проявлялось в айкидо ко всем занимающимся, - словно все мы были членами одной общей семьи. Но на самом деле японцы всегда надеются, что ты поставишь собственные интересы на последнее место. Многие японцы знакомы с английским выражением "быть сосланным в Ковентри" (прим. пер. - означает подвергнуться опале или бойкоту, происхождение фразы связано с тем, что во время гражданской войны в XVII в. захваченных в плен королевских солдат ссылали в г. Ковентри) - они сразу же понимают о чем идет речь, поскольку это вполне в японской традиции: создавать такую неприятную атмосферу, когда тебе все-таки придется сыграть роль Капитана Оатеса и пожертвовать собой даже если этого не хочется. (Между прочим, большинство японцев считает подвиг Оатеса совершенно нормальным поступком - они придумали для себя, что его заставили выйти из палатки в результате негласного решения большинства, поскольку именно так бы случилось в Японии.) (прим. пер. - речь идет об участнике экспедиции Р.Скотта на Южный полюс, Лоренсе Оатесе, о котором известно, что в сорокаградусный мороз он вышел из палатки босиком, чтобы увеличить шанс выживания своих товарищей по экспедиции.)

Автобус тащился через Токио и заехал в Чибу. Мы проехали завод по сжиганию мусора, в это время приторная девушка, предоставленная автобусной компанией для нашего сопровождения, рассказала нам, сколько в точности мусора сжигается на заводе ежедневно. Мы выразили уважительное восхищение острову "Гоми", который построен из мусора и находится в Токийском заливе. Мы проехали по подвесному Радужному мосту и были проинформированы о его точной длине в метрах, а также о том, что он на 327 метров короче моста через Йогогамский залив. По-видимому, мосты в Японии олицетворяют романтику - в любой субботний вечер вы можете увидеть ряды Тойот и Нисанов,

припаркованных со включенными фарами по всей длине моста через Йокогамский залив, пока влюбленные парочки всматриваются в темные воды глубиной в сотни метров у их ног. Никто не занимается сексом – для этого есть "гостиницы любви" – здесь они просто наслаждаются необъяснимой романтической атмосферой, которая непонятна западному наблюдателю из-за большого количества присутствующих.

В храме будо в Кашима (префектура Ибараки), который расположен в небольшом лесочке, где из-за громадных сосен и кедров едва заметны деревянные похожие на пагоды строения храма, мы бросили монетки в алтарную решетку и отправились на поиски прохладительных напитков. Вокруг входа в храм было множество сувенирных лавочек, торгующих деревянными дощечками удачи, и магазинов традиционного оружия. Когда мы усаживались обратно в автобус, я заметил, что Кейко приобрела традиционный деревянный меч, обернутый в прозрачную упаковку, чтобы покупатель мог его рассмотреть. Неудержимый Хал, студент университета, высказался по этому поводу: "Он конечно в целлофане, но это не значит, что ты можешь его съесть", – и Кейко одарила его в ответ суровым взглядом. Но это и правда была странная покупка для женщины; несмотря на то, что по японской традиции женщины могли заниматься боевыми искусствами, очень редко можно было увидеть свидетельство этого.

Мы прибыли на место.

- Черт, – сказал Бен – Это похоже на армейские казармы.

- Я говорил тебе, – сказал Билл, хотя он ничего такого не говорил, – Чего ты ожидал?

- Я представлял себе бревенчатые домики вокруг открытой площадки додзё, маты на открытом воздухе или что-то в этом духе, – сказал я.

- Четырёхэтажные бетонные бараки, – разочарованно сказал Бен.

Здание додзё производило более благоприятное впечатление. Оно было расположено недалеко от барачков и представляло собой огромное строение из дерева с массивными деревянными дверями на каждой стороне. Двери были распахнуты, и это давало ощущение легкости и открытости. Если постараться, можно было почувствовать в воздухе запах моря. До моря было рукой подать, но в какой конкретно стороне лежал берег, никто не знал.

Когда Ага увидел ступени крыльца додзё, он чуть ли не подпрыгнул от радости. Он и Малыш Ник взяли с собой роликовые коньки, а десять ступеней крыльца, опоясывавшие здание по всему периметру длиной сто пятьдесят метров, представляли собой первоклассную площадку для катания. Глупый Ага! Здание додзё считается священным местом. Катание на роликах по его крыльцу неизбежно будет выглядеть кощунством с точки зрения японца, но не Ага, ни Малыш Ник, по-видимому, об этом и думать не хотели. Они быстро переоделись в шорты из лайкры, переобулись в роликовые конки и начали «осквернять» крыльцо додзё.

Нас распределили по комнатам. Мне предстояло жить вместе с Сакума, Хэлом и еще парой копов, единственным другим иностранцем в моей комнате был Билл. Сакума медленно приходил в себя после унижений, пережитых ранее. Он очень сильно похудел, но что самое важное, он не собирался сдаваться, не смотря на то, что сейчас получал ударов и пинков еще больше, чем ранее. Сакума заслужил уважение своей стойкостью. Копы перестали его игнорировать, и дали ему прозвище Кума или Кума-тян, по-японски это значит «медвежонок». В самом деле в его облике было что-то от плюшевого мишки. Он принял меня в качестве семпай, (букв. перевод – «старший брат»; в восточных системах обучения – ученик, который больше знает или умеет; в каком-то смысле наставник, куратор; пример для подражания. Прим. переводчика) и настаивал на том, чтобы оказывать мне всякие мелкие услуги, например, наливал мне напитки и расчищал место, чтобы я мог присесть. В ответ, как я думаю, я должен был ободрять его и не мучить в течение курса. Это взаимоотношения «кохай – семпай» («младший брат – старший брат», прим. переводчика). Обе стороны выигрывают, хотя на западный взгляд это скорее похоже на доминирование одного человека над вторым, и этот второй мало что выигрывает от таких взаимоотношений. Настоящий семпай – это как добрый старший брат. Его бросят, если он будет слишком плохо обращаться с младшим братом.

Билл и я были очень довольны тем, что мы единственные иностранцы в нашей комнате, так как хотели быть по возможности дальше от остальных сеншусеев. Мы и так проводили по восемь часов в день пять дней в неделю все вместе. Я виде их плачущими, смеющимися, орущими и моющимися в душе. Я убирал за ними дерьмо в туалете. Мы дубасили и кидали друг друга до полного изнеможения, затем сидели часами в чайной комнате и поносили всех и вся. Последняя вещь, которую я хотел бы – это ютиться бок о бок с остальными членами группы в тесной комнатке.

Копы и сеншусеи-японцы – это совсем другое дело. Они тоже тренировались вместе с нами каждый день, но жили в другом месте, поэтому между нами и ними сохранялась определенная естественная дистанция.

В лагере соблюдалось жесткий распорядок дня и каждый получил свою копию расписания. Если мы не тренировались, не мылись, не ели и не присутствовали на собраниях группы

нам предписывалось находиться в наших комнатах. Возникало впечатление тотального контроля – совсем не трудно представить Японию коммунистической страной, и, возможно, если бы не Канчо и его штрейкбрехеры 50-х, она и могла бы такой стать. Как известный мастер боевых искусств, имеющий обширные связи с консерваторами, Канчо использовал университетский клуб боевых искусств как вербовочный пункт для найма штрейкбрехеров. Хотя ему удалось вывести из под контроля коммунистов такие громадные концерны, как Нихон Кокан Стил, я никогда не слышал, чтобы этот аспект деятельности Канчо обсуждался в додзё. Если бы его действия не имели такого успеха, в Японии произошел бы коммунистический переворот, на распорядок и атмосферу тренировочного лагеря это никак бы не повлияло.

День начинался в 6:00 по будильнику: один из полицейских дубасил во все двери, чтобы разбудить обитателей. В 6:15 мы должны были присутствовать на церемонии поднятия флага Страны Восходящего Солнца. Чтоб подумал полковник Х.Твиггер, если бы он узнал, что его внук поклонится фальшивому желтолицему божку?

Каждый день один из детишек должен был поднимать флаг. Хитрец Хэл проводил церемонию. Накано не появлялся до завтрака. («Берег свою ки», как говорил Бен, то есть пользовался своим правом отоспаться). То, что поднятие и опускание флага поручалось ребенку, было очень удачным выбором с точки зрения психологии. Во-первых, дети получали необходимые навыки, во-вторых это делало атмосферу церемонии более семейной и неформальной. Я как-то видел анимационный агитационный фильм времен Второй мировой войны. В нем героические японские пилоты Тихого океана были бурундуками и кроликами. Враги были выведены как буяны, пьяницы и злодеи, вторгшиеся в чистый мир плюшевых диснеевских зверюшек. Японский фашизм имеет семейный оттенок, поэтому он легко превратился в капитализм: семейная ячейка просто стала потреблять и копить деньги, а не приносить себя в жертву. Если бы флаг поднимал взрослый, люди могли бы начать протестовать, и дело могло бы принять серьезный оборот. Это могло бы быть причиной неподчинения, люди могли бы отказаться кланяться флагу. Но если флаг поднимает ребенок, то мы заранее на его стороне, мы знаем, что он нервничает и никто не захочет его подвести. Более того, мы понимаем, что у ребенка искренние намерения, и если он нечаянно уронит флаг на землю, этот инцидент не будет иметь иронического подтекста, а будет просто случайностью.

В 6:30 мы делаем зарядку под старомодный музыкальный аккомпанемент из репродукторов, выстроившись в несколько шеренг перед истерически жизнерадостным инструктором. Опять-таки зарядку проводят взрослый и ребенок. Хитрец становится немного более человечным, когда рядом с ним стоит дитя. Это известная техника манипулирования, которая в японском языке даже имеет свое собственное название: «мужчина приходит на встречу вместе со своей маленькой дочерью» – когда сотрудник приходит к боссу со своим самым младшим ребенком, чтобы придать переговорам более неформальный и человечный оттенок, обычно чтобы попросить повышения зарплаты или внеочередной отпуск.

Я знал, что Хэл постарается превратить утреннюю гимнастику в абсурд, но мне было интересно, каким именно образом он это сделает. Вполне ожидаемо он проводил зарядку с полной самоотдачей и серьезностью, что совершенно абсурдно, с учетом того, что никто не может быть хотя бы наполовину серьезен проводя такое идиотское мероприятие. Принимать это всерьез и проводить должным образом – это был также способ самоутвердиться без лишнего притеснения всех остальных членов группы.

После зарядки следовал совершенно неаппетитный завтрак. Я так и не смог привыкнуть к тому, что миска мутной пахнущей рыбой жидкости и миска разваренного риса посыпанного сухой рыбой и водорослями называется «завтрак». Правда, если вы умираете с голода, вам уже все равно.

Обед и ужин были немногим лучше, они состояли из традиционных японских блюд, то есть как правило, представляли собой «мусорную еду». Все это, на мой взгляд, было в среднем абсолютно несъедобно: вся еда была переваренная или пережаренная, тем не менее или совсем холодная, либо едва теплая и совершенно безвкусная. Ее можно было есть, если только быстро проглатывать не пережевывая. Все те, кто декларирует любовь к традиционной японской кухне – ненормальные, проглатывающие целиком такие деликатесы как: лапша, одиноко плавающая в пустом бульоне; рис с холодным соусом карри; водянистые бургеры, которые окатывают вас жидкостью, похожей на гной, когда вы пытаетесь подцепить их на вилку; жирные спринг роллы; холодные горки картофельного пюре, зачем-то посыпанные сверху перцем чили; микроскопического размера порции салатов, сделанные поваром без капли фантазии с заправкой из безвкусной дезодорированной спермы; крошечные сардельки, которые больше всего по виду напоминают экскременты. И все это обязательно сопровождается белым клейким рисом, который имеет нулевую питательную ценность. Белый рис как часть японской культуры, которая особенно ценилась националистами в 1930-е годы, символизирует собой ту липкую кашу, в которой Япония время от времени имеет тенденцию вязнуть.

Интересно отметить, что в префектуре Яманаши, жители которой имеют наибольшую продолжительность жизни среди всего населения центрального и самого большого японского острова Хонсю, используют в качестве главного продукта пшеницу, а не рис. Кухня в Японии не везде основана на использовании риса, потому то белый рис до двадцатого века был большой роскошью. Его использовали в качестве «королевского шиллинга» для того, чтобы рекрутировать деревенских юношей в армию, которая в 1904 году разгромила русских. В этой войне больше японцев умерло от дефицита витамина В, чем от вражеских пуль. Огаи, главный хирург Японии в то время, знал, что белый рис является диетой, бедной витаминами, но не распространял эту информацию, чтобы не препятствовать процессу вербовки рекрутов.

Японцы обычно радуются, когда вы выражаете в мягкой форме свою нелюбовь к их кухне. С их точки зрения, это еще раз подтверждает отличие японской культуры от остальных культур мира. Однако мое предположение состоит в том, что японцы подозревают в глубине души, что их еда по большей части отвратительно безвкусная; называя ее экзотической и особенной они всего лишь пытаются сохранить хорошую мину при плохой игре. Люди, которые действительно хорошо готовят, не болтают все время про то, как вкусны их блюда. Они просто их едят. Японский пунктик на еде вызван их сомнениями в адекватности их национальной кулинарии.

Перед ужином Бен и Рэм пришли к нам в комнату. Они сообщили никому не удивившую новость о том, что кататься на роликах в лагере запретили. Вдоль стен комнаты стояли тяжелые скамьи с футонами и одеялами на каждой из них. Мы сидели на скамьях и болтали. Каждый из нас хотел рассказать больше о своей прошлой жизни, которая до этого, кажется, и вовсе не существовала. С началом курса сложилось впечатление, что настоящая наша жизнь началась только с первого дня тренировок в качестве сеншусей. За дверями дождя был совершенно другой мир, про существование которого никто не догадывался. Это было немного похоже на учебу в английской публичной школе.

Возможно, потому что атмосфера была очень непринужденной, Билл задал Рэму весьма прямой вопрос: «Так сколько же на самом деле ты убил людей?» В странном мире боевых искусств почитается за особую доблесть, если ты лишил жизни кого-либо. Рэм улыбнувшись дал нам список подтвержденных жертв: двое «террористов», которых он убил из винтовки около иорданской границы, палестинец (я подозреваю, что он мог быть и не один), который умер после жестокой драки

- Возможно вы думаете, что я сумасшедший убийца, но это не так. Другой израильтянин меня бы понял, - он усмехнулся, блеснув круглыми стеклами очков. Он совершенно не был похож на человека, способного убить.

Он пожаловался на всю армейскую бюрократию, сказав, что только по этой причине он подал рапорт на увольнение. - Ты убиваешь одного человека, и должен заполнить тысячи форм. Это сумасшествие.

В Ливане войскам было запрещено избивать женщин.

- А что поделаться? Женщина плюет тебе в лицо, потому что ее сына убили, и пытается выдрать тебе волосы. Все твои подчиненные на тебя смотрят. Тебе не остается ничего, как только ударить ее. Поэтому я сказал своим солдатам, что они могут ударить женщину, только не на главной улице, а где-нибудь на задворках.

- Но в Газе мне было страшнее всего. Даже когда я спал, где-то в глубине моего мозга всегда присутствовал страх. Я никогда не забуду этого, до самой смерти. - Рэм усмехнулся вопросительно. - Вы думаете, что я сошел с ума. - Он посмотрел на Бена, который был евреем по национальности, однако не израильтянином. - Другой израильтянин меня бы понял.

Староста группы зашел к нам в комнату и напомнил, что наступило время ужина.

- Тяжелый случай, - сказал Билл мне по пути в столовую, - Ага и эти армейские ребята только играют в солдатики. Рэм настоящий солдат

- Хотя мне кажется, что он все же слегка сумасшедший, - заметил я.

-Что значит сумасшедший? - сказал Билл - Он нормальнее, чем большинство придурков, с которыми мы тренируемся.

После ужина у нас по расписанию было собрание всей группы, которое послужило поводом, чтобы выпить пива. По японскому обычаю каждый участник собрания должен был произнести речь, что значит, что за вечер мы должны были выслушать порядка сорока выступлений, и последнее из них должен был произносить Накано-сэнсей. «Он похож на кита-убийцу, правда?» - сказал Малыш Ник, и он был прав. С маленькими глазами на широком и грубом лице Накано действительно напоминал касатку. Он не был громадных размеров, но тем не менее прозвище ему подходило, потому что в его облике что-то грубое и жестоко

Когда подошла моя очередь произносить речь, я решил сказать что-нибудь смешное, не смотря на указания Накано по поводу того, что все доклады должны быть на тему «что айкидо значит для нас».

- У нас, англичан, - начал я, вставая, - тоже есть свое будо - оно называется крикет.

Накано засмеялся, и другие слушатели тоже.

- А по поводу крикета у нас есть поговорка: «Не важно, выиграл ты или проиграл, важно КАК ты играл». Суть айкидо так же в том, как вести поединок. Единственное, что меня расстраивает в айкидо, и это основное отличие айкидо от крикета – я не могу носить чертовы наколенники!

Сато произнес речь, в которой он сказал, что ненавидит айкидо. Суть его концепции состояла в том, чтобы показать, как сильно айкидо переплелось с его жизнью. Накано развил тему в своей собственной речи, в которой он в том числе напомнил, что Канчо сказал однажды: «Вы должны принимать айкидо всерьез, потому что если вы перестанете практиковаться и откажетесь от него, вы навсегда потеряете покой.»

К счастью для всех, выступления на подобных собраниях обычно совсем короткие, поэтому мы скоро перешли к бутылкам «Кириин». Билл открывал бутылку одну за другой и говорил про свою прошлую жизнь. Он поступил в колледж, позднее, чем это бывает обычно, в двадцать четыре года, и перед этим сменил несколько работ, работал на авиалинии на северо-западе США, перед этим рыбачил на Аляске. Каким-то образом мы подошли к вопросу расовых и национальных отличий.

Билл спросил Рэма: - Ты белый?

- Не понял, - удивился Рэм.

- Ты считаешь себя человеком с белым цветом кожи?

Народ вокруг зашумел, как бы говоря: «Конечно, Рэм - белый, как же иначе?» - Но Билл настаивал на своем.

Рэм сначала не понимал, о чем речь, но когда он догадался, то выдал длинное и обстоятельное объяснение. Да, сказал он, израильские Йеменцы рассматриваются, как представители африканской расы, и часть из них действительно достаточно темнокожие, и по сравнению с ними Рэм - белый.

- Ты больше похож на средиземноморский тип, - сказал я, как всегда, в попытке примирить стороны.

- Как итальянец или грек. - подтвердил Рэм.

Но тут вклинулся Дэнни: - Первая негритянка, которую я видел, была женщина из Або, выходящая из такси в Элис. Господи, я не хотел туда садиться после нее! Они настолько не похожи на нас!

Он продолжал в том же духе, говоря, что байки про вьетнамцев, мочащихся на сиденья в туалетах, и прочую расистскую чушь он считает неприемлемой. Дэнни был просто-напросто деревенщиной. Он дружил с Ага, а Ага был китайско-португальским метисом; у Дэнни также была шестнадцатилетняя подружка – японка. Его расизм был чисто теоретическим. Когда он знакомился с людьми ближе, он переставал замечать расовые отличия и совершенно нормально к ним относился.

Придумав удачное прозвище для Накано, Малыш Ник в каждом из сэнсей пытался найти что-либо от животного или рыбы. Чино, по его мнению, был похож на рыбу-молот, а Оямада был большим тюленем. Мастард был львом, и Чида был гепардом. Правда, когда Малыш Ник сказал, что он сам похож на пуму, это привело к большим разногласиям в группе.

- Серьезно, ребята - сказал он, - Неужели вы никогда не замечали, что хорошие парни похожи на кошек, а плохие – на рыб?

Мы продолжали пить пиво, пока Касатка не сказал, что нам пора в постель.

Следующий день был копией предыдущего, за исключением утренней и дневной тренировок. Вечером мы завалились в чью-то комнату и пили с полицейскими, пока не услышали, как Накано говорит с кем-то в коридоре. Копы сделали фантастический по скорости трюк, моментально скрывшись за двумя шкафами, в которых помещались футоны и посуда. Это было как в дешевой комедии. Затем пришел Накано и стал подозрительно осматривать комнату. Он сказал, что нам пора баиньки, но так и не заметил притаившихся полицейских. Копы вылезли из убежища ко всеобщему восторгу. Единственным, кто не смеялся, был Рэм. «Почему они не могут себя вести, как мужчины? Боятся Накано, как дети малые!»

На следующий день незадолго до завтрака Хэл ворвался в комнату и выпалил, что Кейко угрожает детям своим деревянным мечом. Я не поверил этому, поэтому спустился вниз в лобби и увидел Кейко, сидящую с угрюмым выражением лица. Меч, все еще затянутый в пластик, лежал рядом с ней, и это делало Кейко еще более жалкой и трогательной. Я прошел мимо по направлению к додзё, встретил Хитреца Хэла и Карлика Фуджитоми, которые возвращались в бараки. Внезапно Кейко пронеслась мимо меня и замахнулась мечом на Хитреца. Фуджитоми стоял и ничего не делал, Хитрец тоже застыл как вкопанный, спасибо айкидошным тренировкам с мечом. Кейко несколько раз сильно ударила Хитреца и вцепилась ему в колено. Затем она убежала в сторону додзё. Хитрец послал Фуджитоми ловить ее, Фуджитоми мгновенно испарился. Вскоре подошло время завтрака.

Фуджитоми не появился на синтоистской церемонии благодарения перед завтраком, поэтому Сакано пришлось проводить эту церемонию за него.

После завтрака Рэм взял свою камеру и мы пошли искать Фуджитоми и Кейко. Крошечный учи-деши безуспешно пытался вывести Кейко из додзе. Она как раз проводила сидячую акцию протеста посреди занятия кендо. Поскольку Кейко была тяжелее Фуджитоми, ему требовалось приложить значительные усилия, чтобы заставить ее подняться и уйти. Фуджитоми заметил нас и помахал нам рукой, как если бы хотел, чтобы мы ушли и оставили его в покое. Позднее Фуджитоми сказал мне, что вообще-то он звал нас на помощь, но в тот момент я забыл, что жест, который на Западе означает «уходите», в Японии имеет совершенно противоположное значение.

В тот же день у нас была тренировка, которую проводил Накано, а у копов была экскурсия в ближайший синтоистский храм. Полицейские были против тренировки, но сеншусеи-иностранцы, желающие показать свое намерение серьезно тренироваться и жаждущие увидеть крутого инструктора Накано, добровольно выбрали страдание. Всю тренировку Накано постоянно отвлекался, подходил к окну и смотрел во двор. Он продемонстрировал совершенно электризующее коте гаеши на Дэнни, который был удивлен тем, как быстро и сильно была выполнена техника. Накано же вернулся к своему посту у окна. За полчаса до официального конца тренировки он извинился, и сказал, что вынужден закончить занятие, так как ему надо заняться Кейко, которая все еще бегает по лагерю и безобразничает.

С этого дня комнате Кейко круглосуточно охраняли двое полицейских. Она даже в туалет не могла выйти без сопровождения полицейского из спецотдела! Тем же вечером, пока мы любовались фейерверком, за Кейко присматривали двое полицейских. Фейерверки могли нанести ущерб психике Кейко, поэтому ее заперли в комнате. Никто не понимал, и вообще не размышлял о том, почему Кейко сошла с ума. «Она просто хен-на, странная, вот и все», - сказал Хэл. Фейерверки были совершенно потрясающим зрелищем, не то что на Западе. Было очень весело, и совсем небезопасно тоже. Дети подбегали ко мне с ракетами и римскими свечами в руках и упрасивали меня зажечь фитиль от сигареты. После некоторого колебания я соглашался. Было несколько неудачных запусков — когда ракеты поднимались и летели куда-то в сторону на высоте головы, а также несколько снарядов, которые не разорвались в воздухе, зато взрывались после падения на землю.

Очень обеспокоенные вопросами безопасности Бешеный Пес и Дэнни были удивлены, как народ беззаботно веселился. Не было никакого централизованного контроля за запуском фейерверков. Вместо этого было совершенно никем неконтролируемые гуляния, причем самые большие заряды фейерверков запускали полицейские и начальники. Это было похоже на праздник непослушания в детском саду: каждый считал, что самый лучший способ запустить громадную ракету — это подкинуть ее рукой. Бешеный Пес стоял с руками, сложенными на груди, как недовольный пожарный. «Такого не следовало допускать!» - говорил он каждому, кто проходил мимо.

Мы продолжили веселиться после того, как был исчерпан весь запас ракет. Затем прошел слух, что приехал брат Кейко, чтобы забрать ее домой. Все еще больше обрадовались. Полицейские и сеншусеи в возбуждении стали сдирать с себя рубашки, чтобы сфотографироваться. Это обеспокоило Накано, который стал упрекать нас в том, что мы, как иностранцы, которые будут инструкторами айкидо, обязаны даже в большей степени, чем полицейские, показывать хороший пример. Это было необдуманное слово с его стороны. Что Накано действительно хотел сказать, так это то, что мы стали трудной группой со дня нашего прибытия, в который Ага и Малыш Ник бросились первым делом осваивать на роликах крыльцо додзе. Далее последовала цепь менее значительных, но тем не менее оскорбительных для ума и достоинства японца нарушений режима и порядка. За это Накано нас и собирался наказать, однако мы его выпады по поводу рубашек посчитали неадекватными и, следовательно, несправедливыми упреками. Малыш Ник, до сих пор по детской наивности считающий всех взрослых честными, попал в самую большую опалу. Он никак не мог сопоставить великолепные способности Накано, как мастера айкидо с тем, что в жизни он вел себя, как злопамятный ублюдок.

Праздник, немного поутихнув, переместился в другую комнату. Шерлок и я строили планы о том, как позже летом совместно будем рыбачить в открытом море. Эльф массировал мои плечи, а Брат Эльфа говорил на том особенном диалекте английского, который он освоил в возрасте четырнадцати лет. Он повторял это много-много раз, поэтому я помню его слова хорошо: «Таро хочет играть в бейсбол, но его легко смутить...» На последнем слове он сбивался и начинал истерически хохотать. Шерлок отвел меня в сторону и рассказал свою «тайну». Японцы вообще придают большое значение процессу передачи личной информации. Есть всякая разная ежедневная фигня, и есть «секрет». Одна женщина, которая училась у меня около года, как-то раз внезапно сообщила мне: «У меня есть секрет. Вы знаете, я живу со своим братом. Честно говоря, он мой муж, я замужем, но я его терпеть не могу!»

Лицо Шерлока было пунцовым от выпитого, его глаза почти закрывались. Он наклонился ко мне и сказал: «У меня есть секрет... Вообще-то я – совсем не японец!»

Я стал смеяться, но он посмотрел мне прямо в глаза с абсолютно серьезным выражением: «Мой отец японец. Моя мать – кореянка. Иногда я ненавижу японцев. Что ты об этом думаешь?»

- Иногда я тоже их ненавижу, - сказал я.

- И это хорошо, правда ведь? - сказал Шерлок, делая очередной глоток из бутылки.

Мне нравилось общаться с полицейскими. Они были простые и добрые люди, даже когда выпивали. Перед одной вечеринкой иностранные сеншусей купили большое количество пива. Бешеный Пес собирал деньги на выпивку, а Стампи, как севанин, должен был купить ее. Он так же купил сигареты, которые он выдавал маленькими порциями всем нам по-очереди, лежа на своей скамейке. Вся сцена сильно напоминала фильмы про заключенных. И тут Бешеный Пес заявил громко на английском языке в сторону полицейских, которые хотели присоединиться: «Кто не заплатил – тот не получит пива!» Скорее всего, копы не до конца поняли, что он сказал, но тон был недвусмысленный. В Японии всегда принято платить свою долю, иначе это рассматривается как потеря лица. Они просто платят после, так как нарушать течение вечеринки процессом сбора денег никто не хочет. Бешеный Пес к тому времени просто не знал этой подробности – он только вступил в должность казначея, которая досталась ему по причине его чудовищной скупости. Никто больше не хотел отвечать за общественные деньги. (Скупость Бешеного Пса вошла у нас в поговорку – он даже женился в пятницу, 13-го, так как в этот день в магистрате была скидка для регистрирующих брак!) И так, копы почувствовали себя не в своей тарелке, и быстро ретировались под предлогом спасения Сато из апартаментов Накано, где была вечеринка для персонала.

После того как мы покинули лагерь, расположившись на задних сидениях автобуса, внезапно была поднята тема «они и мы». Биллу и Бэну сказали, что они «хорошие иностранцы» (тактичные, тихие и дружелюбные), в то время как Малыш Ник и Ага были «плохие иностранцы» - урусай, что означает в буквальном переводе «шумные», но в Японии «шумные» - это эквивалент слова «невыносимые», и таких людей не терпят.

В результате, мы выгрузились из автобуса возле додзё и разошлись не прощаясь друг с другом. Я понял, что если люди проводят время вместе, это еще не означает, что они начинают лучше относиться друг к другу. На самом деле, непонимание может даже усилиться. Если мы чего-то недопонимаем в чужой культуре, мы должны с терпимостью относиться к этим моментам. Альтернативой является конфликт. К сожалению, во многих случаях конфронтация действительно делает жизнь более интересной. И хотя часть нашей группы дружила с копами, в среднем, взаимоотношения между иностранцами и полицейскими существенно не улучшились после лагеря. Какой-то холодок был между нами на тренировках, как если бы мы знали, что мы никогда не станем хорошими друзьями, как надеялись в начале нашего знакомства. За нашими первоначальными радужными надеждами не было никакой реальной силы, а сейчас уже поздно, курс пройден на половину, и для всех будет лучше закончить все это как можно скорее и с минимальным напряжением.

Еще один момент застрял у меня в памяти из пути обратно. Мы остановились в ресторане пообедать. Около ресторана был автомат, торгующий сигаретами, по боковой стенке которого медленно полз гигантский богомол, минимум шесть дюймов в длину. Копы, иностранцы и японцы сгрудились на влажной дневной жарнице, чтобы понаблюдать за этим насекомым. Богомол остановился, и вытянул свои передние лапки с клешнями, как будто хотел их размять. Мы тихо переговаривались между собой, боясь, что богомол нас может услышать. Накано проходил мимо и его кто-то позвал из толпы подойти. Он так же присоединился к безмолвному наблюдению. Богомол замер, время замедлило течение. Накано вроде неплохой парень, - подумал я, - вот только прическа у него глупая, почти женская. Все продолжали наблюдать. И чем же это закончится? Накано, как будто услышав мой невысказанный вопрос, с быстротой молнии схватил богомола и сделал движение, как будто собирался бросить его на одну из девушек. Девушка завизжала, богомол улетел, а сиплый смех Накано заполнил своими удушающими волнами всю площадку.

Честно говоря, у нас не было никакого летнего перерыва в тренировках на курсе сеншусей. Зато в высшей школе, где я преподавал, были восемь недельные каникулы. В мой первый понедельник после них мистер Вада сказал мне, что он женится.

- Поздравляю! - сказал я

Он выглядел очень довольным и сказал мне, что его невеста тоже учитель в нашей школе.

- Кто?

- Она учитель физкультуры.

- Потрясающе! - сказал я. Учительница физкультуры была самой симпатичной женщиной среди преподавателей. Затем я вспомнил, что он говорил мне ранее, что его девушка работает в офисе. Это значит, что Вада, возможно, мне не доверял. В Японии, если вы что-то кому-то говорите, вы хотите, чтобы ваш собеседник всем разболтал эту новость. То есть он сказал мне, что его девушка работает в офисе для того, чтобы никто не заподозрил, что он собирается жениться на учительнице физкультуры.

- Она так же училась в этой школе, - сказал он, - у меня.

- Правда? Вы уже тогда ей нравились? - спросил я.

- Да, - сказал он, не испытывая ни капли смущения.

- Удивительно, - сказал я.

Я посмотрел на невозмутимое лицо Вада, на его влажные губы. Чувствовал ли он себя одиноким? Я вспомнил, как один из учителей сказал мне, то мистер Вада был единственным ребенком в семье. Мне показалось, что даже женившись он будет чувствовать одиноким

В начале сентября мы начали готовиться ко второму тесту. Пять месяцев прошло, еще шесть месяцев оставалось до конца курса. Этот тест будет последний перед экзаменом на черный пояс.

Через три месяца после получения черного пояса будет последний завершающий курс экзамен, что означает, что он будет даже сложнее, чем экзамен на черный пояс. Но на данный момент единственно важной вещью, которую я ждал от предстоящего теста, была возможность сменить партнера. Я был готов заниматься с кем угодно, потому что хуже Мальша Ника никого не могло быть.

Мои ребра щелкали, мои легкие свистели, напоминая мне все время о том, что я стою в паре с армянским подростком. Рэм обрил голову наголо в преддверии приближающегося экзамена. Чида-сэнсей удивленно спросил Рэма, зачем он это сделал.

- Каждый день брею голову я думаю об айкидо и о том, что я должен тренироваться интенсивнее. - ответил Рэм.

- Это неправильно, - сказал Чида, - вместо того, чтобы думать о том, как ты тренируешься интенсивнее и в это время брить голову, нужно в реальности тренироваться интенсивнее, и мечтать о том, как ты бреешь голову.

Билл и я начали традицию, которую мы соблюдали в последствии до конца курса. После тренировки мы зашли в кафе, где варили очень хороший кофе. Качество кофе было важным моментом для Билла, который вырос в Сиэтле и рассматривал болтовню в кафе за чашечкой хорошего кофе как одно из наиболее изысканных удовольствий в жизни. Для меня наши кофейные сессии так же стали одной из тех вещей, которые я предвкушал с самого утра каждый день.

У Билла родился ребенок, дочь. Его жена переехала к своим родителям, чтобы ей было проще присматривать за ребенком.

Билл был краток на счет этой части своей жизни: - Я не думаю, что вам, ребята, интересно слушать истории про моего ребенка, так как я сам не испытывал интереса к подобным разговорам, пока у меня не родилась дочь.

Такая тактичность характерна для Билла. Хотя он сам не курил, он никогда не жаловался на дым, и не цеплялся к курильщика.

В нем было что-то старомодное, возможно потому, что он был воспитан престарелыми приемными родителями, а не своей собственной семьей, которая жила на пособие и кого он откровенно презирал. «Мне плевать, считается это правильным или нет, но это выводило меня из себя. Вот почему я понимаю Адама. Я знаю, что его родители такие же отбросы, как и мои.»

Билл был прирожденным атлетом, в школе он весьма успешно играл в баскетбол, но в колледже бросил из-за агрессивной соревновательности командных видов спорта. Хотя он считал, что Мастерд не любит его (Билл испытывал потребность, чтобы его все любили, но он был гордый, поэтому я думаю, что время от времени он чувствовал себя очень одиноким), однако, он был вторым лучшим учеником после невоспитанного Мальша Ника.

Я видел, что Билл был почти в слезах после одной из тренировок Шиоды, когда мы должны были делать бесконечные верхние страховки через вытянутую руку. У Билла было защемление нерва в спине и каждый кувырок пронзал его тело волной сильной боли И хотя ему трудно было даже вздохнуть, он не жаловался. Он справлялся с этим молча и самостоятельно. Один раз после того, как Бен пошутил и мы все хохотали перед входом в додзё, Билл сказал: «Пожалуйста, не смешите меня – мне слишком больно смеяться.»

Когда Билл немного поправился, он пару пожаловался на то, как мало симпатии выказывали ему, когда он был болен.

- Но ты же никому не рассказывал! - сказал я. - Мы просто не знали, что тебе было плохо.

Билл ответил: - Никто не должен просить о сочувствии. Но это не значит, что неприятно, когда тебе сочувствуют.

Бешеный Пес и Адам были любимыми мишенями сарказма Билла. Когда Бешеный Пес хвастался в чайной о своих громадных жизненных планах: «Анна Мари и я планируем завести двух детей», Билл моментально съязвил: «Два и три десятых ребенка, совершенно средний результат?»

Как раз в этот момент я вступил в «Винстон Смитовскую» фазу своей жизни. Многие иностранцы проходят через эту неизбежную фазу, когда знакомятся с японской девушкой, которая имеет несчастье, как и большинство японских девушек, все еще жить с родителями. Сара, только недавно закончившая школу, («Будешь поступать в университет?» - спросил я. «Ни за что» - ответила она, и рассказала про свои планы поехать в Индию к Саи Бабе, своему на тот момент любимому гуру, а так же в Англию, родину Брайана Джонса.) разумеется, жила с родителями. Она даже не могла дать мне свой номер телефона. О следующем свидании мы договаривались на предыдущей встрече, таким образом, наши встречи, узнав о любой из которых, как уверяла меня Сара, ее отец пришел бы в ярость, образовывали ненадежную цепь, связывающую нас вместе. Я был вынужден выискивать укромные местечки в парках и на набережных. Славное местечко, чтобы украдкой пообниматься, отмечал я и тут же замечал шалашик из старых картонных коробок. Так что какой-нибудь бомж вполне мог бы потребовать освободить свою редкую собственность. А укромные места и вправду были в дефиците. Адептам секса на свежем воздухе хорошо в Париже, Нью-Йорке, или Сингапуре. Не в Токио. В Токио все площадки заняты. В парках нет зарослей кустов, деревьев значительной толщины и вообще травы сколько-нибудь заметной высоты. Зато «нозоки», любителей подглядывать за влюбленными парочками значительное количество. Нозоки - это люди, которые вполне адаптированы японской культурной традицией. Старые гравюры 17-го столетия изображают непристойные сцены, за которыми третий участник подглядывает в весьма кстати подвернувшуюся щель или отверстие - в современной жизни это скорее будет бинокль или подзорная труба с многократным увеличением. Ради этого нозоки готовы таиться за деревьями ночь напролет, скрываться за такими ненадежными и неприятными укрытиями, как мусорные баки и притворяться, что ловят рыбу там, где отродясь ее не водилось, и ни один участок, покрытый растительностью, не остается без их внимания. Если есть какая-то черта, характеризующая японцев, как нацию - то это явно должна быть склонность к подсматриванию.

Сара пыталась бы зарыться поглубже в кучу листьев, заслышав приближающиеся шаги, ее беспокойство передалось бы мне и я, как герой Винстон Смит, герой романа 1984 Оруэлла, планировал бы еще более фантастические и изощренные способы скрыться от «полиции» (публики вроде нозоки, которые были бы сильно биты в Англии за свою назойливую привычку подглядывать). В Японии же они обращают любовников в позорное бегство. К сожалению, я не мог провести стоячую или даже сидячую акцию протеста, а регулярные визиты в отели любви мне были не по карману.

Самыми лучшими местами были обнесенные изгородями заросли в лесных заповедниках. В них строго запрещалось находиться и другие японцы были слишком законопослушны, чтобы нарушать этот запрет в местах, которые охранялись для украшения города. Моим любимым предметом одежды был легкий плащ, который можно было использовать в качестве подстилки, не смотря на то, что он стал неопрятным и мятым от использования в полевых условиях. Время от времени в моем распоряжении оказывалась наша комната на Фуджи Хайтс, но это было трудно организовать регулярно, так как я должен был договариваться за неделю, а мои товарищи по комнате вели более непредсказуемый образ жизни. Кроме того, мне нечего было предложить в обмен на их любезность, и организация требовала массу сил. Поэтому проще было найти заросли в городском парке. Таким образом, я вел странный образ жизни, который только ухудшал состояние моих стертых коленей.

В нашей любимой кофейне мы с Биллом часто сплетничали обо всех, и особенно часто об инструкторах, которых мы не любили. Чино, по нашему взаимному согласию, был грубиян, Накано - невежа и нарцисс. Мастерд был непоследователен, Шиода - садист, Пол был слишком за панибрата, а Стефан слишком отстранен. Мы одобрили Даррена.

- У него рабоче-крестьянский стиль айкидо, - заметил Билл. - Не очень эффектный, зато эффективный.

- Они ждут от нас сразу совершенства, - сказал Билл, после одной из тренировок, - но все, что мы хотим - это понять, можем ли мы действительно чего-либо достичь в этом направлении. Но они не видят этого. Они все время на нас наседают, пытаются сделать нашу жизнь настолько невыносимой, насколько это возможно.

- Совершенно верно, - согласился я. Когда Билл начинал подобным образом, надо было дать ему выговориться.

- А сейчас айкидо - не самая главная часть моей жизни. У меня есть семья и ребенок, и я бы бросил тренировки прямо сегодня не задумываясь, если бы жена попросила бы меня об этом.

Направление разговора приняло опасный оборот: разговоры о возможности бросить тренировки расхолаживали и считались дурной приметой. После того, как Чино отчитал в грубой форме Адама за слабость, и чуть было не отослал его домой, Адам стал вести себя нервно и не переставал повторять с беспокойством, то он все равно может получить черный пояс, занимаясь на тренировках кеншу (более интенсивный, чем средний, курс тренировок, но и близко не сравнить с курсом сеншусей), как Крис или Толстый Фрэнк. Сеншусеи немедленно его одергивали. Существовало неписанное правило, что разговоры о том, что ты собираешься бросить – это очень заразная и неправильная вещь. Все в группе с упорством фанатиков считали, что бросить тренировки – это самое худшее, что может случиться. – Да все будет в порядке с вами. – Сказал Адам. – Вы не понимаете Чино. Отец моей жены якудза, и поэтому я знаю, что парень меня ненавидит.

Адам сказал это беспомощно, однако каждый из нас в глубине души знал, что по отношению к некоторым инструкторам это было правдой.

Сара считала, что заниматься боевыми искусствами глупо. С точки зрения современной японской молодежи айкидо выглядит также сексуально, как регби для их английских сверстников. Вот регби в Японии – совсем другое дело, в Японии совершенно определенно этот вид спорта считается модным. На самом деле айкидо считается еще более архаичным занятием, чем регби, это как смесь между танцем в средневековых одеждах и регби: смесь ультра-традиционализма, глупой одежды и насилия. То, что занятия айкидо привлекают иностранцев вызывает улыбку непонимания. Если бы Сара задумала бы научиться играть на волынке и уехала бы в Шотландию для того, чтобы присоединиться к ансамблю волынщиков – это было бы совершенно симметричным отражением ситуации. Я бы тогда тоже мог бы ее постоянно высмеивать. А вместо этого она любила Роллинг Стоунз, и считала с максимализмом, свойственным юности, что Брайан Джонс – самый сексуальный участник группы. По крайней мере, мой единственный соперник был уже мертв, однако она восполняла этот существенный недостаток с помощью алчного коллекционирования редких и удивительно непристойных видео записей Роллингов. Теперь-то я вижу, что ее поведение было совершенно нормальной реакцией здорового молодого организма на отупляющую жизнь в традиционной японской семье и тиранию отца. Она так же отличалась исключительным практицизмом и откладывала каждый пенни, который получала за свою работу в супермаркете, для того, чтобы уехать в Англию.

Я платил за большую часть наших расходов, но они были весьма скромные. Когда тебе восемнадцать, ты еще не успел приобрести привычку к роскоши. Или, по крайней мере, Сара не успела. Сидеть в барах она считала утомительным, и гораздо больше ей нравилось скрываться в парках от орлиного взгляда назойливых нозоки.

Когда я надел свою «командную» куртку сеншусей, которая была похожа на бейсбольную, Сара просто валялась по полу от смеха.

- Хорошо, - подумал я, - это, возможно, смешно. Но не на столько же?

Бейсбольные куртки и короткие стрижки носят только старшеклассники – неудачники. Встречаться таким иностранцем-старшеклассником за тридцать было слишком смешно.

Куртки были идеей Ага. Они были сделаны из искусственного черного шелка, с вышитым именем владельца и большой надписью на спине: «Айкидо Ёшинкан – инструкторский курс». Они стоили 200\$, что, конечно же, было слишком дорого. Но предприимчивый Ага каким-то образом умудрился всех убедить купить эти куртки. Ходили неподтвержденные слухи, что свою куртку он получил бесплатно за размещение заказа на оптовую партию. Позднее Ага пытался протолкнуть идею командных футболок, но мы с Биллом воспротивились этому. Футболки должны были быть сделаны по образцу тех, которые носят десантники, (одна из таких была у Ага) и на них предлагалось сделать следующую надпись: «Без страха, без извинений, без сожалений». «И без гомосексуалистов», добавил Дэнни. Даже Мастерд посчитал надпись отвратительной и преувеличенной. Ага продолжал гнуть свою линию, в результате чего группа остановилась на футболках с такими же надписями, как и на наших куртках. И только мы с Биллом отказались поддерживать командный дух таким способом – мы попросили сделать футболки без надписей, просто с изображением ёшинкановского орла.

- Больше похож на безумного цыпленка, - сказал Крис

Так же на наших с Биллом футболках было несколько иероглифических надписей. Даже этот невинный предмет туалета Сара осмеяла. Она сама предпочитала цветастые одеяния в духе шестидесятых, афганские пальто, старые потертые сумки и военные ботинки своего дедушки.

Когда подошло время второго теста, я решил не стричься. Стричься перед экзаменом было плохим предзнаменованием. Короткие стрижки определенно были частью образа жизни сеншусей. А Рэм опять обрился наголо, другие же стриглись под полубокс, но не брились совсем. Это определенно было сложнее, стричься таким образом. С большой долей нарциссизма мы разглядывали друг друга в раздевалке и обсуждали стрижки. Со своими относительно длинными волосами, я опять откалывался от группы. И хотя Малыш Ник

старался изо всех сил быть хорошим партнером, мое сердце было беспокойно. Мы должны были показать семь случайно выбранных техник из пятидесяти или шестидесяти, которые к тому моменту выучили. Хотя я не делал грубых ошибок, Чида говорил мне, что я плохо чувствую партнера. Я слишком сдерживался. И как он умудрялся все замечать! Я, Бен и Адам прошли тест с оценкой «хорошо», все остальные получили оценки «отлично». Дэнни особо отметили за хорошие стойки – и это действительно было большой похвалой.

Я начал осознавать, что подход Дэнни к освоению техник хорошо соответствовал структуре курса. Он просто делал то, что от него требовали другие. Он не полагался на свое собственное понимание и видение. В течение продолжительного времени он жаловался, что «ничто не работает». Но вместо того, чтобы менять или преждевременно вырабатывать свои собственные варианты техник, он продолжал работать над идеальной формой. В конце-концов такой подход начал оправдывать себя. Ага подходил противоположным образом, он делал все, как считал нужным. И было видно, что ему еще работать и работать в направлении к идеалу.

Сакума и Допи были все еще хуже всех, но они почти уже нагнали группу. Основное различие было теперь между Сато, Хэлом и иностранными сеншусей с одной стороны, и копами с другой стороны. Технически мы выглядели более или менее на одном уровне, но гражданские сеншусеи старались сильнее остальных работать над эффективностью своего айкидо.

После сдачи я побрил свою голову. Время начать все заново. Я с нетерпением ждал, кто будет моим новым партнером. Информация о том, как перетасуют партнеров, была окружена избыточной тайной. Нам никогда этого не говорили. Япония – страна, где распространен дефицит информации. Если люди могут вам что-то не говорить, они этой возможностью, как правило, пользуются.

Мы заняли свои места, и после этого объявили список новых пар. Мне достался Бешеный Пес, и мы будем заниматься в паре до экзамена на черный пояс, который предстоит сдать в декабре. Могло быть и хуже. Он был доброжелательно настроен, и был достаточно взрослым, чтобы оставлять свои личные проблемы за порогом додзэ. Мы, конечно, не были равными друг другу ни в каком смысле этого выражения, так как у него уже был черный пояс, но я был быстрее и легче, чем он. Хотя он все еще обладал бульдожьей хваткой, за которую получил свое прозвище.

В середине сентября у нас было еще одно событие: Всеяпонская демонстрация айкидо Ёшинкан. Демонстрации стали неотъемлемой частью айкидо Ёшинкан с триумфа Канчо на показательных выступлениях в 1954г перед громадной аудиторией. События спонсировала Японская ассоциация за продление жизни. Как многие группы, вовлеченные в деятельность, которая могла бы рассматриваться американцами, как милитаристская, они выбрали название, для которого «глупые американцы» не могли не сделать исключения из правил. Аналогично, локальные группы кемпейтай, японского эквивалента КГВ времен второй мировой войны, не были распущены – они просто превратились в местные ассоциации наблюдателей за общественным порядком в районе.

Демонстрация 1954г. имела грандиозный размах, число зрителей превышало 15 тысяч. Поскольку до этого в течение 10 лет США запрещали проводить японцам демонстрации боевых искусств, все событие, как я понимаю, было рассчитано на то, чтобы показать, что японский дух не сломлен проигрышем в прошедшей войне.

Канчо участвовал в этом шоу и, согласно большинству источников, завоевал главный приз, что сделало его самым знаменитым в Японии мастером боевых искусств. Другие источники утверждают, что главного приза, как такового не было и что все решили, что Канчо – победитель, потому что бригада пожарных начинала неожиданно играть победный марш не менее трех раз в течение его выступления. Они не чествовали таким образом никого больше, и это, предположительно, может быть зачтено, как главный приз.

В результате оглушительного успеха на демонстрации 1954 года Канчо не составило труда привлечь спонсоров, которые помогли ему основать первое додзэ Ёшинкан.

Учитель Канчо, Уэсиба, был менее увлечен демонстрациями. В 30-х годах его просили продемонстрировать свое искусство в императорском дворце. Сначала Уэсиба отказался, сказав, что он может продемонстрировать только реальное айкидо императору, а реальное айкидо всегда заканчивается смертью противника. Император прикажет кого-нибудь убить? Из дворца ответили: – Ну же, не увильвайте, наверняка вы можете продемонстрировать что-нибудь не смертельное? Уэсиба неспешно поднялся со своего футона. Он в то время страдал от хронического болезни печени, которую приобрел в юности, на спор выпив восемь галлонов морской воды. Но перед взором императора он собрался духом. Его первый ученик атаковал его по команде и Уэсиба сдержался, но тем не менее, сломал ученику руку. Второй ученик, которым был, кстати, Канчо выжил в течение оставшихся сорока пяти минут демонстрации айкидо. Он потом писал, что вынужден был провести в постельку битую неделю, оправляясь от этого экстремального опыта.

Наша демонстрация должна была проходить на стадионе полиции в Накано. Вместо императорского двора нашими зрителями будут бизнесмены, местные чиновники и

университетские и школьные клубы со всей Японии. Мы должны выйти вместе с полицией, сидеть на коленях, пока копы демонстрируют свои навыки, показать свою часть выступления и затем все вместе уйти. Все должно быть синхронно и вся группа должна была делать одну и ту же технику одновременно.

Наше выступление начиналось с техник от прямого удара от бедра, как в каратэ. Бешеный Пес должен был ответить входом ирими, после чего бросал меня на татами. Я переворачивался на спину и вставал на ноги одним грациозным движением. Затем следовала целая очередь хватов за запястье и бросков, за которой следовал грандиозный финал, где я падал прямо на колени, увлекая Бешеного Пса за собой. Пока он лежал на земле, я должен был ударить его в висок, этот удар Бешеный Пес блокировал, а я должен был испустить боевой клич, киай. Причем закричать надо было одновременно со всеми остальными участниками выступления.

Пол всегда лучше других справлялся с тем, чтобы довести действия группы до полного автоматизма. Он был очень дотошным и систематическим, останавливал репетиции только в тех местах, где были проблемы. Он забыл свою обычную методику с разрушением ритма, которую использовал во время практики. На этот раз он твердо преследовал цель добиться от группы максимальной слаженности и эффективности и тренировки пролетали, как одна минута. Инструкторы-японцы были более расслабленными и менее изобретательными. С ними мы просто повторяли одно и то же до посинения. Это было двухминутное выступление, а мы его прогнали не менее нескольких сотен раз. Эти тренировки так же включали в себя необходимость бесконечных страховок каждый раз одним и тем же способом. Достаточно быстро это закончилось тем, что вне айкидо называется хронической травмой от перенапряжения (ужасные «шишечки» немедленно отомстили за пренебрежение). Косточка сустава моего левого бедра была постоянно опухшей. Прямой удар по «шишечке» обжигал болью все тело. Уникальной болью, добавляю я, и для того, чтобы встать после приземления на больное место, требовалось собрать всю волю в кулак. Один раз, когда Адам лежал на полу после такого приземления, мимо проходил Чида, который сказал в его сторону: «Старушенция!»

Мы пожаловались на наши «шишечки» Рейнальдо, венесуэльцу, который работал моделью. Он был одним из немногих, кто провалил полицейский курс без того, чтобы сначала бросить это дело. Он все еще время от времени бывал в додзэ, не смотря на то, что прошло уже два года. Он был высоко оплачиваемой моделью и баловался айкидо. Его айкидо было неплохим, однако инструктора считали, что его латиноамериканский пофигизм недопустим. В Рейнальдо было что-то от рептилии, даже когда он старался выглядеть сочувствующим.

– О, это действительно плохо, я же вам объяснял, помните? Если вы падаете на мат с большой скоростью, вы, разумеется, ударитесь о мат. Вы помните?

Мы согласились, что что-то в таком духе уже слышали.

– Как на моем курсе, у вас наверняка есть люди, которые оборачиваются полотенцами и изобретают всякие штуки, чтобы защитить себя. Вы понимаете, о чем я?

Мы поняли.

Рейнальдо посмотрел на свои часы от Картье: – Эй, я не могу больше с вами трепаться, мне нужно быть в другом месте. Пока, парень! – он шлепнул по высоко поднятой пятерне Адама по дороге к выходу.

Совет Рейнальдо гасить скорость падения на мат был правильным, но не слишком полезным с точки зрения облегчения страданий больных «шишечек». Опять таки, один израильтянин с предыдущего курса так сильно повредил себя, что не мог не только ходить, но и спать толком не мог. Он был вынужден ходить к рефлексотерапевту, и это ему помогло.

Бен присоединился к нам на Фуджи Хайтс. У нас всех заканчивались деньги, поэтому решение ухудшить качество жизни путем нахождения еще одного квартиранта, с кем можно было бы делить арендную плату уже на четверых, было разумным. Надо сказать, что то, что народу прибавилось, сразу стало заметно. Все четверо спали в той же комнате площадью в шесть татами, на футонах, которые скатывались днем в рулоны. Голова Бена упиралась в стену, а его ноги упирались в спящего товарища. То, что он предпочитал спать свернутым в калачик в позе зародыша, было чистой удачей. Но даже так мы постоянно спотыкались о его ноги 45-го размера. Как-то раз он пришел домой, купив пару кроссовок, которые действительно ему подходили. Это был единственный раз, когда он смог купить в Токио что-то, что ему не было мало. Его сменной парой обуви были сапоги Dr. Martens, которые занимали все пространство под столом. Это начинало меня подспудно раздражать: ну зачем, черт подери, ему нужно быть таким громадным? В чем тут эволюционное преимущество? Он ест очень много. Я начинал мечтать о том, чтобы укоротить его ноги до колена – это решило бы проблемы с запасами еды и местом в комнате.

Каждый день Бен и я ехали на велосипеде вместе до додзэ, хотя Бен очень хотел купить мотороллер Хонда 90, который Стефан Баварец продавал за \$200.

- Я очень тебе не рекомендую покупать мотороллер, - сказал Крис
- Ты должен быть сумасшедшим, чтобы его купить, - поддержал его я
- Почему? - спросил непокорный Бен
- Во-первых, потому что ты никогда до этого не водил мотороллер и движение в Токио похоже на ночной кошмар; во-вторых, потому что на мотороллере ты непременно попадешь в аварию; в-третьих, потому что ты невнимателен, поэтому непременно попадешь в аварию в любом случае.

- Нет, не попаду! - сопротивлялся Бен.

- Попадешь. Вспомни про свою шею, например.

После фиаско с госпиталем Бен травмировал себе шею регулярно. Он, похоже, совершенно был не в состоянии позаботиться о себе и избегать травм.

- Хорошо, я слышал, что вы сказали.- На следующий день Бен купил мопед.

Он не был единственным из группы, который ездил на мопеде. У Адама тоже был скутер, который он вручную разрисовал. На одной стороне были написано громадными буквами: «Мобильный раковый корпус» с изображением большой дмящей сигареты. На спине тем же крупным шрифтом было написано: «Поберегись! Алкоголик за рулем» Менеджмент додзё был недоволен, тем, что разукрашенный таким образом мопед красовался каждый день перед входом, поэтому Адам накидывал на него тонкое покрывало, которое слегка прикрывало надписи.

У Адама каждый день случались микро-травмы, которые позволяли ему делать передышки время от времени с того момента, как он упал в обморок на татами на первой неделе занятий. По понятной причине, никто его не воспринимал всерьез. Один раз он пришел с порезанной рукой и «потянутой паховой связкой».

- Что случилось? - спросил Стампи на утренней встрече, которую он традиционно завершал вопросом: «Какие есть мысли, вопросы, комментарии и прочие устные сообщения?»

- Я напился, - сказал Адам. Начало было плохое. Травмы, нанесенные себе в результате неосторожности в додзё не принимались во внимание. - И упал с лестницы, держа стакан в руке. Посмотрите, я порезался!

- Вранье и подделка! - завопили мы в один голос. Первоначальное сочувствие перешло в цинизм.

- Ну конечно, ребята, я специально упал с лестницы... - пробормотал расстроенный Адам.

- Следующий, - сказал Стампи, очевидно, желая покончить со списком травмированных как можно быстрее.

Несколько позднее «Раковый корпус» стал косвенной причиной одной из Адамовых травм. В одно утро он пришел, прихрамывая и вздыхая. Я думаю, что его пристрастие к показательным страданиям было одним из тех качеств, которые раздражали окружающих даже больше, чем его привычка жалеть себя.

- На этот раз что? - спросил Билл.

- Я упал с байка. - сказал драматически Адам.

То же самое он повторил и на встрече со Стампи.

- Он придуривается! - в один голос сказала вся группа, в то время, как Стампи слушал детальное изложение Адама.

- Ну конечно, ребята, конечно - как будто я хотел ушибить носок специально.

Рэм, чье знание английского языка обычно не позволяло ему достаточно быстро понять, о чем идет речь, на этот раз моментально схватил суть: «Ушибленный носок?!» - сказал он скептически.

Но не все так себя вели. В один из дней я записал в дневник единственную фразу, которая говорила многое о том, как прошли тренировки: «Вторник, 20 августа. Сегодня Крейг плакал от боли.»

День показательных выступлений надвигался неумолимо и мы стали репетировать выход. Это было нетрудно для копов и тех, кто был в армии, но я никогда не маршировал раньше. Я нашел это дело потрясающе легким по сравнению с теми сложнейшими техниками, которые мы должны были демонстрировать во время выступления. Я даже стал немного топтать ногами, когда мы без конца ходили вокруг татами, чтобы это было больше похоже на военный парад.

- Прекрати топтать ногами! - сказал Андо-сенсей, - Ты же не в ботинках!

Круг за кругом мы маршировали и бегали с удвоенными усилиями. Я старался держаться в группе, а не в одиночестве и не работать с партнером. Да, - я думал, - теперь я понимаю, в чем привлекательность армии, маршировать в толпе, четко выполнять команды - нет технической сложности! Маршировать было лучшей и самой приятной частью всего шоу.

Как раз в этот момент мои неуклюжие страховки раскритиковали. Я страховался, стараясь пригнуться к земле как можно ниже, и слишком спешил, а также был недостаточно расслаблен. Мастард требовал от меня делать верхнюю страховку снова и

снова, но думаю, что я делал в результате только хуже и хуже. Частью потому, что был травмирован, а частью потому, что у меня был неправильный образ того, как легче сделать верхнюю страховку. Японцам в этом смысле проще. Андо сказал, что я должен совершенствоваться, делая страховки вперед, прежде, чем переходить к верхним. «Ты должен делать одни и те же движения.» – сказал он. На его уроках, которые были тщательно построены и хорошо продуманы, я чувствовал, что действительно сильно улучшаю свои навыки. Он смотрел, как вы делаете упражнение, тряс головой, если что-то было не верно, и заставлял вас принять правильную позу, чтобы вы могли поймать верное ощущение. С Робертом Мастардом все, чтобы я не делал, раздражало его. «Я выбью этот снобизм из тебя!» – ворчал он. Впервые я понял, что скорее всего, его просто раздражал мой «снобистский» английский акцент! Очень плохо, подумал я. Мы слишком нетерпеливы, похоже, эта болезнь всех иностранцев, кто учится в Японии. Они осознают, что не могут оставаться в Японии вечно, и поэтому им не терпится научиться всему и побыстрее. «Каждый день просто еще одна тренировка» – говорил Чида сенсей. – «Это не день номер три или сто три.» Но это именно то, как мы чувствовали процесс, и когда заполняли журнал группы, пишущий обычно провозглашал с триумфом в голосе: «сотый день, всего сто восемьдесят семь дней до окончания курса!»

Я почувствовал, что что-то не так. Бен уехал раньше, чем я, но когда я приехал в додзё, его все еще там не было. Он уехал на своем печально известном мопед. Я собирался уже было пойти переодеться, когда свалился Бен, кровь сочилась через одну из его кроссовок. Он периодически начинал плакать.

– Ты не поверишь, что случилось? – сказал он, всхлипывая.

– Ты попал в аварию

– Машина переехала мою ногу!

– Я не удивлен, потому что они у тебя громадные. – Затем я смягчился немного. – Ты сильно пострадал? Сломал что-нибудь.

Бен потряс головой отрицательно. Затем пришел Даррен и неожиданно проявил изрядную долю сочувствия. Мы сняли кроссовку, его нога представляла собой сплошной синяк, однако кости, похоже были целы. Он ушел делать рентген. Бен заслужил себе два дня в сейдза. Оямада решил, что Бен сидит в сейдза в качестве наказания за мелкое нарушение и пнул его, когда проходил мимо в начале тренировки. Потом ему сказали, что Бен повредил ногу и занимается митори гейко, наблюдением. Оямада не извинился – мастера боевых искусств никогда не извиняются, и редко объясняют свои действия, но он выразил сочувствие несчастью Большой Ноги.

По дороге домой мы окружили Бена.

– Я знал, то что-то подобное произойдет, – сказал я.

– ОК, ОК. – сказал униженно Бен.

– Как ты думаешь, нога заживет до показательных? – спросил он

– Не-а, – сказал Крис, – но тебе придется участвовать.

Осталось всего полторы недели. Бен забинтовал ногу и продолжил тренировки. Он больше никогда не ездил на мопеде.

Мы сделали один полный прогон накануне шоу, и он прошел безупречно. Это было похоже на чудо, особенно, если сравнить с нашими напряженными и неуклюжими попытками в предыдущие три недели. И что самое интересное, абсолютная синхронность делала наше выступление законченным, как балет или театральную пьесу. Шесть синхронных киай, обозначающих конец грациозных страховок и ударов. Однако, это означало, что второй раз на шоу выступление так гладко пройти не может. Верхние страховки стали получаться лучше, либо инструкторам просто надоело меня все время исправлять. Над татами повисла тишина, которую в данном случае можно было засчитать за бурные и продолжительные аплодисменты. Мы были в наилучшей форме перед шоу.

В день показательных выступлений и мы приехали на стадион в наших дурацких куртках и переоделись в доги. В типичной для Ёшинкан манере мы должны были собраться за четыре часа до начала выступлений, которые начинались после ланча. Мы помогли студентам разложить татами, в то время, как Чида и Андо руководили процессом через мегафон. Чида-сэнсей, один из величайших мастеров боевых искусств в мире, помогал подросткам-студентам раскладывать татами – это то, что я никак не ожидал бы увидеть, будь я на Западе.

После того, как мы выстроились в шеренги для марша, немедленно появилось ощущение нервозности. Это было гораздо хуже, чем перед экзаменом. Стампи бегал кругами и раздавал советы: «Ничего страшного, если вы нервничаете. Важно это чувство использовать с умом». Это было, как обычно, короткое наставление, которое помогло мне немного остыть – на минуточку.

Мы стояли на громадном татами посреди крытого стадиона. Любители айкидо со всех концов страны заполнили все места на трибунах. Сначала мы слышали неразборчивые приветствия, и прочий шум, затем – тишина. Мы ждали команды к началу шоу.

Я подумал: «Я не сделаю ошибки, потому что я не могу это себе позволить». Затем я услышал команду начать. Мне показалось, что звук команды доходит до меня через толщу воды. Мой первый удар был как в замедленной съемке, затем Бешеный Пес отбил мой удар и мы стали работать со скоростью, заметно превышающей нормальную. Я с трудом вспоминаю вихрь тел, одетых в белое, и как последний кадр – мою руку, занесенную над головой перед последним ударом. Я должен бить, или нужно подождать? Финальный кий просочился ко мне в уши как раз, когда моя рука опускалась вниз. Я на долю секунды опоздал, но прокричал все равно.

Наша синхронность была удовлетворительной, но, к сожалению, ощущения групповой «магии» исчезло. Я упустил совершенство, и наше выступление действительно не было совершенством, но все всё равно нас поздравляли. Когда потом мы смотрели наше выступление на видео, Бешеный Пес сказал: «Хорошо то, что никто не может заметить, где мы ошиблись.» Мы оба сделали незначительные ошибки, но никто, даже камера, их не заметил.

Интересно, выберет ли великий Такено Роберта Мастарда в качестве своего уке, партнера для демонстрации. Однажды, несколько лет тому назад, Такено не выбрал Мастарда в качестве партнера, и не объяснил это никак. Возможно, он хотел, чтобы Мастард перестал быть таким самодовольным. В предыдущий раз Мастард был в паре с Такено, и они демонстрировали айкидо такого градуса ярости, которого я потом никогда не видел. Мастард атаковал Такено с полной серьезностью, («95% серьезности», сказал в последствии Мастард: «недостающие 5% мешали мне быть убитым») и валился потом на землю с нереальной скоростью.

Такено вел полицейский курс двадцать лет, пока, в конце концов, не поссорился с Канчо из-за забытого зонтика. Такено был самым преданным учеником Канчо, и как туманно намекали, Такено даже совершил бы сеппуку для Канчо. Как-то однажды после занятий в додзё Канчо забыл свой зонтик. Канчо ворчал: «Никто из вас не любит меня, никто даже не подумает обо мне – вы все только о себе и думаете!» Это было слишком для Такено, который всю свою жизнь посвятил служению основателю додзё. Он в гневе уехал назад в свою родную префектуру Яманаша и основал там свое собственное додзё.

Додзё Такено завоевало большинство призов на шоу. Все знал, что он заставил своих студентов практиковаться за три месяца до выступления, в то время как наше додзё начинало подготовку всего за две или три недели. Это было одним из многих отличий в стиле между двумя великими мастерами: Чида и Такено. Чида был совсем расслаблен, и практиковал айкидо, которое было не эффективным с внешней стороны, но там не было ни единого лишнего движения. Ощутить на себе его технику означало ощутить непреодолимую силу, которой ты не в состоянии сопротивляться. Такено же выработал взрывной стиль, невероятно быстрые движения, мощные и очень опасные для уке. От уке требовалась недюжинная храбрость, чтобы ассистировать Такено, так как его версия «вертолета» посылала уке в полет через ползала и обычно ассистент приземлялся под довольно опасным углом. Мастард определенно верил, что Такено является самым великим среди мастеров, и, хотя никогда не выказывал открыто неуважения к Чида сэнсею, все знали, что Такено он ценит больше.

Мастард и Такено сидели за столом и разговаривали. Похоже, в этом году Такено выберет уке из числа своих собственных учеников. Однако Роберт Мастард не имел права обижаться, поскольку Такено пригласил его в додзё в Яманаша, чтобы Мастард провел там тренировки в следующем месяце – это будет сгладит обиду от того, что его не выбрали в качестве уке в этом году. Это самая почетная роль, которая демонстрирует высокое одобрение учителя. Даже человек с репутацией «толстокожего ублюдка», как Такено, в Японии должен был заботиться о чувствах окружающих.

Ближе к концу дня все самые опытные учителя вместе провели демонстрацию техники работы в дзю вадза – свободной атаки ножом, мечом, или просто голыми руками. Все инструктора могли продемонстрировать более или менее далекие от ката варианты техник. Некоторые просто останавливали атакующего шлепком ладони по подбородку, другие двигаясь грациозно как в балете, поворачивались или отшагивали, чтобы заставить уке упасть безопасным, но впечатляющим способом.

Андо продемонстрировал свой скоростной стиль, и я в первый раз увидел, как Чида применяет оги, секретную технику. Он попросил двух ассистентов поднять его в воздух, каждый ассистент твердо держал одну руку так, что Чида, очевидно беспомощно, повис в двух или трех футах от земли. Это было похоже на Гудини. Сначала ничего не происходило, а потом Чида прыгнул на землю, а два ассистента уже кувыркались в воздухе. Секрет Чида состоял в том, чтобы опустить центр тяжести в ноги без движения. И в тот же самый момент он менял положение рук, чтобы ослабить хватку помощников. Это

было настолько неожиданно, что ассистенты не успели сообразить, как они оказались в воздухе.

Затем Чида продемонстрировал технику в дзю вадза, с первым попавшимся под руку противником, которым оказался Майк Кимеда. Кимеда был слишком медленным для Чиды и приземлившись он повредил себе лодыжку

Когда наступила очередь воинственного и как всегда с тщательно уложенными волосами Накано, он выбрал в уке Кикучи, который был очень симпатичным и спокойным парнем, и одним из учи-деши (учеников, принятых в дом учителя, что демонстрирует высокую степень признания учителем их навыков. Прим. Переводчика). В свои двадцать восемь лет он был одним из самых старших учи-деши, но и одним из самых умелых тоже. Его айкидо было весьма хорошим, точно не хуже, чем у Карлика Фуджитоми, но немного уступало от природы более одаренному «гуттаперчивому мальчику» Йоджи, который был самым младшим учеником. Все, что случилось позже, невозможно никак объяснить, как только с точки зрения ненужной жестокости.

В отличие от поединков в каратэ или в боксе, демонстрация айкидо является односторонней. Укэ просто позволяет мастеру продемонстрировать все, на что тот способен. Это не значит, что укэ должен играть в поддавки, но от него требуется некоторая доля кооперации. На уровне мастеров вроде Такено или Мастарда, падение уке – это результат его предыдущей атаки. Мастард вообще в тот момент находился на стадии, когда чем жестче уке, и чем менее он настроен кооперировать – тем проще с ним работать. К сожалению, чем жестче уке, тем больше вероятность того, что он будет травмирован. Мягкие и гибкие партнеры просто выскальзывают из рук, как резиновая змея. Кооперация укэ так же распространяется на способ атаки. Некоторые мастера не заботятся о том, каким способом их будут атаковать, они готовы ко всему. Другие просят продемонстрировать какой-либо конкретный вид атаки, например: боковой или прямой удар и так далее, чтобы акцентировать внимание зрителей на определенной технике или аспекте отражения атаки.

Произошло следующее: Кикучи неправильно расслышал команду Накано. Он атаковал прямым ударом, в то время, как Накано просил его сделать боковой удар, нацеленный в висок. Накано легко блокировал неправильную атаку и дальнейшее движение Кикучи, и кинул уке таким образом, чтобы тот приземлился на основание шеи, и не имел возможности замедлить падение. Кикучи попытался подняться, но споткнулся, и упал на колени. Очевидно, он был оглушен ударом. Другой учи-деши поспешил занять его место, в то время как оглушенного Кикучи оттащили в сторону.

Это было отвратительное в своей бессмысленной жестокости зрелище. Кикучи доверился учителю, и был наказан таким ужасным образом! Укэ знает, что каждый раз, когда он атакует учителя, ему придется страховать. Это та часть айкидо, которая требует доверия. Мастард говорил: «Если вы не доверяете учителю, не вставайте с ним в пару.» Не так-то просто для учи-деши в точности делать, что их просят. Они являются частью системы, и если их учитель имеет на них «зуб», им придется нелегко.

Я мог бы перечислить целый список моментов, которые мне кажутся неприемлемыми и темной стороной японского будо. Сакума, которого постоянно пинали каждый раз, когда он пытался сделать технику, Бен, которого заставили делать кроличьи прыжки, пока он не потерял сознание на жаре, жестокое обращение Фуджитоми с Дэнни, в результате чего последний постоянно травмировал себе колено и вот теперь еще бессмысленное насилие над Кикучи.

Были и другие травмы, полученные в ходе шоу: один японец сломал себе плечо и его увели, залитого кровью и с торчащим из кимоно куском кости. Так же сломанная лодыжка Кимеды, и несколько других переломов и растяжений. Но это были честные травмы, полученные не в результате чьего-то злого намерения. Это были просто случайности, а не наказание в тюремно-лагерном стиле.

Когда мы вернулись с шоу, у Криса была еще одна плохая новость. Малыш Канчо умер и всплыл кверху брюхом. Мы похоронили его внутри большой бутылки из под саке. Достойный конец великого учителя. Бен предлагал заспиртовать его для потомков, но мы все были против – у нас и так в комнате было слишком мало свободного места. С трогательной почтительностью бутылка была помещена в один из громадных пластиковых мусорных баков напротив Фуджи Хайтс.

12. Как совершить идеальное убийство

*"Когда замыслил убить кого-либо, это дело нельзя откладывать.
Сердце может ослабеть, или можно упустить благоприятный случай.
Путь Самурая – немедленный порыв и сокрушающий натиск."*

Октябрь – ноябрь

Должен признаться, я потерял контроль над классом. В классе учился всего двадцать девочек, но, тем не менее, я умудрился потерять над ними контроль. Есть четыре школьницы, которым я не нравлюсь. Они не хотят говорить и слова по-английски. Когда я говорю на японском, они смеются и утверждают, что не могут разобрать ни слова. Эти четверо заразили своим отношением других учеников, и если я и имел какой-то авторитет раньше, то теперь он практически испарился.

Мой метод изучения английского языка, если это, конечно, можно назвать методом, опирался на предположение, что студенты меня любят, и это, вкупе с естественным желанием учеников получать хорошие оценки, относительно дисциплинировало класс. Иногда, конечно, становилось немного шумно, но ничего такого, с чем бы я не смог справиться. Я всегда старался сделать уроки интересными, причудливыми и необычными. Мне нравилось думать, что именно на такие уроки я хотел бы ходить. Я хотел развить их воображение, заставить их думать, и дать им свободу, в которой им отказывали учителя, придерживающиеся более традиционного подхода. Внезапно выяснилось, что никто не интересуется моими «интересными» уроками. Я был непопулярен. Даже те девочки, которые меня любили, теперь были настроены негативно, поскольку я вышел из терпения безнадежно пытаюсь вернуть контроль над классом.

Я кричал и бесновался. Пользуясь их незнанием английского языка, я грязно ругался и скоро понял, что возненавидел эту школу. К счастью, предводительница четверки, семнадцатилетняя Наоко была непривлекательной. Если бы она была красавицей, это было бы последней соломинкой.

Один раз я видел, как Наоко ласкает свою грудь, как бы взвешивая ее.

– От этого она у тебя больше не станет, – сказал я раздраженно.

Я стал ходить в школу другой дорогой, чтобы не смешиваться с толпами девочек в матросских костюмчиках.

Это было уже просто смешно! Что бы в таком случае сделал Чида сэнсей? Или Шиода? Или Роберт Мастард? Одна фраза, которую сказал Билл, застряла у меня в памяти: «Мы не можем жить в страхе.» Поскольку я боялся девчонки-подростка, я обратился к господину Вада за советом.

– Ты можешь вынудить Наоко не приходить на твои уроки, – сказал он

– И что тогда будет?

– Тогда она завалит английский язык.

– Это что, большая проблема?

– Если она завалит английский язык, она будет исключена из школы.

А вот это, как я знал, будет очень большой проблемой. Если девочку исключают из высшей школы на ее второй или третий год занятий, ей будет очень трудно поступить в другую школу, если вообще возможно. Она не закончит школу вместе со своими друзьями, а в Японии твои друзья по старшим классам – это единственные друзья на всю жизнь. Это было то, что я себе сказал. И я подумал, что если я подведу ее и позволю ей испытать все последствия: гнев родителей, низкооплачиваемую работу и отвращение к англичанам, как к народу на всю оставшуюся жизнь. Все хотели, чтобы я так поступил. Я чувствовал себя, как Мартин Шин в «Апокалипсисе сегодня», где он получил приказ убить Марлона Брандо, но все время откладывал исполнение приказа. «Все хотят, чтобы я это сделал, – говорит Шин, – Даже джунгли хотят, чтобы он умер.»

Я тоже не мог рассчитывать на помощь площадок для гольфа и теннисных кортов в решении проблемы с Наоко, у всех с ней были проблемы. Г-н Вада просто озвучил то, что все хотели бы сказать.

– У многих учителей такие же проблемы с ней. Она была трудной ученицей еще с начальной школы.

– Она такая ... нахальная, – сказал я, и рассказал очередную историю о том, как Наоко отказалась выполнять задание.

– Наверное ей придется уйти, – сказал г-н Вада. Я подумал, что он хочет, чтобы я принял такое решение.

– Что бы вы сделали? – спросил я.

– Она у меня не учится. – сказал он прямо взглянув на меня.

Это было очевидно. Я был выбран козлом отпущения. Все хотели исключить Наоко, но, поскольку это была частная школа, никто не хотел нести ответственность, за то, что родители будут неизбежно раздосадованы. Я был гайдзин, меня легко можно было

заменить. Если последуют жалобы, можно всю вину легко повесить на меня, сказав: «Он всего лишь иностранец и не понимает, что такое Япония. Я знаю, это ужасно, но он все же учитель, и боюсь, что Наоко не сможет вернуться в нашу школу.»

Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что все годами ждали возможности избавиться от девчонки. Станным образом, я начал сочувствовать Наоко. Мы были во одинаковом положении, за исключением того, что меня преследовал Роберт Мастард в японском додзё.

В начале курса нам часто угрожали исключением. Теперь мы чувствовали, что заслужили свое место в группе. Мастард так не думал. Он продолжал подпитывать атмосферу неуверенности. Один незначительный промах мог привести к моментальному уничтожению результата всех предыдущих усилий. Я чувствовал себя, как герой анекдота, в котором водителя останавливают за проезд на красный свет: «Ну же, офицер, а как насчет всех тех зеленых светофоров, которые я проезжал без нарушений? Неужели это не засчитывается?» У Мастарда определенно не засчитывалось.

В первое время его стандартная фраза: «Если тебе не нравится – отправляйся домой» адресовалась персонально, и в основном, мне. Я подсчитывал кому сколько раз он ее говорил, и я в этой игре вел со значительным отрывом. Я был выбран в качестве отрицательного примера. Мы как будто бы играли в какую-то глупую психологическую войну. Он насмеялся надо мной и, иногда, над Адамом: «Бойтесь? Если вы боитесь, оставайтесь дома.» Это приводило в замешательство, но, тем не менее, не работало. В тоже время я понимал, что я отказался от всех своих прав, когда записывался на этот курс. Это японский способ совершенно развязать руки учителю. Например, в некоторых японских школах школьники умирали из-за наказаний, которые им придумывал учитель.

В предыдущем месяце двое детей были заперты в стальном контейнере на восемь часов в наказание за ложь, они умерли от теплового удара и недостатка кислорода. Японцы на многие вещи реагируют неадекватно, но ни один из японских сенсей не подходит к процессу так персонально, как это делает Мастард. Я пытался обсудить это с Биллом, чтобы понять причины.

– Наверное, у него было тяжелое детство. Возможно, его отец был слишком требовательным.

– Великолепно! – сказал Билл, – Мы пытаемся провести удаленный сеанс психоанализа.

Мы сидели в обшарпанных креслах в конце раздевалки, рядом с корзиной для старых доги. Несколько раз мой пояс загадочным образом оказывался в этой корзине. Я подозревал, что это делалось намеренно.

Раздевалка была альтернативой чайной комнате. Курс разделился на две части: Билл, Бен, Рэм и я; и с другой стороны, Бешеный Пес, Малыш Ник, Ага и Крейт, Дэнни и Адам время от времени примыкали то к одной, то к другой части. Это было не полное разделение: все-таки я проводил ежедневно все тренировки в потных объятиях Бешеного Пса, но все остальное время разделение было. Билл сказал: «Война делает из вас либо монахов, либо маньяков. Мы – монахи.» Что он имел в виду? Я подозревал, что он сказал следующее: если к вам относятся плохо, то вы либо это терпеливо сносите, либо стараетесь отыграться на других. Билл в этом смысле определенно был монахом, достаточно поднаторевшим в айкидо, чтобы не травмировать партнера. Я, однако, подозревал, что прогрессировать можно только когда тебе наплевать на то, что будет с партнером и делать технику возможно жестче. Иначе почему все учителя, даже Андо Милосердный проходили через фазу «убийцы»?

В настоящий момент самое большое количество травм происходило во время тренировок с Чино. Лысый Сато, который перед курсом много тренировался с Чино, чем заслужил прозвище «младший брат Чино», постоянно страдал от травм. Его ключица была сломана вовремя того, как Чино пытался отработать никадзэ. Он так же получил не менее пяти или шести других переломов и разрывов связок. Я спросил его: – И как тебе Чино, после всех травм, которые он тебе нанес?» Сато состроил перекошенную гримасу: «Мне очень нравится его айкидо, но он сам? Я думаю, что да, но я не забыл своей боли. Не забыл.»

Мы вернулись в раздевалку, где Билл затронул общую тему проблем с мозгами. (Мы уже обсуждали, что возможно Мастард имел какие-то проблемы с головой, и это могло бы объяснить его странное поведение) «В Мексике я встречал боксеров, которые занимались боксом более, чем десять лет, и они, надо сказать, определенно имели проблемы с головой. В Японии это еще хуже, я видел парней, которые занимаются профессионально всего два года и у них уже проблемы: глаза не фокусируются, руки трясутся и им трудно удержать равновесие.»

– Это еще почему? – спросил я

– Толщина черепа. Если ты посмотришь на свое запястье или лодыжку, это даст представление о толщине костей в принципе. У среднего японца весьма тонкие запястья, и думаю, что это можно отнести и к толщине черепа.

Я подумал, что, возможно, это объясняет загадочную заикленность японцев на том, чтобы развить выносливость черепа: Уэсиба бился головой о деревья в Хоккайдо, чтобы развить свою способность противостоять ударам в голову.

Сначала это был просто черный юмор. Я начал думать о том, чтобы убить Мастарда, или, по крайней мере, каким-то образом обезопасить себя от его нападков. Это фантазии стали весьма детальными и реалистичными. Я понял, что на самом деле убить кого-либо – задача совсем не простая, если ее прорабатывать в деталях. Я решил обсудить этот вопрос с Биллом.

Я видел его сегодня в душе, и подумал, что если бы у меня была бейсбольная бита, я мог бы его ударить через занавеску, и он никогда бы не выяснил, кто это сделал.

Билл отнесся к моей идее весьма скептически: «Он чертов сукин сын. Ты должен его убить, потому что если ты сделаешь ошибку и не прикончишь его сразу, ты сам мертв».

Ты прав, это должен быть пистолет.

Но даже тогда ты должен быть уверен, что ты сможешь нажать на курок, глядя в его глаза. У тебя всего одна попытка, и если ты его не убьешь первым выстрелом, ты мертв.

Он был прав. Только по глазам вы можете вычислить настоящего мастера боевых искусств: по безжалостному, бесстрастному взгляду без капли тепла.

Совет Бена заключался в том, чтобы отправить посылку с бомбой.

– А вдруг Кэрл ее откроет? – спросил я.

– ОК, пошли бомбу в пачке сигарет – он всегда прячет их от Кэрл. Это должно его на некоторое время вывести из строя

– Слишком рискованно, – сказал я, – что если он заставит Бешеного Пса открыть пачку?

– Убьешь двух зайцев одним выстрелом, – фыркнул Бен

А это было уже почти всерьез. Я хотел думать, что Мастард не является неуязвимым бойцом, но я не мог быть с разумной точки зрения уверен в этом. По крайней мере, не на все 100% уверен.

Ученик как-то раз спросил Тессю: –Трудно убить человека, неправда ли?

– Все нет, – ответил он, – трудно остаться в живых.

Не только Наоко и планирование убийства в додзё угрожало моему спокойствию, у меня еще были проблемы с визой. И это было критичным. Если я потеряю работу или меня депортируют, я провалю курс. Такое уже случалось ранее, и никто не вспоминал, что человек был вынужден бросить занятия по причинам бюрократического порядка. Победа или позор. Не было никакого другого выбора.

У меня была виза с правом работы, которую я продлил прямо перед тем, как оставил работу на полный рабочий день. Пришло время продлить ее снова, но теперь-то я работал всего один день в неделю, а для того, чтобы получить такую же визу с правом работы, вы должны были работать минимум двадцать часов в неделю. Компания, в которой я работал, была субподрядчиком для высшей школы, и там не прислушались к моим мольбам. Я зря надеялся, что они сделают мне одолжение и немного подправят свою бухгалтерию. Они сделали такое для одного другого учителя, которого я знал. Но я попал в опалу с приходом другого менеджера, «профессионального учителя» из Айовы. Я возглавил успешный бунт против его детища, системы отчетности настолько же запутанной, насколько бессмысленной. Меня не уволили, но маленький монстр отомстил мне в итоге – конечно, он не будет помогать мне продлить визу.

Я попросил г-жу Нонака попросить владельца компании, лоснящегося, улыбающегося директора строительной компании, который проявил столько же сочувствия, сколько вы могли бы ожидать от копировальной машины.

– Я поговорила с г-ном Наригата, – сказала она. – Но он нечестный человек. Теперь я его буду звать «двухголовый».

– Вы имеете в виду «двуликий»?

– Ну да. Он много болтает, но вам он не поможет.

У меня оставались следующие возможности – культурная виза или туристическая виза. Если я получу туристическую визу, мне придется бросить свою работу, и на что мне жить? Культурную визу, памятуя о задержках, с которыми столкнулся Крейг, было слишком сложно получить. Я не мог бросить все и покинуть курс на неопределенное время на этой стадии. Был, конечно, еще один выход – супружеская виза. Если бы я женился, мои проблемы с работой или длительным проживанием в стране, связанным с занятиями айкидо, разрешились бы. Мой ум, затуманенный и истощенный психологической войной, которую я должен был вести в додзё, немедленно радостно набросился на идею обзавестись женой – японкой. Потом я сдержанно и осторожно стал рассматривать такую возможность. Это не может быть любая женщина. Никто не знает, какие проблемы могут возникнуть в результате. Я немедленно исключил из списка возможных кандидаток Сару. Я действительно любил ее, она была моей подругой, но я понимал, что ей будет трудно объяснить родителям свой шаг, с учетом того, что для них я до сих пор просто не

существовал. Кроме того, я не хотел бы смешивать разные вещи. Я не хотел, чтобы мой фиктивный брак превратился из-за моей лени в настоящий. Я объяснил это Саре и попросил ее совета. Она дала, как не удивительно, прямой ответ. Она считала эту затею плохой. Я пренебрег тем, чего не желал услышать, и назначил встречу с девушкой, которая идеально подходила на роль моей будущей бывшей (я собирался поставить развод неременным условием общего предложения) Девушка, с которой я собирался поговорить на эту тему, имела прозвище «Китайский Призрак», и у нее была впечатляющая коллекция трусиков самых экзотических моделей.

Китайский Призрак, чье прозвище имело отношение к ее внешности бледной эфемерной феи, была секретарем в компании, на которую я раньше работал. Вместе мы пытались рекламировать провалившийся в последствии проект языкового курса под названием: «Английский, как в сериале «Twin Peaks»» Это было в самый разгар трансляции безумно популярного сериала «Twin Peaks», и мы потратили громадное количество денег на надувную куклу, изображающую Кайла МакЛахлана в полный рост, постеры с изображениями актеров и прочую сувенирную продукцию. Это был полный провал, за исключением разве что пресс конференции с представителями модных журналов, таких как: Apple, Trendy и Cutie. На курс не записалось ни одного студента, зато у нас было два запроса от учителей английского, которые видели нашу витрину и хотели наняться к нам на работу.

Провал нашего проекта привел к банкротству компании. Каким-то образом это установило прочные связи между Китайским Призраком и мной. Это не имело отношения к сексу, Призрак любила говорить про секс, а не заниматься им. Она предпочитала напиваться и болтать о своей беззаботной жизни в Лондоне. Не то, чтобы я не пытался затащить ее в постель, но ее это действительно не интересовало, и наше общение сводилось к посещениям опасных баров и разглядыванием их посетителей. Китайский Призрак была поглощена собой, и казалось, ее невозможно было шокировать. Но с того времени, как я начал заниматься на курсах сенсусей, я видел ее один раз, моя система не выдерживала длительных сеансов ночных выпивок, которые выдерживала Призрак. Ей было всего двадцать шесть, но, как и положено призрак, она выглядела вечной.

Я знал, что она хотела жить в Лондоне. Все, кроме японской еды, она считала ограниченным и скучным. Ее отец недавно умер после продолжительной борьбы с раком, и я считал, что этот факт освобождает ее от необходимости оставаться в Токио. Я даже упоминал как-то в разговоре с ней, что японки готовы заплатить до 10 тысяч долларов, чтобы выйти замуж за иностранца. Я же предлагал ей сделать это бесплатно. Я доверял ей. Она бы не потребовала от меня лишнего. Это был идеальный вариант.

Мы встречались в «Счастливишке», моем любимом баре для иностранцев, после прогулки по проливному дождю, которая была еще более неудобной от того, что Призрак была совсем крошечного роста и ее зонт еле доходил до моего подбородка. Вода, стекавшая с него, все время попадала на мое плечо и руку. Внутри бара было уютно и тепло, владелец бара, японец Мацута разгадывал громадный кроссворд. Он был рад видеть меня и заметил, что мои волосы стали короче. Мы сели у углового столика, и моя одежда стала просыхать.

Если вы поднимаете щекотливую тему в общении с японцем, и они меняют предмет разговора, считайте, что вы уже проиграли, даже не успев начать игру. Вы не можете списать это на невнимательность, или недостаток концентрации – вы никогда не сможете повторно объяснить дело в деталях японцу. Если они не следят за вашими словами, значит они не заинтересованы в предмете разговора. Я героически пытался в общих чертах обозначить проблему, и рассмотреть признаки интереса на лице Призрака. Но не вышло. В результате почувствовал себя непроходимым тупицей.

– Итак, я подумал, что единственный выход – жениться.

Нет ответа.

– Ты не хочешь выйти замуж? Подумай: британский паспорт, постоянное проживание в любой из тринадцати европейских стран...

Призрак хихикнула и отрицательно потрясла головой, как будто она не могла заставить себя сказать нет. Она издала фыркающий звук, глотнула изрядную порцию пива и отвернулась.

Вопрос был закрыт, я провалился. Как и мои планы убить Мастарда, эта иллюзия решить проблему с визой окончательно развеялась. Я жил в Токио с несостоятельным убеждением, что любая девушка будет счастлива выйти за меня замуж. В корне не верно, и Призрак это доказала. Теперь я окончательно отчаялся. У меня оставалась всего неделя до истечения срока действия визы, и мне нужно было поторапливаться.

Мы начали делать техники в дзю вадза (тренировка со свободной атакой) Иногда вас атакует один человек, иногда двое или трое, или, как в случае с Канчо и Уэсиба, пять или шесть. Атака продолжается, пока атакующий не будет сбит с ног, обездвижен или по команде учителя. Идея такой тренировки состоит в улучшении взаимодействия между атакующим и атакуемым, чем более яростно атакует первый, тем второму проще с ним работать. Наверное, за эти здорово наблюдать со стороны – как за балетом – атака,

бросок, опять атака. Когда атакующий приближается и наносит удар, задача атакуемого – уйти в сторону, разрушить его атаку и бросить его с использованием какой-либо техники, которая хотя бы отдаленно напоминает айкидо. Со временем броски все становятся все лучше и лучше, но сначала они несут искусственный характер, так как ваша задача сначала заключается в том, чтобы не пропустить атаку. После броска атакующий делает страховку, поднимается на ноги, и атакует уже другим способом.

Атакуемый не может использовать все время только одну технику. На самом деле, он и не захочет, так как разница в угле и скорости атаки диктует, какой именно способ разрушить атаку лучше применить. К сожалению, иногда вы можете заикнуться на одной и той же технике броска. И это нервнует, как наблюдение за застрявшей на одной дорожке патефонной иглой. Планирование последовательности дзю вадза делает все исполнение неуклюжим и натянутым, дзю вадза больше всего напоминает джаз, где заранее выученные кусочки мелодий собираются в произвольном порядке.

Про музыку нам объяснил Стефан Силач. Он перед классом изображал игру на гитаре, как завзятый металлист: –Дзю вадза похожа на игру на гитаре, парень, ты не можешь, сделал ошибку, прервать игру и сказать «извините». Ты должен продолжать, ошибся ты или нет, ты должен играть дальше.

Естественно, тяжелее тому, кто атакует и должен страховаться, после пятнадцати или шестнадцати бросков вы уже дышите с трудом. Чем более расслабишься, тем легче даются страховки. К сожалению, если у вас небольшая травма и огромные опухшие «шишечки», не так-то просто быть расслабленным.

Я стоял в паре с Гимпи, он бинтовал слабые запястья, хотя уже оправился от травмы в начале курса. Как ни странно, он работал довольно уверенно и бросал меня по всему залу. Я подумал, что он, наверное, тренировался в бросках раньше, так как не смотря всю его хрупкость, у него был замечательный тайминг. С Бешеным Псом получалось хуже. Он слишком часто использовал бросок через бедро, в котором я должен был приземлиться на «шишечку». После нескольких недель тренировок в дзю вадза все чувствовали себя совершенно разбитыми.

Мастард часто требовал, чтобы пара, выполняющая техники в дзю вадза тренировалась перед всеми остальными. И это был отличный способ еще раз придраться к чему-нибудь в моем случае: когда я первый раз сделал ошибку в начале тренировки, он сказал: «никуда не годится», и выгнал меня из зала. То же самое случилось на следующий день! Я даже не мог продолжить тренироваться в этот день! И как только я почувствовал себя несправедливо обиженным, он проделал то же самое с Крейгом, который с безграничным мазохизмом старался заслужить похвалу от Мастарда. Мое хрупкое чувство справедливости укрепилось, когда я увидел, что один из «любимчиков» также покинул зал. Мастард придерживался метода выбора одного ученика в качестве примера для подражания, и второго в качестве козла отпущения. Обычно козлищами оказывались я или Адам, Бешеный Пес и Малыш Ник – примерами для подражания.

С точки зрения Пола, такое положение для нас с Адамом было неплохой тренировкой. В первый раз за свою жизнь я проникся сочувствием к тем дурачкам, которые заваливают экзамены в школе, которые должны тяжело работать и страдать, чтобы заслужить не похвалу, а молчание или критику. Эта «хорошая тренировка» была очень неприятной вещью. И второгодники в школе хотя бы могут побить отличников время от времени. Я не мог себе позволить даже этого, так как у большинства в группе уровень был выше моего! Шептаться в чайной комнате или фантазировать на тему убийства Мастарда с Биллом – это был единственный доступный мне способ сбросить пар, но мне было этого мало. Я чувствовал, что у меня буквально сносит крышу.

Я решил поговорить с Кеном о своей проблеме с визой. На половину окинавец, на половину японец, Кен жил в Сан-Франциско с семнадцати лет, и только два года тому назад уехал из Штатов. Кен раньше торговал наркотиками и сбежал в Токио, потому что жизнь в Калифорнии становилась слишком опасной для него. Он женился на очень приятной японской девушке, которая владела семейным ресторанчиком. Кен звал ее «сучка». Она не понимала английского языка, а ему нравилось отдавать ей приказы, сопровождаемые бранью: «Купи билеты, сучка!», «Ты поведешь, сучка...», «Где деньги, сучка?» В реальности жена Кена вела бизнес, а он убирался в ресторане, и относился к ней с нежностью и заботой. Он как раз решил свои проблемы с визой при помощи вовремя сыгранной свадьбы. Затем он развелся, потому что оказалось, что поскольку у него были предки с Окинавы, виза ему не нужна. Очень в духе Кена. Он пытался преподавать, но потерял работу, поскольку был слишком честен и не обучен по обычаю среднего класса высказываться уклончиво. На вопросы вроде: «Почему вы хотите стать учителем английского языка, г-н Хамада?» он честно отвечал: «Я говорю по-английски и люблю девушек. А у вас тут, как я заметил, чертовски много хороших девочек.» Перед одним из собеседований я помогал завязать ему галстук, оказалось, что раньше он никогда галстук не носил.

Кен занимался айкидо, но терпеть не мог экзамены, поскольку не хотел, чтобы его сравнивали и обсуждали. Он практиковал айкидо уже несколько лет, и был одним из самых талантливых новичков в додзё. Он так же обожал странные бары. Самым любимым его баром на данный момент был бар Болотистая Венера, маленькое помещение которого вмещало всего восемь мест. Бар принадлежал бывшей солистке девичьей рок-группы, которую так же называлась Болотистая Венера. Кен любил выпить, и хотя он не побывал в точности такой же ситуации с визой, как я, мне казалось разумным с ним посоветоваться.

Бар был увешан постерами и сувенирами из научно-фантастических фильмов и привезенных с гастролей группы. Владелице было около тридцати лет или меньше, и ее бизнес держался на бывших фанатах группы и завсегдатаях. У нее были зеленые волосы, пирсинг и татуировки, но не смотря на это, она была образцом дружелюбия, как и все остальные мама-сан в Японии.

Кен говорил быстро, очень быстро, его уличный сленг пестрил устаревшими калифорнийскими жаргонизмами вроде словечка «котик». Хотя, возможно, такой жаргон снова вошел в моду.

- Ну и что ты будешь делать, когда какой-нибудь котик подвалит к тебе на улице, что ты сделаешь?

- Убегу?

- Не, это не пройдет, ты тренируешься, и они тебя натаскивают. Промывают тебе мозги. Ты убийца. Это основная вещь, которой учат на этом чертовом курсе для мачо. Это чистое безумие, правда? Этот парень Мастерд — я хочу сказать, кто он такой? У этого котика большие проблемы, должен сказать тебе. Его проблема — он жаждет власти. Он жаждет полного контроля над вами, ребята. Он хочет съесть ваши сердца и мозги. Сердце и мозг. А то, как он общается с этим чуваком Такено, это звучит как мазохизм. Такие парни обожают, когда им дают хорошенько по морде. Это ненормально. Этот котик точно съехал с катушек.

- Так что по поводу визы?

- Да пусть она идет к черту! Пошли к черту эту паршивую визу.

- Стать нелегалом?

- Да какая разница. Виза всего лишь бумажка. К такой-то матери бумажки. Пошли ее на... немедленно. — Кен проорал что-то на японском болотистому венерианцу. Появились два стакана холодного пива Asahi.

- Тебе нравится эта дрянь?

- Вполне. Лучше, чем Sapporo.

- Эта ситуация с визой, конечно, проблема, парень. Но жениться тебя не надо. Не делай такой ошибки. Посмотри на меня. Я скоро уеду. Жизнь в браке — дерьмо.

- Куда ты поедешь?

- В Сан-Франциско.

- А твоя жена?

- Подумаешь, жена! Мне пора возвращаться. Здесь ничто не работает, как нужно бы, — он сделал торопливый глоток, — берегись Мастерда. У этого котика точно уехала крыша.

Как я пришел к решению игнорировать Мастерда, я теперь уже не могу сказать. Я решил, что поскольку я пытался следовать буквально его инструкциям, и это ни к чему не привело, то, возможно, поможет прямо противоположный подход. Я так же подсчитал, что у меня было только два месяца до экзамена на черный пояс, и я смогу прожить без его одобрения. А после экзамена? До окончания курса надо будет потерпеть еще три месяца, и если он продолжит свои придирки, то я брошу курс и удовлетворюсь черным поясом.

Когда я произносил «осс» в его адрес, это звучало механически, формально и совершенно неискренне. Между нами стучалось напряжение, и это, конечно, теперь выглядит глупо, но в перегретой сумасшедшей атмосфере додзё это было нормально, и совершенно этой самой атмосфере соответствовало. Он понял, что что-то не так, и сначала тоже решил меня игнорировать. Отлично. По крайней мере, я мог продолжать практиковаться, как считал необходимым. Мастерд понял, что именно такого эффекта я и ожидал, и снова стал цепляться ко мне: «Никуда не годится. Еще раз», «Никуда не годится». Мне до чертиков надоело это слышать снова и снова. Вешеный Пес иногда симпатизировал мне, иногда принимал сторону Мастерда. Но обычно он был лоялен. Один раз я сделал какую-то технику перед всеми, и когда Вешеного Пса спросили, в чем ошибка, он сказал: «Мне кажется, что все было сделано правильно.» Очевидно, я сделал какую-то грубую ошибку, однако никто не мог определить, в чем именно она состояла, пока на нее не указал инструктор. Это конечно, не значит, что ошибки не было, но это значит, что другие сенсусеи почувствовали настроение Мастерда, и не собирались меня казнить без суда и следствия.

За три дня до окончания моей визы я наконец-то решил обратиться за советом к Крису. Он всегда давал очень дельные советы, но когда я спрашивал его, я чувствовал себя обязанным его совету следовать. Я не мог пренебречь мнением Криса, поэтому я редко обращался к нему за советом. Но теперь мне отчаянно нужна была его помощь.

Он сидел за компьютером в квартире на Фуджи Хайтс, созерцая какую-то непереводимую тарабарщину. Наш компьютер подхватил вирус, и Крис, вместо того, чтобы вылечить систему, пытался понять, что представляли из себя файлы до повреждения вирусом. Для того, чтобы напечатать страницу, нужно было наугад ткнуть в экран, беспорядочно заполненный крокозябрами. Это было в духе Криса – жить на волоске от полного разрушения.

Я спросил его, что мне делать. Он кликнул еще раз на несколько кнопок, значение которых невозможно было дешифровать. Затем сказал: «Я собираюсь пойти в супермаркет. Ты хочешь мороженого?»

Крис был похож на Шерлока Холмса, только его способность решать проблемы стимулировалось не трубкой, а мороженым. Это была серьезная, определенно, сливочно-капучинно-миндальная проблема.

Затем он пришел и просто решил ее.

- Тебе нужно улететь из страны. Езжай в Сингапур или Сеул. Сингапур лучше, в Сеуле слишком много иранцев и других скользких типов. Прилетай обратно и получи обычную туристическую визу. Почему бы и нет? Все эти истории про визу супруга и культурную визу только отвлекают от верного направления мыслей. Тебе просто нужно въехать в Японию еще раз. Если ты будешь здесь, ты сможешь закончить курс. Никто в додзё не будет проверять, какого типа у тебя виза на этой стадии. Они и не узнают, если она будет туристическая.

- Но туристическая виза действительна только три месяца.

- Ты можешь ее продлить или остаться в стране последние два месяца нелегально. Но ты практически наверняка сможешь ее продлить. Твой паспорт не пестрит штампами продлевающими визу. Все будет в порядке.

- А что с работой?

- Наври им. Но скорее всего, они не попросят. Они знают, что у тебя есть проблемы, но ты можешь сказать, что получаешь культурную визу через додзё. Скажи им, что процесс затягивается на несколько месяцев, и твой паспорт в консульстве.

Это было так просто. Единственная проблема могла возникнуть при въезде в Японию. Иммиграционные службы постоянно ужесточали борьбу с нелегально работающими иммигрантами. Но в первый раз за долгое время я чувствовал себя спокойно. Даже если меня уволят, я найду способ прожить. Единственной важной вещью было закончить курс сенсусей.

За два дня до того, как я должен был улететь, ко мне подошел Мастард, и сказал мне, где я ошибаюсь в технике. Я с трудом осознавал его слова. Я смотрел сквозь него или мимо него и говорил «осс» совершенно невпопад. Он убежал от меня в гневе. В это утро Пол даже отчитал меня за несоблюдение этикета. Это было уже не важно, мои мысли гуляли где-то далеко. В конце тренировки Мастард попросил всех собраться вокруг него. Он был не в духе, и, следовательно, мы слушали его в сейдза. Если бы он был в хорошем настроении, он бы позволил нам слушать стоя. Он жаловался на недостаточно уважительное отношение.

- Особенно у тебя. - Он ткнул в меня сердито пальцем. Я сказал «осс», потому что этикет требует этого, если к тебе обращается учитель. И это распалило Мастарда еще больше. - Если ты не перестанешь так себя вести, я отвешу тебе оплеуху и силой вышвырну тебя из додзё. Ты понял? Чίδα навряд ли одобрит это, но, тем не менее, я это сделаю! - Он рявкнул, что мы можем разойтись.

В раздевалке никто не желал со мной разговаривать. Я стал персоной non grata. Билл пробормотал, что ждет меня, как обычно, в кофейне, и спешно ретировался.

Крейг со страдальческой миной сказал. - Мог бы говорить «ос» и повежливее

- Я пытался, сказал я.

- Я понимаю, - он потрепал меня по плечу. Это был жест сочувствия, который я от него совсем не ожидал.

Билл, ждавший меня в кофейне, был еще более злым, чем я.

- Он просто не имеет права с тобой так обращаться! Если тебя выгонят, то следующим уйду я. Проклятье, этот ублюдок меня приводит в бешенство! Боже, он такая задница. Он не имел никакого права говорить тебе подобные вещи.

- Ничего, - сказал я, - я уеду на некоторое время, мне нужно возобновить визу. Все успокоится к моему возвращению.

- Я просто говорю, что у нас тоже есть права... Но этот парень... жопа, просто жопа.

Мы поносили Мастарда последними словами еще в течение часа или двух, и от этого мне стало немного легче. Я предупредил Пола, что мне нужен отпуск для того, чтобы возобновить визу и он, как всегда рассудительный и профессиональный, сказал, что с этим не будет никаких проблем. Странно, что бумажка со штампом в додзё значила больше, чем серьезная травма. Путешествие было последним кратковременным выходом на волю, и это был последний шанс вырваться «из застенков».

Я купил дешевые билеты в Сингапур и вылетел днем позднее. Никогда больше я не испытывал подобного облегчения. Самолет взлетал выше и выше в небе над Токио, пролетел над островами и затем над синими водами Тихого океана, и все напряжение осталось далеко позади. Я заказал пару банок американского пива и написал в моем дневнике: «Что такое свобода? Когда тебе никто не мешает вздохнуть.»

В Сингапуре я оторвался на полную катушку. Неважно, что там был штраф в \$500 за использование лифта вместо туалета, и что жевательная резинка была запрещена. Для меня это была полная свобода. Я мог ехать, куда хотел, и решил поехать в Малайзию с целью сэкономить.

На вокзале Сингапура я купил билет до Джохор Бахару. Как только поезд въехал на территорию Малайзии, все вытащили контрабандные упаковки с жвачкой Ригли и начали беспечно ее жевать. В Джохор Бахару пересел на автобус до Куала Лумпура. Во время того, как автобус ехал, старушка, занявшая все заднее сиденье, испражнялась в розовый целлофановый пакет. Запах был непередаваемый. В окно я видел, что все обочины в Малайзии усыпаны похожими пакетами. Я посчитал, что национальным Малайзийским цветом должен считаться розовый. Мне было наплевать. Я размышлял, что до этого держало меня в чертовом подзё так долго? Зачем я добровольно засадил себя за решетку? И не мог найти достойного ответа. Я думал, что никогда не вернусь обратно.

В Куала Лумпуре я остановился у своего приятеля по колледжу. Он был успешным адвокатом и жил в большом доме, заполненном слугами. Я наслаждался отличной едой, свежей рыбой, овощами, манго и теплым, только что выпеченным хлебом, и все это так контрастировало с Фуджи Хайтс, что даже смешно об этом упоминать. Мне казалось, что я не ел ничего подобного уже долгое время. В Японии я привык заглатывать еду, просто для того, чтобы поддержать жизнеспособность организма. Я был не прав! Еду нужно смаковать, наслаждаться, и блаженно переваривать. В Японии я не переваривал еду, я обрабатывал ее, причем навряд ли этот процесс был эффективен.

Я слонялся по шикарному дому, полы которого были устланы мрамором, пил кофе, которое подавала дружелюбная и болтавшая на индонезийском горничная. Ее не смущало, что я ее не понимал. Боже, я чувствовал себя как дома затачиваясь произведенной в Англии сигаретой и наблюдая как полуденный тропический ливень стучит по веранде. Я только должен подумать о том, что буду делать дальше. Не мог же оставаться в Малайзии навсегда? Я постепенно пришел к тому, что стал сомневаться, что вообще надо было поступать на курсы. В то время, как другие люди так славно проводят время! Но если я не вернусь, все усилия пропадут втуне.

Я вернулся в Сингапур, и остаток времени провел как в тумане. Я даже необдуманно купил упаковку жвачки в переполненном супермаркете, и почувствовал, как на меня устремлены сотни укоризненных взоров. Я не хотел, чтобы меня подозревали в нелегальном жевании резинки, и арестовали за это. Я даже не знал, каков размер штрафа. Если есть выбор между избитием и штрафом, я лучше бы ввязался в драку, по крайней мере, меня этому обучали.

Я посетил Шанги Гаол, это было близко к аэропорту. Смотря на гармоничное сочетание толстых стен и наблюдательных вышек (крепость все еще используется в качестве государственной тюрьмы), я думал, не здесь ли был сделан портсигар полковника Х. В этом месте не было угрюмой атмосферы, как в Дахау или Берген-Белсене, бурная тропическая растительность скрыла все следы войны и обступала темницу со всех сторон, даже нависала над дорогой. Джунгли растворили все, даже страдания и смерти. Рано или поздно они разрушат и крепость, если дать им шанс.

Там был музей и потрепанные реконструкции, но я бы сказал, что сингапурцы хотя бы забыть войну. С учетом того, что очень много японцев приезжает в Сингапур в шоппинг-туры, это мудрое решение. И хотя малайзийские старшеклассники знают про Хиросиму, я никогда не встречал японского подростка, который бы знал про Чанги или про железную дорогу смерти. Чувство вины ставит на атомную бомбу и, очевидно, выигрывает.

Там была фотография Малайзийского тигра, генерала Ямашита, в полный рост. Я сфотографировался рядом с ним.

Канчо прошел через войну в Сингапур и закончил ее в Борнео. В своей автобиографии он говорил, что слабость Японии проявлялась в том, то японские офицеры купались в роскоши: «Да и сам даже имел граммофон с иглой и держателем иглы из чистого золота... Это и послужило причиной поражения Японии в войне»

Я посетил Отель Кокпит, любимое место Криса для того, чтобы посидеть на балконе и посмотреть на полуденный ливень. Но уже был вечер, было влажно и прохладно, и дождя не было. Я выпил два коктейля, но они сделали только мою голову тяжелой, и испортили мне настроение.

Я поймал такси в аэропорт. Кого я обманываю? Чтобы сказал полковник Х, если бы узнал, что я позволяю япошкам себя превзойти? Я должен вернуться. Я должен испить эту чашу до дна.

В самолете я решил, что буду идеальным сеншусей. Я буду говорить «осс» громче всех, каждый бросок делать так хорошо, как могу, поддамся безумию армейского порядка. Попытка отстраниться от процесса провалилась. Ты не можешь одновременно тренироваться и спокойно наблюдать свысока за тем, что происходит.

Я почувствовал, что успокоился. Моя ненависть к Мастарду поутихла и я чувствовал себя достаточно сильным, чтобы продержаться до экзамена на черный пояс. Я должен брать пример с одного из учеников Тессю, Хасегава, который был настолько неуклюжим, что не научился за пятнадцать лет делать прямой удар мечом. Тем не менее он упорно занимался и стал одним из лучших студентов Тессю, и даже давал Тессю фору в тренировочных поединках. Хасегава представлял собой пример того, как дух может преодолеть физические недостатки и его любимой цитатой было высказывание: «Если дух целостен – нет ничего невозможного.»

13. Как выжить

"К очень важным вещам надо относиться легко. Неважные же вопросы нужно рассматривать со всей серьезностью. В жизни человека есть только две или три по настоящему важных вещи. Над ними следует размышлять в одиночестве, и это позволит относиться на людях к ним легкомысленно."

Хакагурэ.

Я ассистировал Мастарду и стоял на ногах до последнего момента, вместо того, чтобы страховать заранее, чтобы избавить себя от лишних неприятностей. Мастард кивнул с одобрением.

Когда пришла моя очередь проводить разминку перед тренировкой, я выкрикивал команды на пределе громкости. Раньше я не подозревал, что разминка позволяет зарядиться энергией, пользуясь фактором толпы. Для того, чтобы извлекать эту энергию мне, правда, пришлось отключать часть мозга, ответственную за критическое отношение к происходящему. Затем следовало сосредотачиваться только на том, что будет происходить в течение ближайших нескольких минут. Остальные сеншусеи выглядели, как толпа усталых стариков. Возможно, раньше на это просто не обращал внимание. Неделя свободной жизни грела мне сердце, как чужой секрет. Знание того, что за дверями додзё есть другая жизнь, которой стоит дождаться, должно обязательно помочь продержаться последние месяцы.

В то время, пока я отдыхал в Малайзии, я так же обдумал решение еще одной проблемы. Я понял, что нужно сделать с непослушной ученицей, Наоко. После длительного размышления, я решил, что не буду делать за японских преподавателей грязную работу. Это было бы слишком щедро с моей стороны. Но методику преподавания придется изменить.

Я сказал г-ну Вада, что я не стану запрещать Наоко посещать мои уроки.
- Если ситуация ухудшится, мне придется это сделать, - сказал я. Я заметил, что г-н Вада снова надел очки. Он, очевидно, был очень занят. Слегка кивнув в мою сторону, он побрел из учительской. Теперь если мой план провалится, мне не следует ожидать сочувствия от японских преподавателей. Что бы я ни сделал, лучше бы ему сработать.

Я попросил г-жу Нонака посидеть на одном из моих уроков. Она была совсем маленькой женщиной, менее пяти футов ростом, но дисциплина на ее уроках была железная. Я был на ее уроках: пятьдесят девчонок молчат, как рыбы, пока их не спросят – великолепное зрелище!

- Как вам удается достичь такого эффекта? - Спросил я.
- Это моя классная комната, - ответила она, - не их. Это то, чего я хочу. Дети любят строгих учителей. И у меня хорошая репутация. - Ее крошечные черные глаза блеснули лукаво.

Репутация... Я даже не хотел думать, какая у меня репутация. Это также была одна из составляющих проблемы. Не хотел думать об этом, пока не стало слишком поздно.

Ученицы слегка оживились, увидев, что г-жа Нонака садится за заднюю парту. Девочки, конечно, вели себя очень хорошо. Г-жа Нонака ходила по проходу между партами и задавала непосадам вопросы с резкими и настойчивыми интонациями. -

- Обычно они так себя не ведут, - сказал я в конце урока.

Г-жа Нонака зачитала с листочка бумаги свои заметки на тему того, как я должен изменить уроки.

- Они не понимают, что вы говорите, - сказала она.

- Некоторые из них понимают, - возразил я.

- Вам нужно снизить темп, и проверять, что все всё поняли.

- Хорошо, - сказал я, смирившись с ее мнением.

- Позвольте им готовиться перед уроком.

- Верно.

- Но, в целом, мне кажется, вы просто слишком умны для своего класса, - сказала г-жа Нонака. - Это совершенно обыкновенные девочки. А вы, как говорится, на голову выше остальных.

Как обычно, она говорила на своем великолепном, слишком чистом английском. Ее глаза светились теплотой. Ей удалось выполнить трудную задачу оценки моей методики с блеском, и она даже умудрилась мне польстить. Я вспомнил про инструкторов айкидо. Они обычно не разменивались на пустопорожние обсуждения.

В порыве вдохновения я проконсультировался с учебником фехтования, написанным Тессю. Особенно внимательно я прочитал «Семь правил победы»

1. Подавите ки противника.

2. Предвосхитите атаку.

3. Ответьте на атаку.

4. Остановите противника.

5. Разверните его энергию.

6. Завладейте инициативой.

7. Будьте гибки.

В следующий понедельник я повесил на стену в классе список «правил». Я написал на доске несколько простых фраз, и попросил всех несколько раз повторить их. Я заставил лучшую ученицу перевести их на японский язык. Затем мы еще раз повторили фразы, и еще раз. Потом я протестировал каждого на понимание этих выражений. Потом мы еще раз и еще раз их повторили. И тут внезапно прозвенел звонок. Это было так просто!

Мои уроки теперь копировали с точки зрения методики тренировки айкидо. Первые десять минут каждого урока начинались с повторения базовых фраз с особым вниманием к произношению. Я так же придумал фразы - «якоря», которые заставлял повторять снова и снова: «Произношение очень важно», «если сомневаешься - постарайся предположить», «радуйся возможности ошибиться». После повторения базовых фраз следовали мини-диалоги. Мини-диалоги были аналогами базовых техник в айкидо. Сначала мы практиковались группой, затем весь класс разбивался на две группы, а потом на пары. Процесс был совершенно механическим. Затем в конце урока шли ответы на вопросы, если вопросов не возникало, мы еще раз повторяли базовые фразы. Конечно, это было жутко скучно, но этот метод работал. Ни у кого не было времени, чтобы отвлечься на Наоко. Для того, чтобы компенсировать скуку, я вкладывал нереальное количество энтузиазма в процесс. Я мог поклясться, то становлюсь учителем до мозга костей. Но самое главное, что это работало.

Для того, чтобы «подлизаться» к Мастерду я вместе с Крисом поехал смотреть выступление Мастарда в додзё Такэно. Для этого надо было сесть на поезд и проделать двухчасовой путь из Токио в горы. Рэм также поехал, усадив Бена на заднее сидение своего мотоцикла. В программе выступлений иностранцы именовались «голубоглазыми самураями». Это было примерно так же уважительно, как если бы японцев-участников Шотландских национальных игр именовали бы «узкоглазыми в килтах». Однако цель организаторов была достигнута - иностранцы чувствовали себя польщенными, а японцы могли украдкой хихикать над нелепостью формулировки.

Такэно лично представил Мастарда. Он охарактеризовал Мастарда, как одного из своих самых преданных студентов, но, однако, не преминул съязвить в его адрес: «а так же Мастард является живым доказательством того, что ваша походка не влияет на ваш талант айкидоки». Ирония заключалась в том, что расхлябанная походка Мастарда на улице в корне отличалась от его стелющихся, слегка обезьяноподобных и угрожающих движений в додзё. Такэно побросал четверых или пятерых учеников, но самая «вкусная» часть его выступления приберегалась для Мастарда. Если бы вы видели эту демонстрацию, вы определенно бы заключили, что Такэно страдает от переизбытка тестостерона: он хотел подавить ассистента полностью, буквально впечатывал его в татами, пока, как образно высказался Мастард, не «заболели даже брови». Мастард поблагодарил нас за то, что мы приехали его поддержать. Таким образом, мое возвращение в додзё происходило на фоне общего потепления наших отношений.

После окончания выступлений Рэм предложил Бену подвезти его обратно до Токио. Он по случаю одолжил мотоцикл по мощнее, чем его собственный - это был Suzuki с двигателем

1100 кубических сантиметров, и конечно, Рэм гонял, как ненормальный. Я был удивлен тем, что Бен отказался от его предложения. Возможно, путешествие в додже Такэно было слишком шокирующим, и пробудило воспоминание о злосчастном инциденте с поврежденной ступней Бена.

Этим вечером мы получили звонок из госпиталя, расположенного неподалеку от додзэ Такэно. Звонил Рэм, в его голосе были необычные для него жалобные слабые нотки. Он сказал, что он упал с мотоцикла. Он ничего не сломал, но содрал колено до кости и был в совершенном шоке от происшедшего. Мотоцикл был разбит всмятку. Ему придется пролежать в госпитале несколько дней, он сможет приступить к тренировкам только через неделю. Я сказал Бену: «Да ты счастливчик, с твоими громадными лапищами можно себе представить, чтобы случилось, если бы вы ехали вместе.»

Когда Рэм в конце недели приехал на тренировки, его колени выглядели довольно странно: были красные, как вареный рак. Однако, он восстановил свой обычный оптимизм и рассказал коротко о том, что произошло: «Да какой-то парень на машине выезжал. Я считал, что он меня видит, а он, оказывается, не заметил. Затормозить я не успевал. Я ехал где-то в районе сотни, поэтому нажал на газ, чтобы успеть проскочить. Он тоже нажал на газ, и я понял, что мы точно столкнемся. Поэтому у меня был один выбор – бросить мотоцикл. Я летел головой вперед, натурально как Супермен, честное слово!».

Рэму оставалось еще собраться с духом и сообщить своему другу, что он разбил мотоцикл. Я бы точно испытывал в этой ситуации определенные затруднения, но Рэм сказал, что это как раз таки не проблема. Адам также чувствовал себя не очень хорошо. Он взял один день отгула под предлогом того, что у него якобы грипп. Актер из него получился бы превосходный: он изображал озноб, всхлипывал и хныкал, пока его не отослали домой. Однако позже вечером он чудесным образом оказался достаточно здоров, для того чтобы посетить ежегодную вечеринку на Яманоте Лайн, посвященную Хэллоину.

Каждый год в течение нескольких последних лет иностранцы захватывали один из поездов, занимая одно купе за другим, куря, выпивая и слушая громкую музыку, пока поезд кружил по кольцевой Яманоте Лайн. В Токио Журнал печаталось зашифрованное приглашение на английском языке, в котором сообщалось, с какой платформы и когда нужно садиться в поезд. Полиция не препятствовала веселью, поскольку, хотя в поезде и была жуткая давка, это было совершенно невинное развлечение. Майк «Спайк» Кимеда был на вечеринке и увидел там Адама.

На следующий день на тренировке Даррен дал Адаму деревянный нож и приказал ему атаковать. Как только Адам бросился в атаку, он получил прямой удар ладонью в лицо от Даррена, такой сильный, что был отброшен на мат. В полубессознательном состоянии Адам встал и снова атаковал, на этот раз он пролетел два татами, и приземлился с грацией мешка картошки. Однако, он снова поднялся, и опять был нокаутирован, и так далее. Даррен впечатывал его в татами каждый раз еще сильнее, чем в предыдущий. Теперь Адам еле держал нож трясущейся рукой, а его красное лицо было искажено гримасой боли. Он попытался немного собраться с силами и полежать пару секунд на татами, но склонившийся над ним безжалостный Даррен потребовал продолжения. Весьма предсказуемо через секунду Адам снова беспомощно барахтался на спине. Выглядело это довольно жестоко. После тренировки Даррен наклонился и прошипел Адаму в лицо: «Даже не пытайся соврать нам еще раз!» Адам покинул татами на четвереньках, полностью разбитый и униженный.

Через день, после того, как мы закончили уборку, Адам пробормотал: «Надеюсь, что Даррен не захочет преподать мне еще один урок сегодня – у меня после прошлого раза синяки еще не прошли.» В его высказывании не было ни капли иронии, ни возмущения по поводу того, насколько справедливо было такое жестокое наказание. Все что его заботило – это как часто его будут избивать до полусмерти.

В квартире на Фуджи Хайтс меня ожидало кое-что не очень приятное, болтающееся в унитазе. Оно было черно-зеленое и больше всего это смахивало на какую-то лишнюю часть человеческих внутренностей. Вне зависимости от того, сколько я раз пытался спустить воду, эта гадость все равно выплывала на поверхность. Я заставил себя рассмотреть этот предмет повнимательней. Это был использованный презерватив. Толстый Фрэнк был постыдно уличен. Это был его презерватив и он был вынужден немедленно от него избавиться.

У Фрэнка была новая подружка, австралийка Ребекка. Она была вегетарианкой и отличным поваром. Настолько хорошим, что пыталась отучить Фрэнка есть такие деликатесы, как омлет из двенадцати яиц и килограммовые отбивные. Фрэнк был единственным, кто, как я подозревал, мог повторить знаменитый подвиг Тессю и съесть пятьдесят сваренных вкрутую яиц. По крайней мере он как-то раз всерьез рассказывал мне, что его предел – это порядка семидесяти яиц, если заесть их десятью апельсинами. Апельсины – это секретный способ есть очень много, как сказал мне Фрэнк.

В конце курса опять организовывался тренировочный лагерь, но ехать туда было не обязательно. Это был единственный лагерь без инструкторов – японцев. Это было

довольно странно – лагерь, где только сеншусей. Сначала туда хотели ехать только Ага и Бешеный Пес. Затем, поддавшись минутной слабости, я тоже записался. За мной подтянулся Билл, а за ним уже и все остальные решили ехать. Правда Крейгу никто ничего не сказал, так как он слишком отдалился от всех, а потом ему уже было поздно отпрашиваться с работы.

Выехать предполагалось в ноябре, лагерь должен был быть расположен в горной области под названием Чичибу, в трех часах езды на поезде от Токио. Чичибу – это прототип области Титипуу, где разворачивается действие оперы Гилберта и Салливана «Микадо». Городские кафешки раздают спичечные коробки с иллюстрациями из ранних постановок этой оперы.

Лагерь располагался в деревенской гостинице с фитнес-центром (баскетбольная площадка) и додзё для боевых искусств. Горные ясени бросали прохладную тень на деревянные стены гостиницы. Рядом была долина с глубоким и бурным горным ручьем, ранними сумерками над ним висел туман. Мы все переоделись в кимоно и стали совсем похожи на самураев.

Татами в местном додзё славилось своей жесткостью. Трепет охватил даже самых выдержанных из нас, когда мы ощутили под ногами покрытие додзё, твердое, как базальт, и вдохнули студеной воздух. Я обреченно подумал, что этот климат не улучшит состояние «шишечек», и часы предстоящей работы в дзю вадза будут очень тяжелыми. Но для меня главное было – выжить, чего бы это ни стоило. Конечно, я буду бороться, если это будет необходимо, но основная задача не в этом. Боец... ну, боец это более чистое существо, кто-то такой, чей ум в совершенстве управляет телом, не слушает тело и вообще не заботится о теле, так как полностью уверен в своем идеальном искусстве бойца.

А человек, который полон решимости выжить – это просто счастливчик, которому воспользовался вовремя подвернувшимся под руку шансом. Удача, а не очевидное мастерство, в котором преуспевают мастера – бойцы. Как ни странно, мне казалось, что я менее завишу от божественного промысла, чем они. Я посмотрел на татами, твердые и холодные, как стальной лист, и решил: «Ничего. Как-нибудь переживем и это.»

Жизнь выживающего зависит от мелочей. Заключение Абушица, если вы допускаете такую аналогию, переставали надеяться на освобождение в тот самый момент, когда они теряли свои деревянные сабо. Те, кто надеялись выжить, запикивали в свои сабо старые газеты для того, чтобы сделать их более теплыми и удобными.

Забота о своих конечностях, как признак здорового желания жить, так же упоминается в книге Грейвза «До свидания всему этому». Он утверждает, что «траншейная стопа» вовсе не является эндемическим заболеванием, так как этим синдромом страдают те, кто прекращает бороться, впадает в невротическое оцепенение, характерное для людей, которые склонны сломаться в стрессовых обстоятельствах. У них повреждения стопы встречаются значительно чаще, чем у людей, которые не прекратили заботиться о себе. Возможно, что единственная между ними разница – это то, что вторые просто тщательнее вытирали ноги сухой тряпичкой. Вероятно, эти люди неосознанно давали своему организму сигнал, что им не все равно, что будет с этой важной частью тела, и организм концентрировался на том, чтобы избавиться от заболевания.

Пол одобрил мою теорию. Он посоветовал нам уделять внимание уходу за собой, и слушать свое тело. «Если у вас болят колени, не игнорируйте боль, массируйте их, пока боль не пройдет.» Дэнни следовал его совету в отношении появляющихся у него «шишечек», и он был единственным, у кого это не выросло в большую проблему. Он поделился, что после особенно жесткого сеанса тренировок он массировал косточку на бедре, где начала появляться «шишечка». Он категорически не хотел, чтобы у него прибавилось физического дискомфорта. Он слышал о том, как это бывает и категорически не желал проходить через эту стадию лично.

Знать, где следует терпеть, а где не стоит ни в коем случае мириться с болью – это была та линия поведения, которой мы все учились следовать.

Теперь, когда ему в затылок не дышали японские инструкторы, Мастерд оказался довольно интересным и толерантным учителем. Только я и Адам «провалили» репетицию экзамена на черный пояс, но вместо того, чтобы браниться, Мастерд дал нам несколько хороших советов. Хотя мне не нравилась идея хоть каким образом оказаться связанным со странным образом жизни, который вел Адам, было приятно осознавать, что я был не единственным неудачником. Я никогда не забывал устрашающее предостережение Спайка Кимеды: «Никогда не оказывайся самым худшим, потому что тогда у тебя есть жирный шанс сломаться первым»

Татами было жесткое, зато инструктора, несомненно, стали вести себя значительно мягче. Холод пробирал до костей, но они позволяли нам пробежать несколько кругов по додзё для того, чтобы разогреться перед тренировкой.

В отсутствие японских инструкторов тупые иностранцы могли позволить себе слегка расслабиться. Согласно расписанию мы все должны были подниматься в шесть часов каждое

утро для того, чтобы совершать утреннюю пробежку, но никто никогда не бегал – каждому хотелось понежиться в теплой постельке подольше. График был составлен, чтобы избежать придинок со стороны японцев, так что они наверняка воображали, что мы в лесах проходим курс выживания, но на самом деле все было не совсем так.

Пол побывал на семинаре по дзю-дзюцу федерации Грэйси как раз перед тем, как поехать в лагерь, он рассказывал про это всю дорогу, пока мы ехали в Чичибу и Бен загорелся идеей заняться еще одним боевым искусством. Грэйси – это бразильский клановый стиль дзю-дзюцу. Основатель школы в свое время был в Японии, где выучил техники более или менее похожие на техники захвата, используемые в дзю-дзюцу. Его фамилия и была Грэйси (он был шотландским эмигрантом) и он отшлифовал впоследствии полученные знания и основал школу дзю-дзюцу.

Наверное, это был неплохой стиль, так как наследники семьи Грэйси постоянно выигрывают соревнования, в которых участвуют. Они набрали на неплохую идею: поскольку большинство поединков заканчиваются борьбой «в партере», то если вы доминируете в возне на полу, значит, вы выигрываете. Поскольку большинство бойцов концентрируются на ударах руками и ногами, которые не являются для боев без правил настолько же важными, как навыки борца. Хороший дзюдоист как правило выигрывает. Если же мастер направления Грэйси выступает против дзюдоиста, то так же выигрывает, поскольку в отличие от дзюдоиста он может как бить, так и держать удар, а это то, к чему дзюдоист, как спортсмен не слишком привык. Дзю-дзюцу школы Грэйси в девяностых было то же, что и кунг-фу для семидесятых. Несколько лет Ройс Грэйси занимает место, которое занимал в свое время Брюс Ли, на голову разбивая кикбоксеров, борцов, боксеров-профи и мастеров кунг-фу, для того, чтобы выиграть кубок Ultimate Fighting Challenge, ежегодное соревнование, которое проходит на восьмиугольном ринге, который вместо канатов огорожен стальной сеткой, а следовательно, бежать там некогда. В этих соревнованиях не бывает раундов, бои заканчиваются либо признанием поражения со стороны со стороны одного из игроков, либо нокаутом. Это бои без правил, без перчаток но попытки за попытки выцарапать глаза или ударить в пах существует крупный штраф.

На семинаре братья Грэйси боролись с каждым, кто этого хотел и всех победили: удушающим, либо с использованием болевых контролей как рук так и ног. Пол атаковал с прямым входом ирими, Грэйси использовал уход с линии атаки и удушающий контроль. Означала ли эта победа то, что дзю-дзюцу школы Грэйси было более эффективно, чем айкидо?

Что сильнее, кунг-фу или кикбоксинг? Побил бы Майк Тайсон Брюса Ли? Не смотря на то, что мастера боевых искусств протестуют против сравнений подобного плана, люди пытаются сравнивать. Это так же осмысленно, как спрашивать, кто бы победил в конкурсе на самый лучший рассказ: Чехов или Хемингуэй? Слишком много переменных, чтобы принять обоснованное решение. Но для хорошего мастера, который находится в хорошей форме всегда не проблема победить кого-то, кто не силен ни в одном из боевых искусств, вроде стиля Белого Журавля (ходят слухи, что чтобы выучить целиком тао Белого Журавля нужно потратить двенадцать лет). Уличный боец имеет свое преимущество, основанное на его привычном рваном ритме, бравате и блефе.

Обычно бой выигрывается, если вы заставляете соперника принять свои правила. Грэйси привыкли бороться на ринге Ultimate Fighting Challenge против невооруженного противника. Там борцы имеют преимущество. Но в жизни люди обычно вооружены, будь это разбитые бутылки, ножи, лезвия, дубинки или тяжелые дубовые стулья. Борец навряд ли будет иметь преимущество в такой поединке, и конечно, не победит, если привык только к захватам. Пол был на чужой территории – что означало, что он изначально был обречен проиграть удушающим, нокаутом или быть захваченным в болевой контроль. Поскольку стиль Грэйси основан на такой тактике, не удивительно, что Пол проиграл. «Он был совершенно расслаблен и очень быстр» – объяснил нам Пол. Но если, положим, оба противника были бы вооружены мечами, то вышла бы другая история. Конечно, с точки зрения не слишком серьезного уличного поединка стиль Грэйси является довольно эффективным, пока пол не оказывается усыпан битым стеклом, и друзья твоего противника не норовят ударить в голову железным носком ботинка.

Билл и я жили в одной комнате, к сожалению, нашим третьим жильцом был Адам. Он бормотал и вскрикивал во сне, собственно, когда он не спал, то был занят примерно тем же самым. Мы пытались избавиться от него, выдвинув его на должность ответственного за чай – человека, который снабжал инструкторов и особенно Мастарда напитками. Таким образом мы избегали еще большего количества упоминаний о его неблагоприятной семье, еще более длинных описаний того, как он разбивался на скейтборде, и того, как его остановил полицейский патруль за то, что он выбрасывал мусор из окна машины или за вождение в нетрезвом виде. Время от времени к нам заглядывал Бешенный Пес. Однажды он ввязался в бесконечный спор с Адамом на тему того, что лучше, механика или автоматическая коробка передач. Я не ожидал, что Билл тоже присоединится к этому абсурдному спору. Я понял, что попал в типичную ситуацию мужского разговора из

анекдотов. После длительного спора все согласились, что механика все же лучше, хотя Бешеный Пес предпочитал водить авто в плотном городском потоке.

Один раз во время, отведенное для отдыха, мы решили просто так прогуляться к ближайшему святылищу. По дороге мы выискивали магазин для того, чтобы купить сигареты для Мастарда. Рэм ткнул в рисунок на футболке Даррена: «Что делает на твоей футболке изображение раввина???» Даррен саркастически хмыкнул. На его футболке была напечатана копия одной из поздних фотографий Уэсибы. Рэм все еще имел смутные представления о том, кто это такой. Если ортодоксальный еврей принимает изображение знаменитого мастера боевых искусств за изображение раввина – это дает некоторое представление о том, какой бардак творился у всех нас в голове.

Так же мы болтали о том, что возможно, последняя тренировка будет отменена, а вместо нее собирались сделать поход в горы. Сеншусеи очень хотели идти в поход, но не могли открыто высказываться за эту идею, так как это могло быть расценено как недостаток воинского духа и пренебрежение обучением. Я, должно быть, слышал этот диалог сотню тысяч раз: «Что самое важное в айкидо Ёшинкан? – Дух!»

Учителя сошлись на том, чтобы тренировку не отменять. Мы не очень обиделись, но, тем не менее, жесткие татами нам уже изрядно надоели. Поскольку была очередь Пола вести занятие, мы все ожидали приличной нагрузки. С нехорошим предчувствием я занял исходную стойку на своем привычном месте, ожидая нескончаемых яростных атак (в основном, мы занимались этим). Наши занятия сильно напоминали обучение собак, с тем исключением, что тренера, натаскивающие псов знают, что регресс в тренировках перечеркивает все достижения прошедшего курса. Наши тренера до этого заключения додуматься еще не успели.

Затем Пол сказал что-то удивительное. Он сказал, что покажет нам на этой тренировке, чему научился на семинаре дзю-дзюцу. Не будет дзю-вадза! Не будет бесконечных падений! Видимо всеобщий энтузиазм по поводу обучения основам дзю-дзюцу можно списать на усталость от страховок. Пол добавил: «Только не говорите никому, что я это показывал!»

Система Грэйси включала в себя серию базовых упражнений, которые развивали важные для борцов группы мышц, так же, как упражнения айкидо развивают важные для айкидо группы мышц. Например, надо было лежать на спине и делать из такого положения переворот через плечо на живот и обратно, так как в борьбе важно не упустить шанса перевернуться, когда это бывает необходимо.

Я тренировался вместе с Биллом. У нас обоих получалось плохо: мы были похожи на двух старичков весьма почтенного возраста, передвигающихся по обледенелому тротуару. Вен прикладывал больше старания, в результате в запале он повредил себе локоть. Еще одно айкидошное правило: не следует прилагать 100% усилий, когда 30% усилий достаточно.

После тренировки было общее мытье в бане в бассейне с термальной и очень горячей водой. Поплескавшись с остальными мы с Биллом пошли пить зеленый чай у нас в комнате и смотреть на ручей, чьи берега густо оттеняли деревья, стужался туман и стало ощутимо холоднее. Это были потрясающие минуты полного счастья, когда можно было наслаждаться моментом и забыть о будущем.

Турнир Ultimate Fighting Challenge, который в этом году проходил в Токио, закончился для Грэйси поражением. Ройс Грэйси встретился с Кимо, кикбоксером и бывшим заключенным, который в тюрьме крестился. Его безволосый мускулистый торс был украшен множеством тюремных татуировок. Одна из них, написанная на спине, гласила: «Иисус спасает».

Кимо вскарабкался на ринг, неся на спине громадный деревянный крест. Распятие он, конечно, потом с трудом отвязал. Затем он преклонил колена в молитве о победе. Видимо, по его логике, его победа в поединке каким-то образом должна была способствовать распространению христианства в современном мире.

Ройс Грэйси стоял и удивленно смотрел на это представление с таким видом, как будто перед ним явился Антихрист, чтобы поболтать немного. Несомненно, что происходящее вступало в неразрешимый конфликт с его мировоззрением человека, воспитанного в строгой католической семье. В нерешительности он гонял языком вперед и назад пластиковую скобу, защищающую зубы.

Кимо был жесток, как дешевые ботинки, он легко выдержал удары по почкам и в лицо, которые Ройс обычно использовал для того, чтобы противник ослабил хватку или открылся. Удары в дзю-дзюцу Грэйси служили той же цели, что и атэми в айкидо: причинить противнику дискомфорт и измотать его, чтобы отвлечь от действительно опасной атаки.

Кимо держался стойко, как утес на морском берегу, и пытался нанести ответные удары Ройсу. Внезапно Кимо допустил ошибку, и Ройс применил удушающий прием.

Но к этому моменту Ройс также был изрядно измотан и в финале у него не хватило сил, чтобы довершить начатое до конца. Очевидно, его уровень был выше, однако его травмы не позволили ему выиграть. По иронии судьбы семья Грэйси создала соревнование такого

типа, в котором просто желания выиграть было недостаточно. Для этого Ultimate Fighting Challenge был слишком похож на жизнь и недостаточно похож на спортивные состязания, чтобы преуспеть таким образом. Мы все считали, что Ройс заслуживал того, чтобы ему присудили победу, но в реальной жизни чаще побеждают ублюдки.

После того, как мы сошли с поезда, Большой Бен неожиданно для всех выдал речь благодарности нашим учителям, окончание которой потонула в одобрительном шуме и аплодисментах. Вне поля зрения японских инструкторов Мастерд позволил себе быть громадной серебристой гориллой – кем он и был на самом деле.

Когда мы шли по платформе, Даррен тихо сказал мне, чтобы я забрал у Мастерда его багаж. Я попытался, но Мастерд отказался от помощи. Однако он меня поблагодарил и прямо сказал, что он не забывает хорошего отношения. Возможно, Даррен помог мне таким образом сблизиться с остальной частью группы и морально подготовиться к экзамену на черный пояс.

14. Прирожденные нацисты

"Прочтя книгу и тому подобное, лучше всего сжечь их либо выбросить. Чтение занятие для двора Императора, тогда как Путь Самурая - Смерть."

Хагакурэ

Декабрь

Я оставил заказ на аминокислоты Марку Свайлею, тexasскому тяжелоатлету, регулярно обучающемуся в додзё. Это казалось лучшей идеей нежели чудесные спортивные напитки Аги, которые окрашивали ваш рот в красный цвет или его же бодрящие жевательные резинки требующие длительного разжевывания, которые стоили много больше чем полноценная пища. Я чувствовал, что мне необходимо небольшое количество дополнительных сил при подготовке к тесту на черный пояс и аминокислоты тexasсца казались наиболее подходящими.

"Я беру их все время. Я могу тренироваться два часа подряд, затем еще бегать и все еще чувствовать себя полным сил," клялся Свайлей.

Я так же страдал от зубной боли и наконец договорился о лечении у японского дантиста Сары. Она договорилась о приеме, раздраженная моими постоянными жалобами о боли. Проблема появилась когда спонтанный удар Адама отломал верхушку дальнего зуба, который уже болел. Я был настолько раздражен этим, что выполнил образцовую серию дзю вадза, самую лучшую из всех когда либо выполненных мной.

Но боль начала медленно нарастать и я с горечью понял, что должен буду сделать то, чего очень не хотел делать – попасть в руки японского дантиста.

Японское отношение к зубам окрашено, буквально, их убеждением тем, что они находили темные зубы привлекательными. Непостижимо для любого с рождения и до старости была регулярная чистка зубов, считалось проявлением скромности когда рот женщины был нежным отверстием, лишенным таких животных наростов, как зубы. Свинец использовался дабы сделать зубы черными, широко применяемая практика у гейш в этом столетии.

Очернение, возможно, было лучшей идеей скрыть плохую работу. Было возможным обнаружить двойные, немного выпирающие и искривленные зубы у молодых "симпатичных" девочек, как считали большинство японцев, и это было лучшим выходом из безнадежной ситуации. И ровно так же как японцы имеют плохое зрение, в одном классе средней школы из двадцати девочек шестеро носили очки и одиннадцать носили контактные линзы (факт невообразимый на Западе, но весьма обычный в Японии), они так же имеют плохие зубы. По пути к дантисту, в подземке, я заглядывал в каждый рот, попадавший в поле моего зрения. Это было ужасным: серые клыки; бесцветные выпирающие десны; резцы и клыки в два ряда; причудливые мосты, вдохновение на создание которых должно быть навеял Пампиду центр; все зубы целиком заключенные в золотые или нержавеющей стали коронки; рты, которые вспыхивали как пещера Алладина, когда человек начинал говорить. Такие случайные наблюдения никогда не внушают доверия, когда цель поездки должна принести облегчение. Вместо этого я думал о Саре, с ее маленькими прекрасными и нетронутыми зубами. Возможно ее дантист был отличен.

Незначительная зубная боль обозначила меня как удачливового. Фактически все иностранные сенсусей и некоторые полицейские недавно получили травмы. Денни сломал палец. Бэн

хронически страдал от проблем с шеей и большинство из оставшихся получило некоторые травмы или иные повреждения от Крэйга.

Крэйг Моррисон Тидсвелл. Даже его имя звучало зловеще, имеющее психопатический оттенок к тому же. Это путало Андо, который называл его Тидсвеллом, а не по имени, как ко всем остальным нам. "Тидсвелл!! Нет! Тидсвелл гниколени! Гниколени!!" Андо был единственным японским учителем, который рисковал говорить по английски. Он меньше всего думал о собственном достоинстве нежели другие, не заботясь сделал он ошибки или нет, переводя непосредственно с японского. "Глазалиния! Глазалиния!" было его наставлением поддерживать правильный сконцентрированный взгляд, прямой перевод слова "mesen". Главным образом Андо говорил нам становиться ниже. Я предположил, что будучи самым маленьким по росту человеком в зале, приблизительно пять футов два дюйма (157 см), он всегда имел самую низкую позицию. Гайдзины были всегда слишком высоки, слишком высоко, особенно Крэйг, который, из-за своего длительного отсутствия не смотря на его героическое усердие, все еще не мог сделать базовых движений так же хорошо как остальные. Возможно, это стало причиной того, что выплеснул свою агрессию на своего партнера. Крэйг не заботился о своем партнере, не мог контролировать свой характер, когда совершил ошибку. Но он был жесток и не менял своего мнения что его месть вынуждена. В одной игре, придуманной Андо в субботу утром, все становились в большой круг и каждый по очереди бросали одного. Когда настала очередь Крэйга зазвучал кровавый крик полицейских, которым он не нравился еще больше. Я помню очень хорошо Крэйга, бросаемого снова и снова полицейскими, кричащими ему когда он падал: "Подходи! Сделаю тебе хуже! Я могу взять тебя как бабу!" Я видел как Оямада устроил Крэйгу взбучку и был близок к тому чтобы свернуть ему шею. Я думал, что сломанная шея это слишком жестоко, но принцип был верен. В 1960-х Канчо сломал локоть замещающему учителю, потому что тот был слишком жесток с его студентами. Крэйг был настоящим нацистом. Если вы были мягки с ним, он интерпретировал это как слабость. Он упоминал мне, что когда Маленький Ник ослабел, он бросил его еще сильнее. Он сказал, что считает такое поведение "естественным".

Возможно иностранные сэншусей боялись Крэйга, когда тот ранил Маленького Ника, выполняя плохой бросок через бедро, но ни у кого из них не было большой симпатии к нему. Я хорошо помню свою собственную рану в руках Армянина.

С Маленьким Ником неспособным тренироваться, Крэйг разместился рядом пассивный. Полицейские очевидно терпеть не могли его резкие методы. Так сделал и Уилл. После очередной серии дзю вадза случился почти срыв дисциплины в строю. Они ругались и называли каждого другим именем и остановились только тогда, когда мы убедили их, напугав что преподаватель может услышать.

Срыв дисциплины было худшим преступлением, которое мы могли только совершить, после которого нам покажут на дверь. Время от времени это додзэ становилась похожей на подобие семинарии, которой руководили набожные монахи.

Но Крэйг не изменился. В конце концов большинство из нас только надеялись, что он станет лучше в айкидо, так как травмы всегда случались в техниках, которые он не мог сделать, но пытался очень усердно выполнить действие.

В то время как Крэйг калечил людей, я боролся с нехваткой веры в дзю вадза, десятью или двадцатью бросками с непрерывным нападением и защитой. После серии двадцати бросков у нас всегда сбивалось дыхание. Однажды Андо устроил нам серию из шестидесяти бросков в роли нападающего, затем, поменявшись, шестьдесят бросков в роли защищающегося. Те кто справился с этим были истощены. Несколько сдались.

На другом уроке Мастерд распорядился атаковать меня сверху спереди и я должен был бросить Бешенного Пса десять раз. Но вместо того чтобы смениться он оставил меня и дал указание Крэйгу занять место Бешенного Пса. Я подумал что оказался в обычной жестокой обработке, практикуемой Крэйгом. Но нет, я должен был бросить его десять раз. Затем следующие сэншусеи и следующие, и Йоджи, и Пол, и Стампи. Я действительно пробовал выполнить это на Поле, и он наслаждался этим. Есть одно движение когда вы ныряете под ноги вашего нападающего и он должен кувыркать через вас. Если делать это спонтанно, это может быть опасным, поскольку вы можете сделать западно для ног нападающего, что может стать причиной поломки его коленей во время импульса его тела. Некоторые учителя осуждают это действие в целом. Я сделал два раза подряд на Поле и конечно он не имел никаких проблем, но к тому времени я так устал, что не боялся никаких последствий за такие действия.

Я выполнил сто тридцать бросков, последние шестьдесят в удачном сконцентрированном но дистанцированном душевном состоянии. У меня не осталось никаких сил в запасе и все же, помещая мое тело в правильную позицию, я был все еще в состоянии бросать людей. Когда я закончил все аплодировали. Вилл сказал: "Я фактически наблюдал, как ты стал лучше там". Это было как другое толкование правдивых слов Тессю: "Разум не имеет никаких пределов. Используйте такой разум." Это было вид обучения, который Мастерд выполнял экстраординарно. Но к настоящему времени я был в программе, которую он мог

выполнять абсолютно безошибочно. Чтобы выжить я согласился с группой обожестьвить человека. Даже Рэм сказал потом: "Мастард - хороший парень, очень хороший парень. Мы все что у него есть. Он действительно беспокоится о нас."

Приемная дантиста была пуста, когда я прибыл с моим неопределенным назначением - в среду или четверг днем. Регистратор указала мне на веселые цветные шлепанцы, которые мне следовало одеть и я ждал с некоторой нервозностью прихода дантиста. Приемная имела тот же самый зубной запах (запах страха и жидкости для полоскания рта), что и тот который я помнил с детства. Я глядел на стулья и на прикрученные угловые держатели. Действительно ли они были современны? Я не мог сказать. Это ведь Япония - с ее последними высокими технологиями? Светильник был пылен и видимо родом из семидесятых. Не слишком ли поздно отступить?

Дантист, примерный и выглядящий утомленным мужчиной, подозвал меня с одного из этих стульев. Любезная регистраторша одела белый халат и стала его ассистентом. Возможно они были женаты. Его голос был низок и убедителен, но со мной он много не разговаривал. Не говоря ни слова он достал огромный металлический шприц и сделал инъекцию мне в десну. Затем он принялся за работу.

Я хотел бы поведать о том, что моё дисциплинарное обучение в атмосфере заполненной болью, сделало меня жестким. Я хотел бы поведать о том, что я стал как Джон Коффей, который стоя под водопадами мог смеяться над мучительными страданиями и называть своё тело "куском дерьма". Я хотел бы сказа так, но я не мог, поскольку правда была в том, что то переживание зубной боли было чрезвычайно болезненным и неприятным, хуже даже, чем когда росли мои зубы мудрости, и много хуже, чем прямое падение на шишечки, или удар точно по носу, или дробящий удар по ребрам от Маленького Ника.

Обезболивающее не действовало. Сломанный зуб болел еще до того, как его верхушка была отломана и боль не прекратилась, когда инъекция была сделана. Со ртом полным сверления безжалостной установкой на четырех колесиках, которая работала беспощадно, я пробовал хныкать по японски: "Itai", взывая слабо ("это повреждает"). Дантист проронил легкую усмешку. На его лице была медицинская маска и его усталые глаза не выразили никакого намека на сострадание, лишь мрачное намерение завершить работу. Это было как итог, в миниатюре, моей философии сэншусей: "В то самое время, когда вы думаете, что хуже быть не может, становится гораздо хуже", после сверления он взял в руки дымящийся кусок провода, которую он вставил глубоко в отверстие, чтобы убить нерв. АААААЙ!!!!

Всего я должен был посетить дантиста пять раз, чтобы вылечить тот зуб, но не одно из последующих посещений не было столь плохо, как первое. И к тому времени, когда приехал, чтобы оплатить счет, осталась только нехорошее пульсирующее воспоминание. Я передал страховую карту Вилла, который был ближе мне по возрасту, чем Бен, и он записал данные, и был столь вежлив, что не возразил, что я был американцем, а не англичанином, которого обещала Сара. Он не запросил никакой дополнительной платы. Услуги японских дантистов общеизвестно дороги, а я получил эти услуги бесплатно. Я бодро улыбнулся и вышел. Все это было противно и таинственно, но это было второй частью моей философии "выживания": "Ничто не длится вечно". Боль прошла. Я мог обучаться снова, не разжевывая перед этим несколько штук аспирина, и все это было бесплатно. Я спрашивал впоследствии некоторых японцев об этом и все они были одинаково смущены этим. Возможно, Сара делала какой то тайный жест им, но этого я так и не узнал.

Крис был удивлен моим изменившимся отношением к Мастарду, но он не оставил это без комментариев. К большинству тем Крис был сплетником и очень самоуверенным, но на предмет курса он все больше и больше ограничивался в высказываниях, дабы не мешать Бену и мне, обескураживая нас. В отличии от него Толстый Фрэнк не снисходил до этого. "Пол думает что ты тупой", доверился он. "Большое спасибо. Я очень хотел это услышать," сказал я. За два месяца до этого, в сентябре, Толстый Фрэнк чувствовал, что Бен добился больших успехов, чем он. Они продолжали восхождение на гору Фудзи и Фрэнк унижал Бена до слез, не разрешая долговязому австралийцу отдыхать по пути к вершине. "Это иранский способ подняться в гору," говорил Толстый Фрэнк.

Крис и Фрэнк должны были сдать свой тест на день раньше нашего. Они выполнили дзю вадза перед сэншусей, и хотя броски их были более сложны, чем наши, их движения не были текучими. Я осознал тогда, что курс был нужен для выявления динамики человеческого движения и применения этой динамики (в идеале) для разрушительного эффекта.

Чудесные аминокислоты могли стать привычкой и я чтобы добавить себе сил выпивал каждое утро две чашки горячего сладкого кофе перед тренировкой. Я смог убедиться, почему кофеин был запрещен большинством спортивных администраторов. Это делало мой живот больным и возбужденным, но гул был достаточным, чтобы завести меня серьезно и

немедленно. Изначально, первый урок всегда был весьма утомителен, но теперь кофе давал мне достаточно сил, чтобы пересечь порог, порог напряжения, где усталость и медлительность не дают действовать дальше. Постоянное расстройство желудка было ценой тому, но это казалось малой ценой этому.

Я пристрастился к кофе, а не к более сомнительным пилюлям кофеина или Джолт ХЗ, обогащенной кофеином коле, которая делала вас утомленным и раздраженным после шести часов бешеного сердечного ритма. Кофе казался приемлемым, вопреки злоупотреблению наркотиками.

За неделю до теста произошло два события выбившие из колеи. Я растянул плечо и допустил одну и ту же ошибку выполняя технику шесть или семь раз подряд.

Это случилось во время тренировки у Чиды, где мы выполняли каждую технику в тачи (стоя) и сувари (на коленях). Приоритетной была техника котэгаэши от двойного захвата запястья, где болевой замок на запястье позволяет вам бросить нападающего целиком. Мы делали это стоя на коленях и внезапно у меня случился провал в памяти – я не знал что дальше делать. Чида конечно заметил. Класс полицейских и иностранных сеншусей оставался неподвижным, в то время как он спокойно сказал мне повторить снова. Я испытал тот же самый провал в памяти. Кто-то, кажется это был Ага, как я помню, вызвался помочь, в то время как я до последнего пытался понять, как сделать правильное движение. Чида не предложил никакой помощи, поскольку он знал, что эта техника мне уже знакома. После седьмой попытки я понял как сделать это правильно. Держать весь класс так долго в этой последней стадии игры было глубоко оскорбительно. Остальные иностранцы раздраженно сторонились меня после того занятия, будто я мог принести им неудачу.

После я сидел в раздевалке один, переживая глубокий испуг, вошел Маеда-сан, "горилла". По настоящему он никогда не нравился мне, однако он подошел ко мне и был искренне дружелюбен и заинтересован. "Вы в порядке?" спросил он несколько раз. "Я в порядке," сказал я. "Ёшинкан айкидо – заботливое!" сказал он, и мне следовало смеяться над этим. Было легко говорить с тем, кто относился к айкидо очень серьезно. Когда я его спросил, как он относится к продолжению занятий после курса, он фыркнул: "Вы должно быть дурачитесь!" Он заметил мой промах и искал меня специально, чтобы утешить меня; ни один иностранный сэншусей и не думал делать такого, особенно лидер группы, каким бы Маеда. Но быть лидером группы в Японии означает взять на себя некоторые обязанности: вы должны выказывать уважительное отношение к группе стоящей ниже вас. Это подобно тому, как на Западе неправильно истолковали отношения сэмпай-кохай, не понимая, что ближе по смыслу здесь отношения наставника-аспиранта, нежели тихая работа надзирателя, как мы предполагали.

Вывих плеча был не обременителен для мыслей, но физически последствия были хуже, чем заклинание моей мозговой деятельности. Я должен был прервать обучение по крайней мере на несколько дней. Сухожилие между ключицей и плечом было растянуто, когда я приземлился неудачно во время восьмидесятиминутной серии дзю вадза на тренировке Оямада. Это было грустно и это сильно влияло на меня.

Я заметил это когда еще школьником играл в регби – некоторые люди всегда травмировались, хотя некоторые ничего и не делали. Исключив безрассудность, можно было трудно не сделать вывод, что некоторые люди специально ранились, либо для того чтобы привлечь внимание, либо чтобы таким образом просто сбежать.

То же самое было в айкидо. Ева, швейцарская подруга Пола, выполняла самозащиту в паре с чрезвычайно мускулистой израильской девушкой. Израильтянка была много меньше по размерам Еву каждый день, но поскольку они готовились к тесту инструкторов, Ева терпела все это. Однажды она пришла с определенным желанием, что не хочет быть там. Тогда Чино, будучи инструктором, подошел и бросил ее, она осталась на татами и не сделала хлопка. Ей тот час же сделали рентген ключицы. После ключица должна была быть зафиксирована, это означало вынужденный перерыв. Но Ева не имела недовольства к Чино. Она винила себя. Она верила: "Если вы не хотите быть там, уходите, или вы травмируете себя только для того чтобы найти оправдание для ухода." Я не мог предполагать, что Оямада заставит нас непрерывно делать дзю вадза во время всего урока. Это было жестоко. Даже Бешеный Пес, с его богатым опытом, очень уставал. И в тот же момент, как я подумал, что не смогу больше продолжать, я приземлился неуклюже, с глухим стуком на плечо. Я лежал на полу как футболист, который был противником этикета айкидо, но мне было необходимо "показать", что я был травмирован. Когда я встал, я не смог поднять свою руку выше груди. Почти с благодарностью я скользнул к линии сэйдза. Умеренная боль, но ничего особенного, ничто по сравнению с установкой пломбы в корень зуба. Но с плечом или без плеча я должен был сдать тест. Черный пояс не был завершением курса, но я буду чувствовать себя гораздо счастливее, когда буду носить его. Весьма самонадеянно я шел к тесту, но я все еще имел три месяца, чтобы уйти. Я

знал, что если уйду раньше, даже с черным поясом, я все же буду чувствовать некоторую неудачу. Я знал, что курс сэншусей был всем, если вы прошли его, или ничем, если вы сдались. Крис был прав, это было как обряд инициации.

Тест на черный пояс для полицейских был спустя несколько дней после нашего. Их тест включал самозащиту, методы ареста и элементы обучения. Это было то, что мы должны были изучать после теста на черный пояс; для нас предстоящий тест состоял из следующего: два вида дзю вадза (от атаки фронтальным ударом и от захвата за запястье) и базовые движения, которые были частью любого испытания Ёшинкан. Я спросил Шерлока, чувствует ли он себя готовым. "Нет", ответил он смеясь.

Бен и я наблюдали тест Криса и Толстого Фрэнка. Они были хороши, но не столь хороши, какими чувствовали мы себя. Мы провели столь много времени на коленях, что наша работа коленей обязана была быть более динамичной чем у них. Крис и Фрэнк прошли. Теперь настала наша очередь.

В ночь перед тестом, мы посетили общественные ванны, чтобы хорошенько вымыться. Японцы осторожно покидали ванну, когда Бен и я вошли вместе. Я услышал двух стариков, бормотавших о размере члена Бена. Я нашел это довольно забавным, в отличии от него. После ванны Крис сделал нам основательный массаж. Мы обрили головы и выпили пиво, так распорядился Мастард.

Следующим утром выпив немного свежего кофе и приехав на велосипеде в додзё, Бен и я практиковали смертоносный киай (крик нападающего, боевой клич), постольку как мы часто оставались одни на пустынных улицах.

В чайной комнате было тихо в этот раз и она была полна заметной напряженности. Вошли полицейские и пожелали нам удачи. Шерлок ущипнул меня за задницу, как я полагал дополнительно желая тем самым мне удачи.

После часовой практики у нас был короткий перерыв. Я одел чистое доги. Я придерживался всех суеверий в таких делах. Я выбрал мое любимое доги, немного мешковатое по размеру, и сожалел, что не мог одеть мой первый белый пояс, который украли несколькими месяцами ранее.

По очереди мы садились на колени наряду с полицейскими, помощниками и преподавателями, которые были зрителями. Бешеный Пес и я были последними, что означало что нам предстоит сорок минут в позиции на коленях перед нашим тестом.

Каждая пара поднималась и выполняла все, как я думал, с замечательной энергичностью. Со всем военизированным обучением мы были дисциплинированными сэншусей, по крайней мере были очень похожи на них, занятых делом.

Адам и Рэм испытали ад на своей шкуре, во время своей серии дзю вадза. Адам сделал попытку выполнить причудливую страховку назад во время броска, тогда как он должен был просто упасть. Раздался отвратительный хруст от удара о пол.

Но Адам, который вставал и без промедления нападал на Рэма другой рукой, был отличен от скалящего и ноющего Адама прежнего. Он задвинул поврежденную руку в его доги и делал страховки, пока серия не была остановлена. Он вернулся бегом на линию и резко упал вперед от боли. Вилл сказал ему сидеть прямо, что он и сделал.

Бешеный Пес и я были следующими. Техники работали без заминок. Во время дзю вадза я готовился к серии повторных кувырков через бедро Бешенного Пса на мат. Но он не сделал ни одного броска через бедро. Между последним уроком и тестом он должно быть сделал вывод, что выколачивание об ковер не выглядело хорошо. Поскольку он пощадил меня, у меня было достаточно энергии к тому моменту, когда настала моя очередь бросать его. Я сконцентрировал свой взгляд и стал ждать.

Он ринулся на меня громко рыча, его глаза были переполнены гневом Бешенного Пса. Было приятно иметь дело с такой направленной атакой. Я отклонил его удар предплечьем и потянул его шею вниз. Его следующий удар я блокировал и поворачивал его руку, скручивая ее назад к плечу в броске типа шихонагэ. Я использовал свою руку как опору, для оказания давления на его локоть против естественного стиба, для следующих двух атак прежде, чем я понял, что "застрял" - в моём сознании не было ничего, за исключением той же самой техники. Бешеный Пес знал это и это вызвало последний взрыв силы, он атаковал с большей энергией. Это сломало шаблон, поскольку я быстро нагнулся и позволил ему стремительно пройти над моей головой. Это было не совсем прекрасно, но это было ... удовлетворительно. Мы вернулись на линию и стали ждать заключительную речь Чиды.

Перед речью, Чиды приказал Адаму покинуть линию и пойти в офис чтобы осмотрели его плечо и руку. К тому времени я забыл уже про Адама, но Чиды нет. (Адам сказал позже, что никогда в жизни ему не уделяли столь много внимания. Накано перевязал его плечо, которое было сломано, а другие преподаватели и учи-деши суетились вокруг, готовя ему чай и вообще смотрели на него как на героя. По стандартам Ёшинкан он прошел настоящее испытание, он получил травму, но с болью продолжал бороться и вернулся на линию, когда ему приказали. Это был настоящий Дух, более важный, чем простая техника.) Чиды собрал нас вокруг, затем Толстый Фрэнк и Крис поздравили нас и преподаватели пожали

наши руки. Чида сказал нам встать и размять наши колени. Почти не официально он сказал нам, что все прошли. Крэйгу, однако не давали черный пояс, потому как его базовые движения не были достаточно хороши - он был продвинут на уровень ниже черного пояса, шокю, и все еще должен был носить белый пояс. Бешенный Пес, который уже был черным поясом, не был продвинут до черного пояса второй степени - как сказал Чида, у него все еще не было этого в коленях. Все пожали друг другу руки вновь, но Крэйг, как я заметил плакал.

Следующим вечером состоялась рождественская вечеринка, ровно год прошел с тех пор, как Шиода расспрашивал меня о японском Духе, как Джон Коффи рассказал мне о своём опыте в Дзэн и как Роланд предупредил меня, что "Айкидо может убить".

Мы собрались в пивной, которая была в японском стиле, где подавали блюда с высушенными кальмарами и другими часто требуемыми лакомствами, которые подходили к пенистому пиву. Толстый Фрэнк и я сидели напротив Чино и впервые я мог полноценно побеседовать с преподавателем, который терроризировал меня. Фрэнк присоединился к нашей беседе и сказал Чино: "Люди говорят, что вы любите выполнять техники очень мощно."

"Это зависит от ученика. Но иностранцы преклоняются перед силой, поэтому я выполняю техники на них обычно жестко, пока они не почувствуют кое что другое," ответил он.

Я знал, что Канчо читал только спортивные газеты, японский эквивалент газеты Сан, и я однажды видел как Чино просматривал порнографический комикс в заведении 7-Элевен рядом с додзё, тогда я спросил его, что за книгу он читает. Чино сказал, что он читал спортивные биографии, главным образом для того, что они давали ему возможность умственной тренировки. Он полагал, что прогресс в айкидо был для него по большей части умственным занятием для него на данном этапе.

"Почему вы пришли в айкидо?" спросил Фрэнк.

"Я занимался дзюдо мальчиком, как большинство японцев, и я полагал, что был очень силен. Но я знал, что в дзюдо, крупный человек чаще выигрывает, что стало причиной разделения на весовые категории. Я никогда не мог справиться с чемпионом в тяжелом весе используя дзюдо, поэтому я стал интересоваться чем то другим, где техника имела преимущество перед весом. Таким образом я стал изучать айкидо, потому что в айкидо маленький человек имеет большее преимущество."

Я разговаривал с Андо-сэнсеем о поэзии.

"Вы обучали поэзии в вашей стране?" спросил он.

"Да", солгал я, изначально в Японии, чтобы хорошо разбираться в каком либо предмете, нужно преподавать его.

"Вы должны показать мне ваши стихи," сказал он, будучи весьма пьяным и очень приветливым.

Действительно ли Андо хотел видеть мои стихи? Те стихи о военных преступниках? Или ту поэму, которую я написал о тюрьме Чанги? Я так не думал. Он нравился мне как человек. Он был душевным, но не сердобольным. Вы могли чувствовать его заботу о вас. Но он все еще оставался японцем и те стихи, которые я написал в Японии, были не подходящими для японских глаз.

Возвращаясь на станцию мне было по пути с Чиды. Он увидел мои до блеска начищенные ботинки. "А! Английский джентельмен," сказал он смеясь.

Гораздо больше веселья было в доме гайдзин, где жил Малыш Ник. Я отправился туда с Виллом и Крисом и выпил пинту шочу, терпкого картофельного ликера, по пути.

Там было полно людей и многие танцевали. Ага, как я заметил, засунул свой язык в ухо австралийской девушки, которая всегда была на таких мероприятиях с открытым декольте. Мастерд тоже был там, он сказал мне, что просил Чиду пересмотреть результат теста Крэйга и дать ему черный пояс. Чида отказался. Я чувствовал, что Чида был прав. Крэйг пропустил три самых тяжелых месяца и никто не забыл это.

Адам носил гипс на своей руке с гордостью, а Малыш Ник был очень груб с кем-то кто думал, что понял боевые искусства. Я подкатил к Даррену. "Я думаю, что наконец постиг путь Ёшинкан," сказал я.

"Да?"

"Да. Путь Ёшинкан в том чтобы целовать задницу," сказал я.

"Я не думаю, что это тот путь," сказал он.

"Я так считаю," сказал я и ушел прочь.

"У тебя видимо очень хорошее настроение для таких высказываний," сказал Вилл.

"У всех хорошее! Мы прошли!" сказал я.

"Ты прав," сказал он без всякого осуждения.

Я болтался снаружи, курил. Шел дождь. Капли дождя падая обесцвечивали белую бумагу сигареты. Я пошел в неопределенном направлении к дому. Такси пролетали мимо, освещая фарами наклонный дождь. Долгое время я шел вдоль дороги, которая проходила под железнодорожным полотном. Железная дорога начала изгибаться, дезориентируя меня. Такси в этой части города было не меньше. Мимо проехал человек на велосипеде,

повернул свой зонт навстречу ливню, продолжая крутить педали. Там был освещенный дверной проем и я неуверенно двинулся туда. Надпись слабым неоновым светом гласила, что здесь был какой-то ночной клуб или бар. Японец с суровым видом, одетый в черный костюм, стоял в двери. Когда я приблизился, он сделал хорошо знакомый жест, скрестив запястья, что означала дамэ, нельзя, запрещено, гайдзин нет входа. Я прошагал по нескольким лужам и сел у входа в обувной магазин. Я чиркнул несколькими влажными спичками и зажег еще одну сигарету.

15. Испытание горой Фудзи

"Написано в дневнике после многих месяцев пребывания в Японии:

"я делаю запись кратко с убеждением, что Япония является преимущественно страной неудобства и шума"."

Мемуары путешественника Льюиса Странджа Вингфилда, 1912 год.

"В ливень можно научиться кое-чему. Неожиданно попадая под ливень, вы стараетесь не промокнуть и быстро следуете вниз по улице. Но, проходя под карнизами домов, вы не можете не промокнуть. Когда вы уверены с самого начала, что промокнете, вы не будете сбиты с толку тем, что все еще продолжаете мокнуть. Такое понимание простирается на все."

Хагакурэ

После теста мой иммунитет пошатнулся. Я переболел худшим гриппом, самый худший из тех что я болел взрослым. Я провалялся в кровати в течении недели и я был слишком болен чтобы посещать занятия, затем начались каникулы и присутствие на занятиях было не обязательным. Я пропустил сдачу теста на черный пояс полицейскими, но Бен сообщил, что Шерлок и Сакума прошли тест оба.

Грипп развился в противную отдышку, прерывистую астму, которая не давала мне спать по ночам, и заставляла меня беспокоиться о возобновлении обучения. Я посетил врача, который предоставил мне цветастый каталог лекарств и предложил мне выбрать те, которые, по моему мнению, подходили мне. Японцы с любовью относятся ко всем антибиотикам и лекарствам, которые у них обычно намного более слабые, нежели их западные аналоги. Он дал мне какие-то пилюли, которые избавили меня от отдышки, но останавливали мое сердце и растревоживали мой живот.

Крис решил, что мы должны устроить рождественский обед для всех бродяг и бездомных, которые, как мы знали, все еще оставались в Токио. У нас не было духовки, поэтому Сара согласилась приготовить индейку в доме ее родителей и перевезти ее после в герметичной упаковке по городу в автобусе или в такси.

Меня озадачили в 6 утра рождественского утра, каким образом приготовить индейку? Я понятия не имел, как это сделать. Это был полностью неожиданный вопрос, ведь Сара и ее мать никогда не готовили индейку прежде. Я терялся в догадках, но когда привезли индейку, она оказалась прекрасно приготовленной.

Десять человек наполнили нашу крошечную квартиру и отведали традиционный рождественский обед. На улице было холодно, но на земле не было снега. Крис поставил какую-то григорианский псалом в проигрыватель и мы выкурили большие сигары. Я вспомнил свое первое Рождество в Японии. Я работал тогда весь день в языковой школе и, вернувшись домой, я съел крошечный рождественский пудинг, который прислала по почте моя мама.

В ночь до этого, Сара работала на своей новой работе, как официантка с частичной занятостью в турецком ресторане, где они удачно подарили ей индейку. Она рассказывала, что в ту, самую романтическую ночь года, там было очень много молодых пар, которые обсуждали тихо шепотом то, какие гостиницы для любовников они посетят. Необъяснимым образом Сочельник в Японии стал своего рода Днем Святого Валентина, с тех пор как в День Святого Валентина необходимо было дарить конфеты гири, обязательный дар любому мужчине, для поддержки его хрупкой привязанности к вам.

Теперь, когда родители Сары наконец узнали о моем существовании, она попросила встретить Новый год в доме ее родителей. Новый год в Японии имеет такое же значение как и Рождество на Западе. Посещение родителей девушки в Японии несет существенный подтекст. Я задавался вопросом, пройду ли я все те неясные испытания, которые предстанут передо мной.

На новогоднем обеде девяностолетняя бабушка Сары расспрашивала меня на всевозможные темы: моя работа, мое образование, количество братьев и сестер в моей семье. Она была

удивлена тем, что я мог пользоваться палочками для еды и не поверила и сомневалась когда я сказал ей, что любил традиционный бобовый суп. Тогда отец Сары сказал спокойно то, чего я никогда не слышал прежде от японцев: "Почему вы удивлены тем, что он любит нашу еду? Все мы люди в конце концов!"

"Я удивлена тем, что вы занимаетесь боевыми искусствами," сказала бабушка. "Ваше лицо выглядит недостаточно решительным - оно слишком доброе у вас." Она сделала паузу, потягивая немного ее "лечебного" черри-брэнди. "Иностранцы понимают вещи, которые мы Японцы упускаем. Полезно находиться в дождё, обучаясь там в холодную погоду. Японцы слишком много думают о деньгах. Теперь покажите мне вашу руку!"

Среди некоторых возражений семьи, бабушка читала мою ладонь и объявила, что я трачу впустую свою плодовитость. Я рассмеялся, а она посмотрела на меня весьма серьезно. "Никогда не покупайте птицу в клетке," сказала она. "Это будет неудачей для вас." После бабушкиного представления ее оттеснили в свою комнату вместе с брэнди "немного отдохнуть". Отец Сары произнес небольшую речь о достоинствах занятий боевыми искусствами для иностранцев. Я полагал, что это было из благих побуждений.

"Для японцев конечно странно видеть, что их традиционные искусства практикуют иностранцы, но одновременно для вас странным должно видеть японцев в костюмах, а не в кимоно." Он хохотнул над своим примером и продолжил. "Я сам занимался студентом дзюдо в университете, было здорово тренировать тело и дух. Это была полезная практика. Мы можем сказать, что японцы имеют лучшее представление каким образом тело и дух должны сотрудничать. Естественно Запад заинтересован этим. Но вещи, родина которых Япония, не процветают вне ее. Они должны изменяться. Я полагаю, что это происходит главным образом из-за климата."

Мы ходили всюду, чтобы увидеть родственников, и я понял, что породниться с японской семьей должно быть огромной ответственностью: родственники, которых никто не мог позволить себе оскорбить, иерархии, которые вы обязаны были соблюдать, вежливые разговоры с намерением избежать конфликтов, невозможность отказаться от определенного вида пищи. Я видел, что семья Сары была эксцентрична по японским стандартам, но я не хотел ждать пока мне будет девяносто прежде, чем я смогу высказать своё мнение.

В конце концов, я думаю, что произвел жалкое впечатление. Каждый родственник, начиная с бабушки вплоть до восьмилетнего кузена Сары, задавал мне одну и ту же череду вопросов. Вскоре, к моему страху, я стал довольно пренебрежительным. Вопросы были следующими: 1) Вы любите японскую еду? 2) Вы любите Японию? 3) Как долго вы в Японии? и 4) Когда вы собираетесь обратно? Отец Сары был профессором экономики и был поразительно внешне похож на председателя Мао. Вечером он усадил меня возле огромной латунной пепельницы и расспрашивал меня об "английской болезни", концепция которой сложилась у рабочих в семидесятые, когда они предпочитали фактической работе перерывы для распития чая и забастовки. После мы играли в Сёги, японский вид шахмат, где захваченные фигуры могут использоваться против вашего противника. Он победил меня.

Когда Сара сказала своему отцу, что собирается совершить путешествие в Индию (она сэкономила деньги для этого, полученные за работу в ресторане), он поинтересовался собирается ли она ехать со мной. Сара сказала ему нет, не собиралась, она собиралась туда со школьными подругами. Он сказал хорошо, и что он рад, что она не едет со мной. Сара все это рассказала мне, но я никак не отреагировал на это. Я вернулся в свою квартиру и продолжил задыхаться от отдышки.

Фудзи Хайтс был переломной точкой. Никто не работал, никто не занимался айкидо и было слишком холодно для прогулок по парку. Мы сидели без дела, планируя путешествия в джунгли и океанские круизы. Меня преследовало внезапное желание совершить кругосветное плавание. Я предполагал, что это было только из-за смены обстановки, реакция на моё самозаключение.

Фрэнк также страдал от разновидности крайней раздражительности. Теперь, когда он выходил на прогулки с Ребеккой, он стал одержимым литературой, историей и культурными достижениями разных народов. Он взял в расход Бэна испытывая его в загадочных австралийских пустынях:

"Где был сделан первый керосиновый холодильник?"

"Не знаю."

"Правда? Я думал, все австралийцы знают это. Кулгарди. Его называли "Кулгарди Кулер"."

"Кто написал "Вальсирующую Матильду"?"

"Не знаю."

"Вот это сюрприз. Не говори мне, что ты ничего не слышал из произведений Банджо Патерсона?"

Банджо Патерсон был народным поэтом Австралии и также быстро стал любимцем Толстого Фрэнка. Он цитировал такую известную классику Банджо как "Человек со Снежной Реки", "Пустой мешок лакомств" и "Воспоминания пастуха".

Несмотря на начало зимы маленькие тараканы не исчезли, вместо этого они забрались глубже в теплые недра принтера, телевизора и автоответчика, вызывая, без сомнения, медленную и необратимую череду повреждений и выход из строя, который затем последовал.

Поскольку ночи стали более холодными, возросло соперничество за лучшие стеганные и шерстяные одеяла. В течении продолжительного времени я спал в спальном мешке, но это вызвало чувство ущемления, поэтому я так же участвовал в общей схватке за постельные принадлежности когда наступало время ложиться спать. Четыре взрослых мужчины, в комнате размером три на два метра, зимовали в Фудзи Хайтс, испытывая недостаток постельных принадлежностей и денег.

В один из тех прекрасных дней, на все сто холодных и ясных, которые вы можете наблюдать в Токио в январе, с ярким солнцем и небольшим морозом, который слабеет к 9 утра, Толстый Фрэнк и я решили прогуляться вблизи вида на Яманотэ. На полпути к нам присоединилась Сара.

В Меджиро мы проследовали мимо штаб-квартиры корпорации Сасакава. В лучах отблесков от высотки стояла бронзовая скульптура Сасакава, несущего свою мать на спине, что подчеркивало традиционную японскую веру в последний долг. Сасакава – печально известный военный преступник и финансовый покровитель LDP, лидирующей политической партии Японии, основатель гонок на катерах, участвуя в них как азартный игрок, ультранационалист и сторонник организованной преступности, был, без сомнения, одним из самых влиятельных японцев этого столетия. Долгое время из додзэ посылали учителей, каждую вторую неделю, в школу скоростных катеров Сасакава на озеро у подножия горы Фудзи. Учитель Ёшинкан должен был обучать там пилотов скоростных катеров Ямато Дамаши – японскому Духу. В течении его первого пребывания в Японии, Пайета посылали как одного из учителей туда. Они жаловались Канчо, что он иностранец, как же он может преподавать им японский Дух? Канчо ответил, что Пайет знает столько же о японском Духе, как и любой другой японский учитель, поэтому им ничего не оставалось как принять его. Пилоты скоростных катеров все были менее полутора метра ростом, мужчины и женщины, хотя трудно было найти какое либо отличие одних от других, поскольку тела у них были белыми, а головы и руки их были черными от солнца. "Это было похоже на обучение класса маленьких обезьян," говорил Пайет.

"Что ты думаешь о Сасакава?" спросил я Сару.

"Плохой человек," сказала она, мельком оглянувшись.

Без сомнения Сасакава бессмысленно твердил о взглядах Тессю относительно служения родине: "Забудьте о себе, держите в своем сердце ваших соотечественников, а уста держите закрытыми. Никогда не служите своей родине тем или иным путем и тогда вы действительно послужите родине." Но в устах Сасакава эти слова были пусты. Этот человек весьма очевидно обеспечил свое собственное будущее за счет других. Тессю нет. Он умер бедным, и когда его жена спросила, хотел ли он сказать какие-нибудь слова своим потомкам, он был достаточно мудр, чтобы ответить "Нет".

Сасакава продолжил бы устанавливать фиктивные памятники самому себе и его семье, демонстрируя в камне и бронзе, что его политика гангстера далека от идеалов самурая Тессю, если бы Япония одержала победу. Когда японцы были милитаристами, Сасакава потрясал своим мечом, теперь же он для мира во всем мире встряхивал своим чаном милосердия. Он был влиятельным человеком и возмутителем толпы, ничего больше, но кто в Японии чувствовал себя достаточно справедливым, чтобы критиковать его? В конце концов, он даже был казначеем в додзэ Ёшинкан.

Проходя по пешеходному мосту над шоссе через Йойоги парк, мы могли видеть весьма четко вырисовывающуюся подобно облаку конус горы Фудзи. Из-за загрязнений я никогда не видел эту гору из центрального Токио прежде. Но прекращение транспортного сообщения в новогодний период, немного развеяло смог, позволяя увидеть, ранее банальный, но ныне необычный, легендарный символ Японии.

Чем можно объяснить японскую навязчивую идею с Фудзисан? ("Сан" – альтернативное чтение иероглифа уата, гора, и не означает господин Фудзи.) Я размышлял об этом по ряду причин. Даже иностранцы, как я заметил, втягиваются в это навязчивое отношение к горе. Частично, возможно, это происходило потому, что очертания Фудзи, словно как у луны, были более огромны чем что либо еще, были призрачны и невероятно очевидны. Каждый ищет Фудзи словно полную луну, утверждая возможно тем самым некоторый давний порядок во вселенной. Некоторые толкователи усматривают связь с Айнами (Фудзи – айнское слово), которые поклонялись горе. Коренные жители Японии, Аины почти полностью утратили свои особенности через смешение крови. Но, древнее поклонение горе, только толкают современную навязчивость на шаг назад.

В конце концов я вынужден заключить, что японскую одержимость нельзя объяснить с какой-либо точностью. Можно только обозначить явление. Нельзя объяснить, сколь-либо удовлетворительно, такие всевозможные явления как: почему белый цвет безусловно самый популярный цвет автомобилей в Японии; почему девушки всегда спят в своём исподнем;

почему люди в японских поездах двигаются к углам, а не к дверям, как только там становится свободно; почему водители автобусов носят белые перчатки; почему японцы находят парики и плешивость невероятно забавными; почему теория внеземной жизни имела успех, а Черепашки Ниндзя с треском провалились в Японии; почему школьники фактически любили носить свою униформу (в опросе, который я провел, 70 процентов учащихся сказали, что они предпочитают носить в школу их униформу, а не их собственную одежду); почему японские мужчины хлюпают, когда едят свою лапшу; почему они читают комиксы с извращенными фантазиями; почему они считают парфюм прикрытием запаха пота.

Вы можете попытаться ответить на эти вопросы, и большинство журналистов и толкователей делают их. Но все, в чем они преуспели, это интересная интерпретация, одна возможная точка зрения среди множества одинаково правдоподобных объяснений. Япония - мечта конструктивного антрополога, страна где каждое сложное разъяснение верно, и поэтому, будучи расширенным, ложно.

Когда Сара хотела досадить мне, она обычно говорила: "Ни один житель Запада не сможет когда-либо понять Японию." И Мастерд никогда не прощал японских учителей, которые говорили: "Ни один иностранец не может действительно понять айкидо." Проблема частично кроется в переводе. "Понимать" в Японии означает испытывать что-либо таким же образом, как другой человек. Понимание означает сочувствие. Для жителей Запада понимание заключается больше в успешном взламывании кода. Японец, который говорит, что Запад никогда не поймет Японию, подтверждает уникальный опыт существования как члена культуры Японии. Фактически он говорит "только японец может быть японцем".

Житель Запада, который говорит, что не понимает Японию, может подразумевать также, что к нему никогда не будут относиться как к японцу. Он может также подразумевать и то, что его объяснение японского поведения кажется ему произвольным и шатким в лучшем случае.

Я полагаю, что это происходит потому, что в Японии ассимилирующая культура, которая выбирает и впитывает в себя из культур Китая, Кореи, Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов и Африки. Критерием для этого служит убеждение, что нравятся не некоторые основные отечественные японские устоявшиеся вкусы, но непосредственно импортные продукты.

Даже знание всех истоков японизированных продуктов и концепций, только помогает найти некоторый путь объяснения этого - следствие поиска новизны, в конце концов чудаковатой природой японцев, взволнованных самыми ранними посетителями Японии.

Как вы можете объяснить потрясающую популярность на сумки Хантинг Ворлд? Стандартное объяснение состоит в том, что день за днем приходя в суд, учтиво выглядящий и в конце концов осужденный, служащий убийца, и это было экранизировано, каждый раз заходя в здание суда нес с собой сумку Хантинг Ворлд. После громкого судебного разбирательства продажи сумок Хантинг Ворлд стремительно взлетели, конкурируя даже с Луисом Воуиттоном.

Но почему это обрело общенациональную популярность? В конце концов любое объяснение зарывается в песок, испаряется. В конечном счете можно только с надеждой наблюдать и описывать все это, оставляя возможность объяснения тем, кто предпочитает комфорт правде.

Японцы полагают, что увидеть в канун Нового года гору Фудзи это удача. Фрейдисты были бы удивлены узнав, что сновидения о белой змее так же считаются удачливыми, они означают что вам будет сопутствовать богатство. Я не мечтал о горе, но остановился поглазеть в книжном магазине Сэйбу, следуя по пути через станцию Икебукуро. Я выбрал там книгу о путешествии по Японии, которая начиналась со слов автора о том, как он стремился вернуться в Японию, потягивать теплое сакэ и увидеть гору Фудзи. Вздорная ерунда, думал я, хотя с другой стороны эта гора не походит ни на какую другую гору, которую вы когда-либо видели.

16. Разбивание зеркала

"Обычно, для поддержания своего внешнего вида в порядке, бывает достаточно ухаживать за собой смотря в зеркало. Это важно. Внешность большинства людей невзрачна, потому что они не достаточно хорошо смотрят в зеркало."

Хагакурэ

Январь

Зеркала. Зеркала есть в Японии повсюду. Мальчики, так же как и девочки, носят всюду с собой карманные зеркальца, чтобы убедиться лишний раз, что на лице не растёт неприглядный прыщ. Торговые центры здесь зазеркаленные анклав, чтобы не задерживать вас и других когда вы спешите. Одна стена додзё была полностью в зеркалах, как в балетной школе, и Малыш Ник никогда не оставлял привычки поглядывать на себя во время исполнения техник, чтобы видеть то, как он смотрится. Даже лысый и выдержанный Сато поглядывал одним глазом на зеркало во время обучения, показывая непредвиденную самовлюбленность. Наоко, моя недисциплинированная ученица, всегда носила зеркало и однажды я вынужден был реквизи́ровать его потому, как она пускала солнечных зайчиков мне в глаза.

Нонака сэнсэй застала меня в учительской. Она прошептала заговорчески, что есть некоторые новости. Я прошёл с ней до того места, где хранился зелёный чай и, под прикрытием приготовления чая, она поведала мне следующую историю.

"Паршивая овца" была опозорена," сказала она. Она назвала Наоко "паршивой овцой" по английски. Нонака сэнсэй владела внушительным багажом английских идиом и очень любила использовать их при мне.

"Как?" спросил я.

Нонака оглянулась вокруг, чтобы убедиться что никто не может подслушать нас в комнате.

"Медсестра сказала мне. Девочка была опозорена. Она пошла к медсестре, потому что она была слишком испугана, чтобы идти к её семейному доктору."

"Почему?" спросил я, начиная получать более менее ясную картину.

"Она была неразборчива в связях. "Паршивая овца" повержена."

"Она подцепила венерическую болезнь?" спросил я. Хотя я воспользовался словом обозначающим сифилис, байдок, которое единственное соответствовало из тех что я мог подобрать.

"Как? Вы знаете это слово?" спросила Нонака сэнсэй, с нескрываемым интересом и небольшим осуждением.

"Словарь," сказал я. "Но я подразумевал не сифилис, но похожее на сифилис."

"Так, так, так," закивала она энергично.

"Несчастливая девочка," сказал я.

Нонака сэнсэй мрачно улыбнулась.

"Паршивая овца опозорила себя. Но это секрет."

Я старался быть более внимательным к Наоко после того, как узнал эту новость. Она была более спокойна, чем прежде и, как я заметил, у нее не было теперь вездесущего зеркала, которое лежало на столе каждый раз.

Кагами Бираки, разбивание зеркала, было традиционной церемонией, проводимой в начале каждого года когда возобновлялись тренировки в додзё. Съедалась традиционная новогодняя пища, сладкий бобовый суп с плавающим в нем клейким рисовым пирожным, и учителя выступали с показательными выступлениями. В этом году, в связи со смертью Канчо сэнсэй, демонстрация имела гораздо большее значение, чем обычно. Старые спонсоры, которые были лично знакомы с Канчо, теперь имели законное основание для прекращения финансирования додзё. Все они должны были присутствовать на церемонии открытия и чувствовалось, что необходим хороший показ, чтобы убедить их, что деньги будут потрачены с толком.

В предыдущее года японские учителя иногда выбирали иностранных партнеров для демонстрации, но в этом году только японские айкидока принимали в ней участие. Некоторые из спонсоров имели правые взгляды и это должно было ублажить их.

Существует традиционное объяснение относительно того, почему церемония известна как "разбивание зеркала", но я предпочитаю тайное, выдвинутое Кристофом, одиноким французом, который жил в течении многих лет в монастыре Дзэн. Когда он учился в додзё, он посещал шесть или семь регулярных занятий в день. Он загадочно исчезал на несколько недель, а потом снова появлялся в додзё. На сей раз он отсутствовал в течении почти шести месяцев. Я думал, что он исчез навсегда, но в Новый год он внезапно появился снова, улыбочивый и бодрый, выпячивая весело свою грудь.

Он говорил, зеркало содержит старый образ, поскольку мы смотрим в зеркало старыми глазами, ища необходимое сходство, поскольку помним своё непосредственное изображение. Наше сознание вынуждает нас объединять то изображение, которое видим, с прошлыми изображениями, создавая ложную непрерывность. Но мы новы каждое мгновение. Каждый миг мы можем сломать старый образец, который является только умственной конструкцией, и создать что-то новое. Каждая клетка вашего тела, говорил Кристоф, отличается от клеток, которые были частью вас шесть месяцев назад. Это аналогия. В действительности мы пойманы в ловушку, желая быть такими же как и наша ложная личина, которую мы используем для жизни и называем "Я". Но это заблуждение. Вы знаете кто вы есть на самом деле? Разбейте зеркало и узнайте. Отделите себя от прошлого,

непрерывного я, и почувствуйте вечное настоящее. Это значение Кагами Бираки – шанс бросить взгляд на действительность, которую мы скрываем привычно, живя день ото дня.

Зеркало в додзё было огромно и стоило более 15 000 \$. Прикоснуться к нему во время обучения было одним из серьезных нарушений этикета. Каждый день его полировали до безупречного вида шестеро сэншусей, Малыш Ник делал это дольше, чем кто либо другой в его секции. На церемонии, конечно, фактически не было разбито ни одно зеркало.

Мы наблюдали японских учителей, тренирующихся для выступлений. Самый молодой учи-деши, Йоджи, резиновый человек, был в паре с младшим Шиода. Никто не завидовал ему, но если кто и мог избежать травм из-за зверской скорости Шиода, то это был Йоджи.

В ночь перед демонстрацией я покинул додзё поздно. Еще будучи внутри из тренировочного зала я услышал повторяющиеся хлопки чьих-то страховок. Я заглянул в дверь и увидел Йоджи в темноте мрака, он страховался и страховался, ударяясь о мат и подпрыгивая со сдержанной изящностью, и страховался снова. Я тихо закрыл дверь, оставив эту самоотверженную практику. Звуки страховки проникали наружу из окон додзё, доносясь до меня пока я отмыкал свой велосипед и устанавливал свет, чтобы поехать домой.

Перед церемонией сеншусей были выделены для того, чтобы сделать триста чашек сладкого бобового супа. Кухня додзё была набита битком японцами и иностранцами, которые рвали открывая пластиковые пакеты рисовых пирожных и вываливали их в пузатые супницы с кипящей водой. Даже Чино помог, открыв несколько пакетов изящными и точными движениями, при помощи ножиц. Перерыв назначили таким образом, чтобы мы могли быть свидетелями показательных выступлений, которые должны были пройти перед приемом пищи.

В додзё было полно людей: студенты всех возрастов, доброжелателей, семей студентов и матерей детей, которые обучались в детских группах днем. Спонсоры, серьезные пожилые японцы в одинаково темных костюмах, сидели в линию на заранее приготовленных сиденьях. Остальные сидели позади либо стояли, так как свободных мест больше не было.

После речи и продолжительного поклона демонстрация началась. С самого начала стало очевидным, что учителя очень старались. Даже Андо сильно бросил Сато, обычно такого спокойного и сдержанного, наткнувшегося на путаницу сбившимся дыханием к концу его молниеносного дзю вадза. Поскольку каждый учитель должен был выступать, показ был более жестким и плотным. Без сомнения они старались отчаянно произвести впечатление на стариков, которые сидели спокойно в их костюмах не произнося ни слова. Шиода младший "рубил", "резал" и швырял Йоджи, что выглядело весьма достоверно, чтобы кончиться в конце концов несчастным случаем. Но Йоджи, всегда улыбчивый и столь же быстрый как и Андо, вставал, чтобы атаковать снова и снова, не обращая внимания на всю серьезность бросков. Шиода считали отправной точкой жестокости. Его демонстрация прошла без травм. Конечно обстоятельства теперь могли выровнять только выступления Накано и Чиды.

Кикучи атаковал Накано с самоотверженным ударом и был брошен а затем пригвожден к мату. В этом положении Кикучи не мог пошевелиться. Он лежал лицом вниз на мате с одной рукой поднятой вверх за спину. Накано присел у головы Кикучи и взял в замок эту руку. С ужасающей стремительностью он перенес всю массу своего тела на его руку, чтобы сжать замок. Раздался громкий "треск", который был слышен во всем додзё. Рука Кикучи была сломана.

Чиды вздрогнул от этого бессмысленного зверства, позволив каждому видеть, что он был рассержен.

Кикучи был беззащитен. Он предоставил свою руку старшему учителю для того, чтобы тот мог продемонстрировать как обездвигать человека в безопасной манере. Учитель, причудливо подстриженный Накано, не оправдал его доверия, поломав его руку как какую-нибудь сухую деревяшку. Кикучи резко дернулся к его ногам и только потом закричал от боли. Накано и учи-деши оттащили Кикучи к боковой линии. Последовало некоторое обсуждение по поводу того, что должен ли продолжаться показ. Голос одного из мрачнолицых спонсоров потребовал чтобы показ продолжался.

Чиды выполнил несколько легких движений с Ито, его двойником, без какого-либо чрезмерного насилия. Демонстрация была закончена.

Я чувствовал болезненное отвращение от того, что я видел. Причиной этого было лишь одно обстоятельство – травмировать кого-то в течении публичной серии дзю вадза. Это было весьма похоже на каприз, сделать замок столь жестко, на том, кто не имел возможности сопротивляться, гранича с переломом его конечности в трех местах. На следующий день подтвердилось, что конечность имела многочисленный перелом и должна была быть зафиксирована.

Накано был экспертом. Он занимался с Кикучи много раз до этого. Существовало два объяснения такого поведения. Позитивное объяснение заключалось в том, что все были столь расшевелены для показа, что Накано, стараясь показать Ёшинкан как жесткое искусство, просто зашел слишком далеко. Негативное объяснение состояло в том, что он был недоволен Кикучи и хотел преподать ему урок, который тот не забыл бы в спешке. Я

был свидетелем того, как Шиода стирал в порошок Кикучи, и это, вкупе с предыдущим нокаутом от Накано, сводилось, возможно, к попытке вынудить Кикучи оставить додзё. Йоджи был лучше него в айкидо и моложе, возможно это ощущение Кикучи должно было вынудить оставить его положение для более молодого человека. Но отвращение Чиды не было фальшиво. Он был главой додзё, и нет ни единого способа, которым он одобрил бы такую жестокость, лишь для того, чтобы заставить кого-то уйти.

Когда мы, сэншусей, управлялись с круглыми бокалами, заполняя их пивом для гостей, расположившихся на полу додзё, я увидел Накано, который расположился рядом с его соблазнительной женой. Вилл сказал: "Один взгляд на его причёску и его жену говорит вам, что Накано любит себя." Эта скотина хлестала пиво и весело смеялась, прекрасно зная, что Кикучи был отправлен в больницу. Один из гостей снял на видео весь инцидент. Накано прошел к нему и проверил свои действия в фильме. Чино также проявил огромный интерес к инциденту и продолжал требовать перемотать, чтобы просмотреть вновь.

Пол был защитником учителей: "Такие вещи случаются. Проблема кроется в том, что кости японцев более тонкие чем наши и ломаются гораздо более легче." Все остальные были против Накано. Даже Мастерд прокомментировал: "Это было жалким, весьма жалким. И не необходимым, не необходимым вообще."

Теперь у нас были черные пояса - жесткий, нестигаемый хлопок или шелк, если вы были одурачены "специальным" предложением Ага, который в конечном счете брал на тридцать долларов больше, чем он запросил вначале. Итак, с какой стати я все еще находился там? Это казалось безумием, вернуться еще на два месяца в ад, но все до единого сделали это. Не было достаточным только получить черный пояс, вы так же должны были иметь свидетельство об окончании полного курса. И наши свидетельства были последними, из когда либо подписанных Канчо, что было известно по слухам от Малыша Ника. "Как он управляет этим?" спросил Вилл. "Из могилы?"

Малыш Ник сообщил, что Канчо подписал массу свидетельств перед смертью, это было похоже на то, как Сальвадор Дали ставил автограф на чистые холсты.

Несколько дней спустя возобновились жесткие кангейко, ранние утренние тяжелые зимние тренировки. Мы вставали в пять утра, чтобы быть в додзё в шесть тридцать. Тренировка начиналась в семь утра, с открытыми окнами, что продолжалось в течении самых холодных десяти дней года. За те десять дней непрерывных тренировок был пройден весь базовый учебный план айкидо Ёшинкан. Это вынуждало учителя демонстрировать технику дважды, затем все делали эту технику в течении нескольких минут перед тем, как углубиться в изучение следующей техники.

Накано заметно отсутствовал в списке учителей. Он был очевидно в немилости. Слишком много людей, включая родителей детей обучающихся айкидо, видели его чрезмерную силу. Неудивительно, что на утренних ежедневных часовых занятиях присутствовало всего двое или трое ребят, тогда как в прошлом году насчитывалось десять или двенадцать юнцов.

Сэншусей, как ожидалось, должны были теперь предоставлять себя как укэ, демонстрирующим технику учителям. Мы должны были бежать и предлагать себя в качестве укэ, чтобы нам оказали честь, быть брошенными.

Инцидент с Накано встряхнул меня. Я не собирался жертвовать собой так, чтобы какой-то громила мог похвастаться своими навыками. С другой стороны, я вычислил это как реакцию на инцидент, каждый должен был двигаться мягко со своим укэ. И, хотя это было ненавистным соображением, быть партнером по демонстрации давало определенную полезную возможность подлизаться.

Моя дилемма решилась, когда Оямада выбрал меня для демонстрации техники. Я все еще нервничал, когда работал в паре с учителем, и это возбуждение не позволило ему довести начатое до конца, потому как я напрягался и двигался с большей, чем обычно нехваткой изящества. Бен назвал это "атакой игуаны". Но я был укэ старшего учителя, хотя Оямада был в самом низу списка старших преподавателей, и все же я чувствовал себя столь же гордым как школьник, отобранный для руководства школьной спортивной командой.

Теперь мы вернулись к регулярным тренировкам, готовясь к заключительному тесту и к получению окончательной награды - свидетельства о завершении полного курса. Стефан Отто говорил: "Последние шесть недель, мужики, были для меня самыми трудными, в психологическом плане самыми трудными."

На следующий день после того как кангейко окончились, Мастерд заставил нас тренироваться в хаджимэ. Серии хаджимэ Мастерда всегда плохо были рассчитаны. Он заставил нас пройти такую серию перед тестом на черный пояс, что только привело к общей усталости, а не к боевому настрою, который он ожидал. Эта новогодняя хаджимэ, последняя, которую мы практиковали с нашими старыми партнерами, вызвала распушенность, "Вы все еще слабы. Вы должны быть более сильными."

У меня случился приступ отдышки во время этого упражнения. Неспособный отдышаться я был близок к тому чтобы сдаться. Вены в моем теле безумно пульсировали так, что я

чувствовал свои легкие в стальном капкане каждый раз когда напрягался. После урока я испытывал сильное сердцебиение, однако все же обнаружил что могу дышать снова. Спустя несколько недель хрипы, и тому подобные признаки гриппа, исчезли, но краткое появление отдышки весьма меня пугало, это казалось похожим на травму мягких тканей или на перелом. Теперь я понял, почему англичанин Ник был столь неприкосновенен, когда у него случалась гипервентиляция. Тренировочная окружающая среда означала, что вы не могли остановиться пока не умерли или не упали в обморок, но не будучи способным дышать вы чувствовали себя ближе к смерти, чем просто вымотанным.

Бешеный Пес так же был несчастлив. "Мне только начало казаться, что я вернул своё "чувство Бешеного Пса," пожаловался он в чайной комнате.

Новые партнеры были объявлены. Я надеялся что мне в пару достанется либо Вилл либо Бэн, и мне достался Бэн. Вилл останется до конца с сумасшедшим армянином, Мальшом Ником. Бешеный Пес получил Крэйга и казался совершенно счастливым.

Бэн был под два метра ростом, огромный, размахивающий руками, напоминающими ножки ребенка нежели руки мужчины, и требовал иного подхода, чем остальные партнеры.

Мало того, что мы жили в одной крошечной комнате, теперь мы еще и обучались вместе по пять часов в день, борясь и преднамеренно травмируя друг друга время от времени. Я говорил Мастерду об этих внезапных побуждениях наказать Бэна ошибочно жестким замком. "Не волнуйся," сказал он, "каждый проходит эту фазу." Реакция Бэна на агрессию состояла в том, чтобы чередовать сопротивление, которое мне понравилось, поскольку служило поводом для того чтобы причинить боль, с чрезвычайной набожностью, поворачивающей щеку для удара при любой возможности, что приводило в бешенство.

Бэн все больше и больше времени проводил вдали от квартиры с его новой подругой, потомком первых исследователей Японии, простолицей девушкой, которая также занималась айкидо и ходили слухи, что она уже была лишена невинности разбойником Ага. Это не останавливало Бэна, который был молод и достаточно романтичен, чтобы быть игнорируемой девушкой, которая весьма явно испытывала необходимость иметь парня иностранца, которым Бэн мог быть. Моё собственное смутное недовольство ей только усилилось когда она села небрежно на шаткий унитаз в Фуджи Хайтс, сломала напрочь его крепление и вызвала наводнение нечистот из туалета в кухню.

Толстый Фрэнк починил туалет и сделал это гораздо лучше чем в прошлый год. Но все мы знали, что дни Фуджи Хайтс были сочтены. По окончании курса Бэн должен был вернуться в Мельбурн и в университет после его годовичного отсутствия, в течении которого он прибывал в Японии, Фрэнк планировал уехать вскоре в Австралию с его новой подругой. Крис был нерешителен, но все же говорил об Австралии тоже. Я не переживал о том, что придется покинуть это место, которое было отвратительной дырой даже в лучшие времена, но я терял компанию, я определенно терял свою компанию.

Бэн и Крис посетили Кикучи в больнице. Он был весел, сидя в кровати, и был счастлив видеть их. Он рассказал им, что Накано приходил каждый день, чтобы посетить его и, показав на тонкую вазу с белыми цветами, сказал: "Это от Накано сэнсэй." И лишь ироническая гримаса была единственной реакцией на это, он находил такие посещения человеком, который его преследовал, невыносимыми. То, что Накано должен был посещать свою жертву каждый день, было как часть его публичного раскаяния, независимо от того, что чувствовала жертва от такой заботы.

Позже, когда я рассказал Кристофу об инциденте, он закатил глаза и издавал странные французские звуки симпатии, которые не могут быть переведены без движений вашего тела, пожимающего плечами. "Накано - мачо, испуганный человек. Когда он смотрит в зеркало, оно загрязнено и он не видит самого себя с ясностью. Возможно зеркало необходимо отполировать, не разбив в гневе."

После того, как рука Кикучи была зафиксирована должным образом он возвратился в подзё, нося белую перевязь поверх его доги. Он был как и обычно весьма весел и радостен, но его белая перевязь была особенно велика, как если бы она была нарочным предупреждением для нас. Я истолковал для себя это как знак, который призывал поберечь себя в течении заключительных нескольких недель курса.

17. Благородный уход

"Давным-давно, боли в животе называли "ростками малодушия". Это потому, что они появлялись внезапно и делали человека неподвижным."

Хагакурэ

"Самооборона - это шутка," сказал Даррен, стоя в раздевалке, обернутым махровым полотенцем, перед его стремительным уходом на вечернюю работу.

"Что ты имеешь в виду?" спросил я.

"Все это искусственно, весь тот набор шаблонов, которые, однако, не бывают в реальных схватках. Они подходят к таким дракам, как та, которая была перед похоронами Канчо. Я лишь расслабился до конца на том парне и душил его. Это было айкидо, только будучи в состоянии переместить мой вес тяжести вниз я смог сделать это. Но, если вы спросите меня, я могу вам рассказать, что такие техники, как "санкадзэ против крепкого захвата" или "ирими-нагэ против переднего удара ногой", довольно академичны. Все это потому, что мы занимались, не используя в тренировках таких вещей как удар головой, или обман, или атаки виска локтем, всех вероятных движений, которые были обычными в реальном столкновении. Так как мы должны были заботиться друг о друге, мы должны были придумать способы защиты, которые выглядели бы реальными и весьма эффективными, но нападающий при этом не был бы травмирован, фактически точно так же как в кино.

Это притворство затронуло Бена и меня. В глубине нашего угла додзэ мы отрабатывали бесконечные варианты защиты от переднего удара ногой, удара сбоку или от атаки с двойным захватом пояса. Мы работали в медленном режиме и ускорялись только тогда, когда доводили движения до совершенства. Если кто-либо размахивается для удара в голову, вы можете нырнуть под удар и скрутить руку назад к себе. Если удар слишком быстр, вы можете заблокировать его, ладонью разбивая челюсть нападающего. Либо, как третий вариант, захватить движущуюся руку нападающего и используйте ее как рычаг, чтобы бросить парня через ваше плечо.

У нас был перечень приблизительно двадцати возможных атак и мы должны были иметь в запасе три или четыре техники защиты от каждой из атак. Если вы продолжали выполнять одну и ту же технику для каждой атаки во время теста, экзаменующий учитель не останавливал ваш тест, в котором ваш партнер должен был неоднократно атаковать вас, пока вы не придумывали какую-либо другую технику.

Некоторые из атак были весьма необычными и присущими только для Японии, например двойной захват пояса спереди, который применялся еще в довоенные года, когда оби (пояс) был заметной частью вашего платья, так как фиксировал ваше кимоно. На кимоно нет никаких петель и завязок, поэтому было заманчиво захватить пояс, но такой форме атаки на Западе нет никакого аналога.

Чида, как и большинство старших сэнсэй, считал самооборону немного смехотворной. Они интересовались принципами, абстрактными тайнами человеческого тела, которые могут быть изучены и постигнуты только через "чисты" тренировки айкидо. Конечно, в любой ситуации "самозащиты", эти же самые сэнсэй были бы смертоносными, именно потому, как они могли приспособить их принципы к любой среде, используя пепельницу вместо кулака или палочки для еды из твердого пластика вместо ножа. Как и Канчо в Шанхае они предпочитали вырабатывать интуитивную реакцию на агрессивную ситуацию, но не серию заученных движений. Как говорил Чида: "Вы не можете планировать схватку." Как это не парадоксально, иногда, выглядящие обманчиво, упражнения и техники для отработки принципов, более полезны в конечном счете, чем более реалистичные встречные движения на спланированную атаку. Упражнения айкидо позволяют использовать полную силу в управляемом сценарии. Запланированная атака должна быть выполняться не в полную силу, потому как иначе техники становятся слишком опасными.

Но Чида нравилось видеть изобретательность. Если он видел повторяющуюся технику защиты, то он рассказывал о его методе обучения полицейских - если полицейских продолжал выполнять одну и ту же технику защиты, он заменял его партнера на своего учи-деши, которому приказывал нападать искренне. Это означало, что все связки ударов ногами и руками достигали цели. Чида имитировал полицейского, держась в мучении за истекающий кровью нос и ушибленные яички. Затем он выпрямлялся. "Омоширои нэ?" ("Забавно, не правда ли?")

Чино, как теперь я понял, был своего рода как беспощадный школьник, который любил чтобы мы отрабатывали техники самозащиты в кругу, в "кругу ничтожества", как называл его Уилл. Один человек становился в середину этого круга, будучи окруженным пятью партнерами, и каждый по очереди нападал на стоящего посередине, используя одну и ту же атаку, названую Чино, или, что было наиболее забавно для Чино, с полностью импровизированной атакой.

Были быстро согласованы определенные обязательные правила: мягкий толчок локтем по ребрам означал, что нападающий должен отступить, иначе, если он этого не сделает, когда наступит его очередь быть в центре круга он получит, как напоминание, жесткий удар локтем. Как обычно Крэйг играл по своим собственным правилам, комментируя хрипло свои нападения: "Я приближаюсь. Я захватываю тебя здесь. Что ты будешь делать? Атакуй

в одну точку! Теперь ты захватил меня. Тогда я сделаю вот это. Нападай на другую точку!"

Адама раздражало это. Во время одного занятия, когда Крэйг был жестко зафиксирован внизу и не имел никакой возможности сопротивляться, он, как обычно, советовал атаковать одну точку. Адам выкрикнул: "Нет никаких чертовых свободных точек для нападения!" К счастью для Адама Чино, который вел тогда занятие, решительно не понимал английские ругательства или пропускал их мимо ушей в целом. Когда он просматривал груды порновидео, импортированного из США для полицейских, он был даже не в состоянии заметить одно из названий Chino Sucks Cock (Чино сосет член).

Другой составляющей этой части курса было обучение умению преподавать. Каждому выдали "синюю книгу", которая была прямым переводом японского руководства базовых движений Ёшинкан. Нам было сказано выучить эту книгу.

Тест на обучение состоял из объяснения, будто классу новичков, затем совершенное исполнение техники в течении пяти минут. Сначала это казалось чрезвычайно трудным для претворения в жизнь, точно так же как синхронный показ казался весьма трудным. Но мы неоднократно практиковались и достаточно уверенно все мы учились совершенно оценивать предоставленную пятиминутную демонстрацию, сопровождаемую объяснительной речью.

Причудливо было то, что обучение проходило на смешанных японском и английском языках. Поскольку наше предназначение было быть инструкторами за границей, фактический язык инструктажа был английским. Рэм хотел обучать на иврите, что не было позволено, поэтому эта часть курса, как оказалось, была одной из самых трудных для него. Но начальная и завершающая части обучения должны были быть на японском языке.

Обучение осуществлялось типично японским способом. Вы становились в пару с вашим партнером и по очереди "преподавали" установленную технику. Потому как каждый обучал одной и той же технике это вызывало мешанину повышающихся голосов, так как каждый "преподаватель" стремился чтобы внимание не было отвлечено его соседом. Это все было совершенно механически и весьма далеко от самых современных идей "хорошего обучения", о которых вы знаете.

Фактически, требованием додзё были компетентные преподаватели, которые будут обучать базе одинаково. И это было сутью. Если же вы, в дополнение ко всему, могли бы фактически учить, то это проявилось бы когда вы начали бы руководить учебными группами самостоятельно.

Все настоящие учителя вырабатывали свой стиль обучения, который был далек от базовых инструкций. Это было вероятно. Стиль Чиды был гномичен. Его роль, казалось, была в том чтобы унижить каждого. Он демонстрировал материал, который никто не мог когда-либо сделать кроме него самого, и когда мы делали попытки повторить его технику он тихо смеялся над нашими усилиями. Стиль Андо, наоборот, был полностью понятен. У него был талант разложить технику на шаги так, чтобы любой мог понять и выучить ее. Оямада выбрал путь повторения, одна и та же техника час за часом, выполняемая вами, изнывающими от скуки, что в конечном счете учило вас чему-то новому. Мастерд был вдохновителем, он никогда не вдавался в подробности при объяснении, однако имел редкое умение вынуждать вас действовать с большими усилиями. Шиода заставлял вас работать на скорости, его стиль был противоположностью мягкого сверхгибкого подхода Чиды. Специальность Чино был подход с одной единственной попыткой, которую вы никогда не забудете.

Чино становился все более и более дружественным, поскольку курс близился к концу. Большинство японских сэнсэй кроме Чиды, который оставался прежним, начали смягчаться в это время. Иностранцы учителя, за исключением Даррена, этого не допускали. Иногда чувствовалось, как иностранные учителя были полны решимости тем, что мы должны забыть плохие воспоминания о курсе, и означало лишь, что все это действительно серьезно. Японцы были более легкосердечными. Для них айкидо было делом всей жизни и если они были слишком чувствительны, то это не длилось очень долго.

Как раз в то самое время, когда все начали изнывать от нестерпимой скуки, связанной с обучением в неприятной атмосфере и с ярко выраженной неприязнью от необходимости непрерывно нападать друг на друга, Чино объявил занятие с прямыми и боковыми ударами кулаком. Все мы имели возможность ударить его кулаком десять раз по его незащищенному животу настолько сильно, сколь это было возможно.

Мы построились, хихикая скептически, в линию, тогда как Чино стал перед нами. Первые несколько человек ударили его весьма обходительно, но это не было тем, что он хотел от нас. Он тренировал себя самого столько же, сколько и нас и он хотел, чтобы мы били его абсолютно искренне в полную силу. С каждым из всех ударов, которые летели в него, он либо незначительно приближался и бросал поддерживая бьющую руку, либо отступал позволяя партнеру сильно вытягиваться. Дерзкие (Рэм и Малыш Ник) вдобавок получали стремительный боковой удар в челюсть или ладонь в нос.

После прямых ударов он стал перед нами и скомандовал атаковать боковыми ударами, которые начал блокировать своим стальным предплечьем. Мы не могли поверить своей

удаче. После того, как нас в течении года избивали наши учителя мы могли теперь так же побить его. И он позволяет нам нападать в два подхода, таким образом получалось двадцать самых жестких ударов от каждого. Я заметил в конце, что у него сбилось дыхание. Это было впервые, когда я видел как Чино потерял своё ледяное самообладание. Даже во время землетрясения он продолжал преподавать, как будто ничего необычного не происходило. Он стоял в центре зала и мы сидя на коленях слушали его. Он подробно рассказывал о какой-то технике когда додзё начало трясти. Складные стулья падали и начал думать о том, как бы поскорее выбраться отсюда. Все нервно отглядывались, но Чино был непоколебим и даже не обмолвился ни единым словом ни во время ни после землетрясения.

Однажды, выходя из додзё, я встретил Шерлока, который приехал попрощаться. Его направляли на дипломатическую работу в финское посольство.

Я был рад его видеть и мы пошли выпить в бар недалеко от станции. Я заметил, что его зубы все еще были в плохом состоянии. Он сам сказал мне о них.

"Я собираюсь установить коронки," сказал он, "тогда я смогу заполучить себе девушку."

Мы затронули тему иностранцев, назначающих свидание японским девушкам. Шерлок был непреклонен: "Это не правильно! Нет достаточного количества девушек, покинутых японскими мужчинами!"

Я подумал, что он шутит, как обычно, но он был абсолютно серьезен. Его друзья в полиции также рассказали ему о недавней поездке Адама на Мобильным Раковом Корпусе. Он был остановлен за то, что гонял на мотоцикле без шлема и когда его проверили на алкоголь, то обнаружили предельную дозу алкоголя в крови. Нам было велено не использовать наше удостоверение Ёшинкан для оправдания перед полицией, но Адам был отчаянным парнем. Он стал весело болтать со все более и более дружественным полицейским о своих друзьях в полиции. Он упомянул все имена, которые только смог вспомнить: Ханзаи, Маэда "горилла", что вызвало смех, Сайто Мурояма, Фуджи. В конце концов их беседа перетекла в обычное знакомство. Дорожный полицейский состоял в школе полиции вместе с Шимода, так же известным как Одурманенный. Его отношение к Адаму теперь полностью изменилось, он пожелал ему всего хорошего и посоветовал ему ехать аккуратней, скорее из беспокойства за него нежели из властных побуждений. "Удачи," сказал он ему по-английски, скрывшись в облаке черного дыма от Ракового Корпуса.

Шерлоку казалось это забавным. Японские полицейские не похожи на английских. В английской полиции виновен каждый. (Как говорил Мастерд сидя со своей чашкой, "Я должен говорить Полу время от времени: "Прекрати допрашивать меня, я не подозреваемый".") Японская полиция больше похожа на армию. Она не видит своей обязанностью моральное опекунство, но видит себя как автогрейдер общего облика мира. Конечно они лучше сплочены с обществом, чем западная полиция. И они не кажутся обремененными этим ненавистным желанием указывать каждому что делать.

Я спросил Шерлока применял ли он все же что либо из своего айкидо. Он посмотрел на меня так, будто я был безумным и съмитировал как он достает свой пистолет из кобуры и стреляет в девицу в баре. Он шутил, но под его шуткой крылась современная действительность самообороны. Современный Самурай имеет в арсенале 17-зарядный автоматический пистолет Glock, а не весьма хитроумное знание болевых точек на теле.

Айкидо, в действительности, не способ самозащиты, оно не реально, это путь самосовершенствования, однако его методы несовершенны и боль необходима, чтобы сделать все это реальным. Как объяснял Тессю: "Сначала вы учитесь принимать боль. Затем вы учитесь причинять ее. Наконец вы становитесь дружны с болью. Смерть больше не пугает вас, потому что не принимая боль во внимание жизнь и смерть не имеют более никакой власти над вами." Он пририсовал там череп:

Отбросьте смерть
И вы будете чувствовать
Только счастье
Уподобитесь мертвецу
И вы будете чувствовать
Себя хуже чем труп.

На утро когда должен был состояться заключительный тест Уилл работал с Мальшом Ником, самым опытным в дзю вадза из всего потока сэншусей. Это выглядело жалким, потому как у него не было возможности соответствовать проходимому в тот день тесту. "Я дам прикурить этому маленькому ублюдку," сказал он мне, что позже и сделал.

Я также одержал свою маленькую победу. Я выполнил айкидо второй раз в жизни, все остальное время я лишь обучался. У меня было понимание и свои крупные достижения, но

кроме этих двух случаев я не совершил волшебство, не сделал ничего захватывающего, удивительного, примечательного, что убедило бы людей в том, что вы владеете "реальной силой". Айкидо в этом смысле близко к идеалу, когда приложенная в приеме сила несоизмерима эффекту, тогда как прекрасный выбор времени и техники увеличивает силу воздействия невероятно.

Первый раз это случилось когда я отрабатывал свободную форму тенчи-нагэ, бросок, который выполняется за счет изначального разбалансирования вашего партнера. Я тренировался с Толстым Фрэнком и он захватил мои запястья со всей своей силой борца экс-чемпиона. Почти рассеяно я сделал технику и он рухнул на пол словно мешок картошки. Он был столь же потрясен как и я и заподозрил какую то грязную игру, тайную уловку, которой я научился сбивать его с ног. "Я лишь сделал все правильно," сказал я.

Второй раз подобное произошло перед тестом. Мастерд велел нам делать техники, стоя на одной ноге. Рэм напал на меня в то время, как я был обеспокоен лишь сохранением равновесия, я не выставил руку вперед, чтобы войти в атаку, и бросил его, будучи уже почти уверенным что слишком поздно. Я был почти уверен что сообразил запоздало, но выбор времени был великолепен и Рэм шлепнулся на мат, потрясенный и веселый.

Я выполнил чистое айкидо дважды и я стоял на пороге заключительного теста.

Этот тест, которыми я уже к тому времени был сыт по горло, хотя боли в животе причиняют больше беспокойства, чем последний тест, должен был состоять из базовых движений, трех базовых техник (конечно никаких проблем, всего лишь трех из ста пятидесяти возможных), одной серии дзю вадза, самообороны и пятиминутного обучения технике.

В экзаменационную комиссию входил Иноуэ сэнсэй, который был шеф-инструктором полиции, был старше чем Чидэ и имел девятый дан, тогда как у Чидэ был восьмой. На их уровне уровень дана был больше знаком почета, нежели уровнем знания базовых методов.

Поскольку тесты проходили весьма долго, нам разрешали покидать линию в то время, когда предшествующие нам пары сдавали свой тест, чтобы разогреться и размять ноги, которые оставались согнутыми в коленях в течении часа. Бен и я шатались в коридоре, вне главного зала додзё, вместе с Адамом и Денни, которые должны были сдавать свой тест в то же самое время что и мы. Мы слышали как "преподавал" Ага собравшимся учителям свою технику. Его голос повышался все выше и выше по ходу объяснения и к концу техники он тараторил писклявым голосом с невероятной скоростью, словно глотнул гелия.

И вдруг все это случилось. Ито позвал нас. Мы пробежали к нашим местам и все началось. Нервы сдавали. Базовые движения были прерывисты и не плавны, но по крайней мере я мог их сделать в отличии от Крэйга, который все еще спотыкался, перемещая свой вес шаг за шагом. Затем техники. Я делаю одну, Бэн делает одну. Затем я делаю другую и он делает другую. Еще всего одна техника чтобы пройти. Я не мог теперь ничего забыть. Я сделал каждую технику сотню или тысячу раз. Они назвали технику и я был убежден, что никогда ранее не слышал названия этой техники. Ублюдки, думал я. Они сделали это, чтобы проверить меня. Мысленно я начинаю строить картинку техники по словам и начинаю делать ее. Бэн сопротивляется и показывает мне глазами, словно предупреждая меня. Но говорить мы не можем, разговоры во время теста равносильны неудаче. Это означает что вы потеряли контроль. Таким образом я вынуждаю его выполнить что то непонятное, но что тем не менее работает. Но как только я сделал это я понял, что совершил ошибку, это было неправильно. Я терпел неудачу. Конец. И это была та же самая техника, котэ-гаэши из позиции на коленях от двойного захвата за запястья, выполняя которую у меня случился провал в памяти на занятии Чидэ. Конец. Я потерпел неудачу.

Тест продолжался и более я не сделал ни единой ошибки, я полностью выложился с обреченным чувством поражения, но не с меньшим беспокойством. Во время теста на самооборону мне неоднократно было велено напасть на Бэна сзади, взяв в замок его шею. Я был столь расшевелен, что фактически побежал, потому как Бэн был под два метра ростом и я фактически должен был прыгнуть на него, чтобы это выглядело реально. Мы никогда не отрабатывали этого прежде, но он справился превосходно, бросив меня на пол и я попутно весьма эффектно театрально пошумел.

Потом настала моя очередь. Легкое задание - обычный захват за запястье. Я вывел с захватом Бэна вниз, с чувством невероятной скорости, и он распластался на полу. Во второй раз я схватил его с меньшим изяществом, немного травмируя его попутно, к тому времени я знал, что зашел слишком далеко с Бэном), но он храбро ринулся вперед. Потом была дзю вадза. Мы старались делать все плавно - нападение, бросок, падение, снова нападение. Я начал задыхаться, но как только я заметил это все было кончено. Поражение, но поражение с честью.

По окончании теста к нам подошел Пол, усмехаясь, чтобы поздравить нас. У меня не было достаточно благосклонности, чтобы принять его ухмылку. "Я все испортил," сказал я мрачно. Он не симпатизировал мне, вместо этого он лишь пожал плечами. Я знаю как утомительно должно быть поздравлять кого то, кто не имеет достаточно любезности, чтобы принять поздравления, но именно так я поступил. Мы ждали решения Чиды.

Он опустился на колени и огляделся с улыбкой. Он сверился со своим планшетом почесывая свою ладонь. Затем он объявил результат. Крэйг получил свой черный пояс, но все еще должен был проработать свою базу. Уилл прошел. Ага советовали замедлить свои объяснения. Бешенный Пес получил черный пояс второй степени. Он расплылся в довольную улыбку и посмотрел в камеру, которой его жена, Анна Мари, снимала нас с боковых линий. Чиды никак не прокомментировал мою ошибку, он лишь сказал, что я должен лучше выстроить свой голос при обучении и это было все.

Было удивительно, но очевидно я прошел.

Я посмотрел на Уилла. "Мы сделали это. Мы им показали. Мы сделали это."

Денни подошел усмехаясь и пожал мою руку. "Я думаю, что способ которым ты укротил Бена это Путь для развития, Роб. Путь развития!"

Крис выпустил свой поток критики. "Я думаю, что после всего что я видел сейчас, я дважды подумаю теперь перед тем как напасть на вас, парни," сказал он.

После все отправились в бар чтобы выпить. Я вновь думал о возможности озарения, ослепительной вспышке великого единства или же сомнительной искре малого разнообразия. Я размышлял о словах дзэнского священника, которые он сказал мне, когда я только приехал в Японию: "Некоторые люди переживают одно большое озарение, другие теряются в меньших озарениях." Тессю конечно же пережил большое озарение, 30 марта 1880 года. Он выпил тогда восемнадцать бутылок пива со своим мастером Дзэн и написал стих в ознаменование:

"Долгие года я воспитывал свой дух,
Изучая путь меча,
Противостоя каждому вызову,
Столь стойко, насколько я был способен.
Затем стены, окружающие меня,
Внезапно обрушились на землю.
Словно отражаясь в чистой росе
Мир стал кристально чист.
И теперь пришло полное пробуждение."

Хотя я скорее был склонен больше к малому озарению, я теперь знал, я видел мельком то, о чем говорил старый самурай.

Я хотел расположиться рядом с Мастардом на праздничной вечеринке, что я и сделал. Он сидел рядом с Накано и всякий раз, когда Накано доставал сигарету, Мастард чиркал своей зажигалкой, чтобы дать тому прикурить. Я пробовал сделать то же самое для Мастарда, но он не ожидал этого, как будто он считал своим долгом делать это для Накано, таким образом я потратил половину всего времени. Я пробовал сказать Мастарду насколько я благодарен ему за то что он вдохновил меня на то чтобы пройти курс. Он сделал некий жест, который делают в Японии когда хотят показать что весьма польщены.

Чиды сидел поодаль от нас. Внезапно он повернулся ко мне и впервые обратился ко мне серьезно.

"Иноуэ сэнсэй глядя на вас предположил, что вы практиковали айкидо долгое время. Он сказал, что ваш стиль похож на Ёшинкан в старом стиле. У него есть тесть, который занимается айкидо уже шестьдесят лет, и у него такой же физический тип как и у вас. Так сказал Иноуэ сэнсэй. Он сказал, что это доказывает что человеческие типы одинаковы для любой расы, нет никакого специфического японского стиля."

Он сделал паузу и зажег сигарету. Он курил как и большинство японских мужчин, но не был заядлым курильщиком, это было ничто по сравнению с привычкой Канчо в сотню сигарет в день. Он жестом указал на Бена: "Если Бен бросит айкидо спустя три или четыре года, я не удивлюсь. Он все еще в том возрасте когда может бросить. Но вы будете практиковать в течении тридцати лет. Я уверен в этом."

Затем он махнул сигаретой в сторону Малыша Ника, который выглядел гордо и отчужденно в своем хорошо скроенном костюме. "Совсем как молодой Чино. Точно такой же. Абсолютно."

"Чиды любит поливать грязью," сказал Мастард. Но на сей раз я знал, что он был неправ. Чиды был абсолютно серьезен. Это была Япония, где я узнал, что учителя здесь были почти как гуру, чем как кто-либо еще.

Пришло время выступить с речью. Первым Даррен выбрал меня. Я произнес речь и до меня донеслись крики чтобы я прочел стих. Я импровизировал, сочинив грубый лимерик о размере члена Даррена, но стих почти заглушили возрастающие пьяные крики. Бешеный Пес встал и сказал собравшимся, что хочет сделать объявление: он сказал, что он и его жена вскоре будут услышать топот крошечных ножек. Она была беременна! Его жена выглядела ошарашенной и закричала протестуя. Случилась путаница криков с поздравлениями. Тогда Анна Мари ринулась прочь с вечеринки. Это было неправдой, Бешеный Пес сыграл шутку с ней.

Я подошел к Роланду "Терминатору". "Ты жестокий ублюдок, не так ли?" спросил я его. Он улыбнулся, его отвратительное лицо было милостивым и непроницаемым. Он ответил: "Но ты окончил курс. Ты сделал это. Я не думал что ты сможешь, но ты сделал это."

Снаружи, на улице, Бешеный Пес начал биться головой не прекращая о хрупкий металлический дорожный знак, который указывал на необходимость уступить дорогу. Он был полон отчаяния из-за своей шутки, которая выставила его жену на посмешище.

"Ник," окликнул его мягко Чида, "Ник".

Большой Ник повернулся и увидел, что его учитель усмехается и качает головой. Сейчас же взволновавшись Бешеный Пес бросился без остановки извиняться.

Вечеринка начала расходиться когда появились планы продолжить в ночном клубе. Учителя должны были вернуться домой к своим женам и семьям. Я видел как Чида спокойно покинул нас. Самый великий практик айкидо в мире вскоре исчез в толпе на станции, став неразличимым в своем темном костюме среди ночных гуляк и конторских служащих, спешащих на поезда. Некоторое время я следил за его передвижением по его коротко подстриженной голове, но потом он ушел, поглощенный толпой спешащих людей.

18. Сомнительный телохранитель

"The curse it continue."

'Проклятие продолжается.'

Надпись, сделанная Рэмом, с неумышленной орфографической ошибкой:
curse - проклятие; course - курс.

"Пока вам не исполнилось сорок лет, лучше отложить мудрость и проницательность, сконцентрировавшись на выживаемости. Даже достигнув возраста сорока лет человек, будучи неспособным выжить, не будет уважаемым другими."

Хагакурэ

После курса Уилл и Крэйг подали прошение быть севанин на следующий год. Уилл был принят на более упрощенных условиях, но Крэйг стал севанин. Вопреки предсказаниям он стал образцовым помощником учителя, жестким, но не задиристым. Крэйг, как казалось, был действительно заботливым. Бешеный Пес устроился на работу, он стал преподавать английский язык маленьким детям и так же попросился остаться в додзё как севанин на неполный рабочий день. Рэм продолжал ездить на своем супербайке Ниндзя и также продавал драгоценности. Роберт Мастерд женился на Кэрол и возвратился в Канаду, чтобы построить своё собственное додзё. Бен, Денни и Ага вернулись в Австралию, Денни забрал с собой свою семнадцатилетнюю подругу. Малыш Ник вернулся в Торонто к стряпне своей матери. Уилл все еще жил в Японии со своей женой и ребенком. Адам вернулся в Сиэтл, иногда возможно я слышу как он катается на своем скейтборде. Толстый Фрэнк женился на своей австралийской девушке и теперь живет в малонаселенной местности на верблюжьей ферме. Крис продолжил свои скитания, как будто ища что-то, что было вне его досягаемости. Сара планировала поехать в Индию.

После завершения курса, я блуждал по Токио, будучи не у дел. У меня была уйма времени и я стал кататься в метро бесцельно, иногда добираясь аж до конечных станций далеко в сельской местности и обратно. Я хотел заполучить власть над самим собой, притворяя в жизнь дисциплину, которую я изучал в течении прошлого года. Но это было трудно и я убедился, что необходимо время, чтобы полностью погрузиться в этот опыт.

Я устроился на работу в книжный магазин в Токио, но однообразная скука, после интенсивного курса, расслабляла. Однажды по пути на работу я был остановлен несколькими полностью снаряженными гражданскими полицейскими при входе в подземку. Я попробовал увидеть знакомые лица через запотевшие пластиковые маски. Я чувствовал, что знал этих парней, но для них я был всего лишь иностранцем. Меня вежливо оттолкнули назад. Я спросил что случилось. "Газовая атака!" сказали они. Я сел на автобус и,

доехав до работы, увидел, что в книжном все слушают радио. Это был день газовой атаки секты Аум, от которого пострадали пять тысяч человек.

Когда я загружал полки в книжном моё сердце вдруг начинало бешено колотиться без причины. И когда я сверялся с часами то было девять часов – начало второго занятия в додзё. Моё тело все еще по привычке было готово к нагрузке, которой больше не было. Однажды на неделе я зашел в додзё и встретил Уилла, локоть его раздулся как шар от неоднократных ударов. Окончание курса заставило его тело протестовать: "Больше никаких надругательств – я хочу отдыха," говорило его тело. Но чтобы не прекращать занятий он уменьшил количество тренировок до двух в неделю.

Я привыкал к сверхъестественным дозам адреналина, вызванных снижением физической деятельности от максимально до почти нулевой. Меня внезапно накрывало гормональной волной, которая заставляла меня бежать вниз по улице и не было никакой другой причины этому, кроме как почувствовать себя усталым. В другие времена меня накрыл бы всплеск агрессии, которому я нашел бы безопасный, но все же антиобщественный выход, смутив бы любого, кому бы я попался на глаза.

Борьба за власть над империей Канчо негласно тлела в додзё в течении многих месяцев. Чида сэнсэй был недостаточно авторитетным из-за того, что ему было чуть больше сорока лет, поэтому не мог стать новым Канчо. Шиода младший был весьма непопулярен, чтобы принять этот пост от своего отца да и так же был слишком молод. В конечном счете новым Канчо стал Иноуэ сэнсэй, которому было шестьдесят и голова его была седа. На должность нового главы Айкидо Ёшинкан его выдвинули полицейские. Хотя Иноуэ и увидел схожесть моего айкидо с айкидо своего престарелого тестя, но он по крайней мере сравнил меня с японцем, а не увидел во мне очередного гайдзин, выглядящего дураком в белой пижаме. Я был благодарен ему за это и был рад тому, что именно он стал новым главой Ёшинкан.

Символическая значимость волос никогда не была недооценена в Японии. Седина Иноуэ сыграла на руку ему при назначении на должность. Но однажды, спустя несколько месяцев после назначения на должность, он должен был, как в проверку, доказать свою живучесть. Иноуэ сэнсэй окрасил тогда свои волосы в черный, как уголь, цвет.

Я знал, что уже никогда не смогу вернуться к прежним дням в Фуджи Хайтс, когда я просто плыл по течению. Я должен был покинуть Японию. Нонака сэнсэй уволилась с должности преподавателя средней школы, обеспечив себе путь отхода. Она сэкономила много денег и ей так же выплачивали пенсию ее мужа. Она со своим другом решила отправиться в путешествие. Они планировали посетить Мексику, Соединенные Штаты и Европу.

Нонака, как и большинство японцев, боялась путешествовать без группы. Особенно пугало путешествие в Мексику и США, которые, как считают в Японии, являются столь же небезопасными как и воюющая Босния. Она договорилась встретиться со мной в кафе Мицуюши, дабы обсудить ее планы.

Мицуюши был японским подобием кафе Харродс – кафе специализирующимся на английском чае. За булочками с чаем Эрл Грей Нонака сэнсэй оценивающе посмотрела на меня.

"Теперь вы стали Кидотай и должны нести службу," сказала она.

"Ммм?"

"Я собираюсь поехать в путешествие. Поэтому сказала вам это. Гадалка сказала, что Мексика ... благожелательна."

Ее английский словарный запас не прекращал удивлять меня. Но я думал она из благоразумия не упомянула недавний мятеж в Чиapas. Я мог бы сказать, что у Нонака сэнсэй было весьма надуманное представление.

"Я буду "министром финансов"..." продолжила она, потупив взгляд в свою салфетку.

Чтобы быть прямолинейным в Японии необходимо намекать дважды, одним намеком помогая другому для того, чтобы вас правильно поняли.

"Я могу быть вашим телохранителем," сказал я.

"Именно так," она с ликованием захлопала в ладоши.

Теперь я уловил ее мысль о подробно разработанном плане. Англоговорящий, обученный японской полицией "телохранитель" был прекрасным решением для таких людей как Нонака и ее друг, которые не любили путешествовать в группах, но все же хотели увидеть "опасные" страны, такие как Мексика. Она оплатила бы все расходы и предоставила бы мне приемлемую заработную плату к тому же. Все это вызвало в моем воображении смешные образы, но это было гораздо лучше перспективы продажи книг с девяти утра до пяти вечера. К тому же теперь это было более безопасной альтернативой Токио, где сейчас орудовала секта Аум с газовыми бомбами.

Перед отлетом Сары в Индию я пригласил ее на прощальный ужин. Само собой мы пошли в индийский ресторан. "Но рис в Индии будет намного лучше, чем этот," сказал я.

"Японский рис не подходит для индийского карри." Она показала мне свой рюкзак и сказала, что купила его по выгодной цене.

На нашем прощально ужине было все же ощущение финала, несмотря на все заверения о том, что мы увидимся вновь, что будем писать друг другу письма и что будем поддерживать отношения. Я знал, что встречу вновь и Толстого Фрэнка, и Криса, и Уилла, и Бена и, даже если я не увижу их год или даже два, наши отношения останутся прежними. С Сарой было по другому и отношения должны были измениться, несмотря на всю нашу оживленную болтовню за коктейлями, и за бутылкой пива Kingfisher, и за нашим развлечением, когда мы наливали чай с молоком с большой высоты, чтобы получилось много пены, все равно охватывала грусть. Я пробовал разговаривать больше, стараясь скрыть это, но мы оба знали, что чувство грусти сопутствовало нам. К концу нашей встречи я преуспел в том, что сделал себя весьма угнетенным.

Выйдя на холодный ночной воздух Сара засунула свою руку в карман моего пальто, держась за меня. Это было невыносимо трогательно. На автобусной остановке я поцеловал ее и довольно быстро подъехал ее автобус. Ее новый рюкзак покачивался у нее на спине пока она поднималась по ступеням. Это должно было случиться сейчас или никогда.

"Почему не поедешь со мной в Мексику? У нас будет уйма времени."

Сара посмотрела мне прямо в глаза и сказала тихо, но весьма серьезно: "Это твой план. Это хороший план. Но это не мой план. Вы должны следовать своему собственному плану, не так ли?"

"Да," сказал я печально. "Вы должны следовать своему собственному плану."

Тогда она улыбнулась и поцеловала меня вновь и безумно замахала рукой пока двери плавно закрывались, так прощалась юная девушка, так же, как и все японские женщины говоря до свидания.

Гадалка Нонака сэнсэй установила дату отъезда. Это должно было случиться перед началом нового курса Гражданской Полиции. Я приобрел темные очки и темный костюм для поездки. Стрижка отсутствовала, как у регулярного сэншусей. Я брил голову машинкой регулярно. Я посмотрел в отражение в зеркале в Фуджи Хайтс: не плохо, не плохо. Смешно конечно, но не плохо.

Не думайте так
"Это - все, что существует".
Есть намного больше,
Чему можно научиться.
Меч непостижим.

Мир широк и
Полон событий.
Помните об этом
И никогда не думайте
"Я - единственный, кто знает."

Ямаока Тессю

